

ВЕСТНИК БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Серия «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

**МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ
ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВА**

ВЕСТНИК БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Серия «Юриспруденция»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
научного журнала «ВЕСТНИК БИСТ»
(Башкирского института
социальных технологий)

Главный редактор –
Нигматуллина Танзиля Алтафовна

Заместитель главного редактора –
Сулейманова Альмира Камилловна

Ответственный редактор –
Черкесова Наталья Николаевна

Редакционная коллегия серии
«Юриспруденция»:

Научный редактор –
Якупова Гузель Минигалеевна –
к.ю.н., доцент

Члены редакционной коллегии:

Маликов Борис Зуфарович –
д.ю.н., профессор

Нуркаева Татьяна Николаевна –
д.ю.н., профессор

Маликов Марат Файзелкадирович –
д.ю.н., профессор

Парфёнова Светлана Рафатовна –
к.ю.н., доцент

Учредитель:

Образовательное
учреждение профсоюзов
«Академия труда и
социальных отношений»

Научный журнал

Издаётся с 2009г.

ISSN 2078-9025

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-34653
от 2 декабря 2008г.

Адрес редакции: 450054,
г. Уфа, проспект Октября 74/2
E-mail: vestnikBIST@mail.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ 9

Маликов М.Ф.

К ВОПРОСУ ОБ ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ СОГЛАСОВАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА..... 9

Гайдук В.В.

КОНЦЕПЦИЯ ФЕДЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ И УНИТАРНОГО АВТОРИТАРИЗМА..... 23

Александрова Н.А.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЕДИНСТВА СИСТЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ..... 30

Маликов М.Ф., Паньшин В.Е.

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ НА РЕАЛИЗАЦИЮ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ 38

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА 46

Маликов Б.З.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ: УСЛОВИЯ И ТРЕБОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ 46

Нуркаева Т.Н., Юсупов Н.В.

ЗАРУБЕЖНОЕ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЛЕГАЛИЗАЦИЮ (ОТМЫВАНИЕ) ИМУЩЕСТВА, ПОЛУЧЕННОГО ОТ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ..... 59

Маликов Б.З., Адылин Д.М.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ ВИЧ-ИНФИЦИРОВАННЫХ ОСУЖДЕННЫХ..... 69

Громов В.Г., Данилова С.О.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ «СОВЕТСКОЙ» СИСТЕМЫ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИИ 77

Нуркаева Т.Н., Поезжалов В.Б.

К ВОПРОСУ О ПОТЕРПЕВШЕМ В СОСТАВАХ КЛЕВЕТЫ И ОСКОРБЛЕНИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ..... 86

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВА 91

Ибатуллина Э.А.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК ФАКТОР ПРАВОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ..... 91

Шакирова М. Л., Биккулова А.М.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ..... 97

Титлова Д.В., Липатьева А.В.

МОТИВ И ЦЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ИХ СООТНОШЕНИЕ..... 104

Ананичева Н.А.

ДОГОВОР ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ ГРАЖДАНИНА, ПРИЗНАННОГО БЕЗВЕСТНО ОТСУТСТВУЮЩИМ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 108

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ 119

ВЫСТАВКИ. КОНКУРСЫ

КОНФЕРЕНЦИИ. КРУГЛЫЕ СТОЛЫ

ВНИМАНИЕ! ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ БИСТ

СИСТЕМА МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА В БИСТ

АНОНС!

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ 127

МЕХАНИЗМ СОГЛАСОВАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (АВТ. М.Ф. МАЛИКОВ, Е.М. МИНЕЕВ). – УФА:

АН РБ, ГИЛЕМ, 2010. – 232С. 127

*УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО: ИСПОЛНЕНИЕ
КРАТКОСРОЧНОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В СЛЕДСТВЕННОМ
ИЗОЛЯТОРЕ (АВТ. Б.З. МАЛИКОВ, А.О. ЗУБОВА). – УФА: РИО БИСТ
(ФИЛИАЛ) ОУП АТИСО, 2011. – 176С. 130*

CONTENTS AND SUMMARIES 134

АВТОРАМ 140

CONTENTS

STATE DIRECTION FOUNDATIONS..... 9

Malikov M.F.

A QUESTION OF AN OPTIMAL MODEL OF THE FEDERAL AND REGIONAL
LEGISLATION CONCORDANCE 9

Gaydouk V.V.

THE CONCEPTION OF THE FEDERAL DEMOCRACY AND UNITARY
AUTHOTARISM 23

Aleksandrova N.A.

THEORETICAL PROBLEMS OF THE UNITY OF THE RUSSIAN FEDERATION'S
CONSTITUTIONAL LEGISLATION SYSTEM 30

Malikov M.F., Panshin V.Y.

INTERNATIONAL STANDARDS' INFLUENCE ON THE REALIZATION ON THE
RUSSIAN STATE YOUTH POLICY 38

THE PROBLEMS OF THE CRIMINAL LAW AND PROCEEDINGS 46

Malikov B.Z.

COUNTERACTION TO THE CORRUPTION: THE CONDITIONS AND THE
REALIZATION DEMANDS 46

Nurkayeva T.N., Yusupov N.V.

FOREIGN CRIMINAL LEGISLATION ON RESPONSIBILITY FOR LEGALIZATION
(LAUNDERING) OF PROPERTY THAT WAS RECEIVED FROM ILLEGAL NAR-
COTIC DRUG CIRCULATION, PSYCHOTROPICS AND THEIR ANALOGUES..... 59

Malikov B.Z., Adylin D.M.

EXECUTION PROBLEMS OF IMPRISONMENT OF HIV-INFECTED CONVICTS..... 69

Gromov V.G., Danilova S.O.

SOME PROBLEMS OF THE `SOVIET` SYSTEM OF INPRISONMENT
INSTITUTIONS IN RUSSIA..... 77

Nurkayeva T.N., Poezhalov V.B.

*ON THE QUESTION OF A VICTIM OF SLANDER AND INSULT: CRIMINAL-
LEGAL AND PROCEDURAL ASPECTS* 86

YOUNG SCIENTISTS ABOUT URGENT LAW QUESTIONS 91

Ibatullina E.A.

ENTREPRENEURSHIP AS A FACTOR OF A LEGAL MODERNIZATION 91

Shakirova M.L., Bikkulova A.M.

*LEGAL REGULATION OF DETERMINATION OF CHILDREN'S PARENTAGE US-
ING SUBSIDIARY REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES: URGENT QUESTIONS OF
THEORY AND PRACTICE* 97

Titlova D.V., Lipatyeva A.V.

MOTIVE AND OBJECTIVE OF A CRIME, THEIR CORRELATION 104

Ananicheva N.A.

*CONTRACT OF TRUST MANAGING OF CITIZEN'S PROPERTY CONSIDERED BY
THE RUSSIAN LEGISLATION AS OBSCURE ABSENTEE* 108

SCIENTIFIC LIFE 119

EXHIBITIONS. COMPETITIONS

CONFERENCES. ROUND TABLES

ATTENTION! BIST INNOVATIVE PROJECT!

*QUALITY MANAGEMENT SYSTEM IN BIST
ANNOUNCEMENT!*

CRITICS AND BIBLIOGRAPHY 127

MECHANISM OF AGREEMENT BETWEEN THE FEDERAL

AND REGIONAL LEGISLATION (AUTH. M.F. MALIKOV, E.M. MINEYEV).

– UFA: GILEM, 2010. - 232 p. 127

CRIMINAL AND EXECUTIVE LAW: IMPLEMENTATION OF A SHORT-TERM

DEPRIVATION OF LIBERTY IN AN INVESTIGATIVE ISOLATION WARD

(AUTH. B.Z. MALIKOV, A.O. ZUBOVA). – UFA: BIST EPD, 2011. – 176 p. 130

CONTENTS AND SUMMARIES 134

FOR AUTHORS 140

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

УДК 342.4(470)

Маликов Марат Файзелкадирович,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
«Теория, история государства и права и конституционного
права» Башкирского института социальных технологий
(филиала) ОУП «Академия труда и социальных отношений»
e-mail: Malikov-MF@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ СОГЛАСОВАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье рассматриваются социально-политические, экономико-правовые аспекты согласования федерального и регионального законодательства.

Ключевые слова: Федерация, субъекты федерации, модель распределения полномочий, предметы совместного ведения, государственность, правовые стандарты.

Как известно, в рамках Государственной научно-технической программы «Башкортостан в XXI веке: социально-экономическая, политико-правовая и гуманитарная модель развития» проводится комплексное научно-правовое исследование механизма согласования федерального и регионального законодательства на современном этапе развития российской правовой системы. Основанием для проведения исследования является Постановление Правительства Республики Башкортостан от 17 октября 2007г. № 290 «О государственных научно-технических программах Республики Башкортостан на 2008-2010 годы». Некоторые ас-

пекты данной проблемы решались в рамках регионального конкурса «Урал: история, экономика, культура на 2010 год».

Необходимость проведения исследования определяется отсутствием согласованности между нормативными правовыми актами разных уровней; нечеткостью договорного характера разграничения полномочий между федеральными органами власти и органами власти субъектов федерации; недостаточной разработанностью правового механизма формирования и перераспределения (делегирования) полномочий между законодательными и исполнительными органами власти; несогласованно-

стью конституционно-правовых требований обязательной экспертизы законопроектов и механизма их принятия [1].

Целью автора статьи является разработка согласительной процедуры для разрешения разногласий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Башкортостан.

Задачи исследования определены с учетом необходимости разработки критериев согласования в сфере законодательной компетенции Федерации и ее субъектов; определения правомочности Республики Башкортостан при принятии нормативно-правовых актов; выявления соответствия содержания нормативно-правовых актов объему полномочий правотворческих органов субъектов Российской Федерации; нахождения правильности выбора видов нормативно-правовых актов; соблюдения процедуры подготовки и принятия нормативно-правовых актов; соответствия законодательства субъектов федеральным нормам.

При разработке оптимальной модели согласования федерального и регионального законодательства многие авторы исходят из того, что реализация сфер совместного ведения включает издание по указанным в ней предметам федеральных законов и принятие в соответствии с ними законов и иных

нормативных правовых актов субъектами федерации.

Обобщение современных научных направлений по данному вопросу позволяет сделать вывод о том, что оптимальную модель согласования федерального и регионального законодательства можно сформулировать на основе распределения полномочий по предметам совместного ведения [2, с.3; 3, с.6; 4, с.69-86].

Первая модель состоит в закреплении за федеральными органами всех или почти всех полномочий в области правового регулирования, тогда как государственное управление, исполнительно-распорядительные полномочия делятся между органами государственной власти Федерации и субъектов федерации (с сохранением за федеральными органами ряда контрольных и надзорных полномочий) [5, с.29; 6, с.10].

Согласно второй модели все полномочия как в области правового регулирования, так и в области государственного управления распределяются между органами государственной власти Федерации и субъектов федерации, с тем чтобы как можно более точно и детально разграничить полномочия по каждому предмету ведения [7, с.41-41; 8, с.66].

Третья модель предполагает закрепление за федеральными органами возможности установления принципов, основ регулирования и контроля за соответствием этих

принципов законодательным актам, принимаемым в субъектах федерации, а все иные нормотворческие и исполнительные полномочия закрепляются за органами государственной власти субъектов федерации [9, с.33-36; 10, с.30].

Вполне понятно, что при разработке оптимальной модели согласования федерального и регионального законодательства принципиальное значение имеют методы разграничения полномочий.

Практика законодательного регулирования предметов совместного ведения Федерации и ее субъектов нередко шла по пути единообразного и во многом ошибочного распределения компетенции. Основным способом разграничения полномочий практически по любому предмету совместного ведения, независимо от его содержания, было максимальное закрепление полномочий по правовому регулированию предмета совместного ведения за федеральными органами государственной власти, в том числе за Правительством Российской Федерации и федеральными органами исполнительной власти. Предпосылки подобного распределения полномочий в области законодательного регулирования можно усмотреть как в традициях централизации российской государственности и соответствующем политическом мышлении, так и во вполне оправданном стремлении защитить единое

правовое пространство, единый уровень гарантий прав человека и гражданина на всей территории Российской Федерации. Однако сам подход не всегда соответствует принципам федеративной государственности и подчас лишает субъекты федерации возможности осуществлять законодательное регулирование целого ряда предметов совместного ведения, по которым было бы целесообразно осуществлять законодательное регулирование субъектов федерации исходя из специфики конкретного субъекта.

В качестве своего рода компенсации за перевес нормотворческой компетенции Федерация оставляла в ведении органов исполнительной власти субъектов федерации неоправданно большое число исполнительно-распорядительных полномочий, объективно требующих известной централизации. При этом даже в тех случаях, когда исполнительно-распорядительные функции по закону оставались в компетенции федеральных органов исполнительной власти, широко практиковалась передача соответствующих полномочий органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации по соглашениям. Однако такая процедура не всегда сопровождалась передачей источников финансирования, вследствие чего появилась существенная диспропорция между расходами бюджетов субъектов

федерации по реализации полномочий в сфере совместного ведения, прежде всего в социальной сфере, и доходными поступлениями в бюджеты субъектов федерации. При этом ряд республик путем заключения договоров и соглашений с федеральным Центром сумели повысить доходные статьи своих бюджетов, в остальных же субъектах федерации подобная диспропорция только усилилась. В связи с этим позволим высказать пожелание, чтобы требования новой редакции Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в отношении указанного вопроса в обязательном порядке выполнялись.

При отсутствии должной правовой и управленческой культуры, обеспечивающей неукоснительное следование органов государственной власти и должностных лиц нормам, определяющим их компетенцию, осуществлявшаяся до недавних пор широкомасштабная передача органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и их должностным лицам большей части исполнительно-распорядительных полномочий по предметам совместного ведения в таких, например, областях, как природоохранная деятельность, выдача разрешений на пользование природными ресурсами, управление существ-

венной частью объектов федеральной собственности, была не вполне верной и привела к утрате возможности оперативного контроля за осуществлением значительной части общегосударственных задач. Последующий контроль за их деятельностью был не в состоянии исправить недостатки, поскольку утрата природных ресурсов или разорение государственного предприятия в результате допущенных неправомерных действий или ошибок при принятии управленческого решения носят во многом невозвратимый характер.

Нормотворческие полномочия субъектов Российской Федерации максимально сужались федеральным законодателем даже по вопросам организации государственного управления в субъекте федерации, которые в силу ст. 73 Конституции должны относиться к ведению субъектов Российской Федерации. Аналогичная тенденция имела место в отношении регулирования федеральными нормативными актами вопросов организации управления объектами государственной собственности, в которых не учитывались соответствующие права субъектов федерации по самостоятельному управлению своей собственностью. Сходная ситуация имеет место и по вопросам государственного регулирования социально значимых отраслей экономики, относимых Конституцией к предметам совместного ведения, а также не обозна-

ченные в Конституции и, следовательно, в соответствии со ст. 73 остающиеся в ведении субъектов Российской Федерации. К такому относятся, например, подготовка и реализация государственных программ поддержки развития сельского хозяйства, легкой и пищевой промышленности, коммунального хозяйства, бытовых и иных услуг, в том числе путем поддержки так называемого малого бизнеса на уровне субъекта федерации.

Под предлогом заботы о сохранении единства системы управления отраслью зачастую сознательно допускается затягивание процесса детального разграничения объектов государственной собственности (предприятий, природных объектов и других) на объекты федеральной собственности и объекты собственности субъектов федерации. Допускается также ущемление прав субъектов федерации на самостоятельное нормативное регулирование организации управления объектами своей собственности и законодательное определение полномочий органов исполнительной власти субъектов федерации в областях совместного ведения вне рамок полномочий Федерации. Иными словами, проблема часто состоит не в отсутствии разграничения полномочий, а в уровне соответствия сложившегося законодательного разграничения полномочий конституционным принципам.

В зависимости от избранной модели разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов федерации возникают противоречия между федеральными и региональными правовыми актами. Если в какой-либо области управления законодательные полномочия почти целиком сосредоточены «в руках» федеральных властей (первая модель), то преобладают противоречия между нормами закона и актами органов исполнительной власти, принимаемыми в процессе исполнения законов, поскольку законодательные органы субъектов федерации не обладают нормативными возможностями уточнения положений федеральных законов применительно к конкретным условиям региона.

Следует учесть, что в настоящее время пути совершенствования правового регулирования предметов совместного ведения частично предусмотрены в Федеральном законе от 4 июля 2003г. «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации"». В частности, в нем предусмотрены два типа полномочий органов государственной власти субъектов Рос-

сийской Федерации по предметам совместного ведения.

К первому типу относятся полномочия, осуществление которых финансируется из бюджета субъекта Российской Федерации. До принятия указанного федерального закона предполагалось, что перечень таких полномочий, предусмотренных федеральными законами, должен содержаться в Федеральном законе «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации». При объединении данного федерального закона с Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» соответствующий перечень вошел в последний. Данный перечень позволит не допустить возложения на субъекты Российской Федерации дополнительных расходов за счет их бюджетов.

Ко второму типу относятся полномочия, возлагаемые на органы власти субъектов Российской Федерации, но финансируемые в форме целевых субвенций из федерального бюджета и поэтому детально регулируемые федеральным законодателем. Федеральные органы государственной

власти вправе контролировать их осуществление и в случае ненадлежащего исполнения этих полномочий органами государственной власти субъектов Российской Федерации временно принимать их на себя.

Однако эти проекты нуждаются в конкретизации и в части обеспечения системности и согласованности законодательных норм, касающихся статуса органов государственной власти субъектов Российской Федерации, повышения эффективности государственной политики, стабилизации межбюджетных отношений [11].

Для разработки концепции оптимальной модели согласования федерального и регионального законодательства, а соответственно и механизма согласования федерального и регионального законодательства, имели значение Законы СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» от 3 апреля 1990г., «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик» от 10 апреля 1990г., «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации» от 26 апреля 1990г., «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР» от 26 апреля 1990г., а также законы РСФСР «О

референдуме РСФСР» от 16 октября 1990г., «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР» от 31 октября 1990г., «Об изменении наименования государства Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика» от 25 декабря 1991г., «О действии актов органов Союза ССР на территории РСФСР» от 24 октября 1990г., «О государственной охране высших представительных органов государственной власти Российской Федерации» от 6 марта 1993г., Постановление Съезда народных депутатов РСФСР «О правовом обеспечении экономической реформы» от 1 ноября 1991г., Указ Президента РСФСР «Об обеспечении условий по повышению роли и взаимодействия республик в составе РСФСР, автономных образований, краёв, областей в осуществлении радикальной экономической Реформы» от 11 ноября 1991г., Соглашение «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти республик, краёв, областей, автономных областей, автономных округов в составе Российской Федерации» от 26 января 1992г.

Очередной этап развития согласования федерального и регионального законодательства в Российской Федерации и её субъектах наступил в 1990 году, когда впервые в союзном законодательстве автономная рес-

публика была определена как государство. Именно в это время появилась возможность отказаться от одностороннего понимания автономной республики, от теории «автономизации», хотя, безусловно, «автономия» предполагает суверенитет любой республики как государства.

В основе концепции оптимальной модели согласования федерального и регионального законодательства, соответственно и механизма согласования федерального и регионального законодательств, юридическое значение имеют: запрет всякой деятельности, в том числе законодательной, противоречащей Конституции; конституционные нормы, средства толкования и применения законов; нормотворческие органы; характер принятия Конституции и усложненный порядок конституционного пересмотра; наличие конституционного контроля.

В целом методики познания механизма согласования законодательства могут быть объединены по трем направлениям.

Во-первых, внутри Федерации в отношении законодательств Федерации, её субъектов и законодательств субъектов. Это вытекает из ст. 71 и, в частности, п. «п» о федеральном коллизионном праве, ст.ст. 72, 76 Конституции Российской Федерации. Именно конституционные нормы служат критерием сопоставления и сравнения правовых актов. Поэтому не слу-

чайно, что в первом проекте Федерального закона «О процедурах преодоления разногласий и разрешения споров между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» предусматривались элементы механизма согласования законодательства.

Во-вторых, в рамках межгосударственных объединений типа Европейского Союза, Совета Европы, СНГ вырабатывается общая политика сближения в тех или иных сферах, принимаются модельные акты как своего рода правовые ориентиры. Сближение национальных законодательств в рамках межгосударственных объединений происходит в разных формах. Так, например, Межпарламентский комитет России, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана ещё в 1994г. утвердил рекомендации (основы) проведения сравнительно-правового анализа национальных законодательств государств-участников. Как показывает практика, на их основе теперь проводится работа по приближению национального законодательства к стандартам Совета Европы и Европейского Союза.

В-третьих, в рамках сближения законодательств зарубежных государств в силу исторической, географической, природной, культурологической, экономической близости осуществляются: согласование научно-правовых концепций;

программы сближения (гармонизации) национальных законодательств; договоры о правовом сотрудничестве; соглашения о правовой помощи; обмен информационными обзорами законодательства; совместные и координируемые юридические действия и меры; общее признание международных актов; признание общего правового пространства (с помощью международных договоров); процедуры согласования национальных правовых актов, программ законопроектной деятельности; наличие процедур и институтов (органов), ответственных за решение «задач сближения». Юридические средства сближения целей правоведения и государствоведения включают: составление общего словаря терминов, понятий (гlossарий); общий или распространяемый юридический режим (инвестирования, налогообложения и т. п.); признаваемый равным объемом прав субъектов (инвесторов, предпринимателей и др.); модельные законы; унифицированные акты; единые нормы (обслуживания и т. п.); единые стандарты (экологической безопасности и т. п.); выравнивание уровней правового обеспечения (пенсий и т. п.); признание юридических документов (дипломов об образовании и т. п.); введение упрощенного порядка (приобретения гражданства и т. п.); равную юридическую защиту субъектов; равнообязательные юридические требования; допус-

каемые правовые льготы и стимулы; распространение санкций.

Имплементация международного права, влияющая на содержание механизма согласования законодательства, имеет два аспекта. Во-первых, фактическая реализация международных обязательств на внутригосударственном уровне; во-вторых, трансформация международно-правовых норм в национальные законы и подзаконные акты. В ряде государств ратифицированные международные договоры автоматически становятся частью национального законодательства. Так, в соответствии с ч. 4 ст.15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью её правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Данные выводы обоснованы следующими факторами: самостоятельностью конституционно-правовых институтов; отдельных отраслей права; оснований и принципов правотворческой деятельности субъектов Российской Федерации; своевременностью реализации законодательной инициативы субъектов Российской Федерации; стабильностью регионального законодательства; необходимостью разработки процессуальных, организационных и фи-

нансовых оснований механизма согласования федерального и регионального законодательства; важностью мониторинга республиканского законодательства; необходимостью сравнительного изучения федерального и регионального законодательства на основе международных стандартов.

Данные предложения и выводы по результатам научно-исследовательской работы в рамках Центра правовых исследований могут быть использованы для создания Центра правовых исследований в рамках Уфимского научного центра Российской Академии наук или в рамках Центра социальных и политических исследований Академии наук Республики Башкортостан. Таким образом, необходимо предложить пути и формы совершенствования Законов Республики Башкортостан «О нормативных правовых актах Республики Башкортостан» от 09 сентября 2001 года № 257-з в редакции от 03 февраля 2006г. № 280-з и «О порядке наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Республики Башкортостан» от 16.06.2005 года, а также разработать основные параметры методики проведения сравнительного анализа Указа Президента Республики Башкортостан от 01.12.2006г. № УП-581 «Об утверждении порядка подготовки проекта договора о разграничении предметов ведения и полномочий

между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти Республики Башкортостан»; Постановления Кабинета Министров РБ «Об экспертном совете при Кабинете Министров Республики Башкортостан» от 22.12.1997 года № 242 в редакции от 15.04.2004 года; Правил подготовки нормативных правовых актов республиканских органов исполнительной власти и их государственной регистрации от 01.06.1998 года № 111; Положения «О порядке ведения республиканского реестра муниципальных правовых актов» от 28.03.2005 года № 50. Осуществление данных действий позволит выявить пробелы в конституционных нормах по предметам совместного ведения, в задачах экспертного совета при Кабинете Министров Республики Башкортостан, в структуре регионального законодательства и принципах заключения договоров и соглашений между Российской Федерацией и ее субъектами.

Актуальной представляется подготовка по результатам научных исследований рекомендаций и предложений к проектам Федерального закона «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления» и Постановления Государ-

ственного Собрания Республики Башкортостан «О стабильности республиканского законодательства», разработать Положение «О порядке работы по разграничению предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации и о взаимной передаче осуществления части своих полномочий федеральными органами государственной власти и исполнительной власти субъектов Российской Федерации».

Эти рекомендации и предложения могут найти отражение в научных трудах по «Концептуальным основам механизма согласования федерального и регионального законодательства», «Принципам согласования федерального и регионального законодательства», «Механизму согласования финансового законодательства (на примере Республики Башкортостан)», «Механизму согласования муниципального законодательства о передаче отдельных государственных полномочий (на примере Республики Башкортостан)», «Концепции механизма согласования федерального и регионального законодательства (на примере Республики Башкортостан)», «Конституционно-правовым основам механизма согласования федерального и регионального законодательства по регулированию предпринимательской деятельности (на примере Республики

Башкортостан)», «Механизму согласования налогового законодательства (на примере Республики Башкортостан)».

Исходные положения механизма согласования федерального и регионального законодательств будут определены на основе разграничения предметов ведения и полномочий между Федерацией и ее субъектами путем установления исключительной компетенции Российской Федерации (ст. 71 Конституции РФ), исключительной компетенции субъектов Российской Федерации (ст. 73 Конституции РФ) и совместной компетенции Российской Федерации и ее субъектов (ст. 72 Конституции РФ) с учетом принципа верховенства федерального закона в сфере совместных полномочий (ч. 5 ст. 76 Конституции РФ) и верховенства закона субъекта РФ в сфере полномочий, отнесенных к его ведению (ч. 6 ст. 76 Конституции РФ).

В общий план работ Центра правовых исследований следует включить основную идею, цели и предмет регионального правового регулирования; круг лиц, на которых будет распространено действие закона; права и обязанности правотворческих органов Республики Башкортостан.

Таким образом, в механизме согласования федерального и регионального законодательств будут исследоваться: а) проекты законов Республики Башкортостан

(если требуется новое решение какого-либо самостоятельного вопроса или если по одному и тому же вопросу имеется несколько нормативных правовых актов); б) изменения действующих законов Республики Башкортостан и дополнения в них; в) новая редакция (нового текста) действующих законов субъекта Российской Федерации, улучшающей содержание принятых ранее законодательных норм; г) одобрение (полное или частичное) модельного законодательного акта, рекомендованного федеральными государственными органами и научными учреждениями.

В связи с этим содержание конституционного законодательства Республики Башкортостан, структура законодательства Республики Башкортостан, характер заключенных договоров и соглашений исследуются в рамках Федеральных законов «О порядке реализации субъектами РФ права законодательной инициативы», «О процедурах преодоления разногласий и разрешения споров между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации». Эти цели будут достигнуты путем проведения мониторинга действующего регионального законодательства, разработки методики определения соотношения законов и подзаконных актов, определения процессуальных право-

вых форм разграничения федерального и регионального исполнительного органа государственной власти, исследования механизма согласительной процедуры наделения органов местного самоуправления государственными полномочиями, рекомендаций к Положению «Об определении видов правотворчества исполнительных органов», приведения в соответствие федерального и регионального законодательств с вновь принятыми законами и нормативными актами, определения оснований приостановления или опротестования действующих норм федерального законодательства, подготовки комментариев к Федеральному закону «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального собрания» с учетом принципов регионального правотворчества.

Представляются важными предложения к проектам Федерального законодательства «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления»; Постановления Государственного Собрания Республики Башкортостан «О мерах по согласованию конституционного и текущего законодательства»; Указа Президента Республики

Башкортостан «О признании утратившими силу нормативных правовых актов в связи с разработкой «Механизма согласования федерального и регионального законодательства»; Постановления Правительства Республики Башкортостан «О концептуальных основах договора межгосударственных отношений между Российской Федерацией и Республикой Башкортостан»; Положения «О порядке работы по разграничению предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации и о взаимной передаче осуществления части своих полномочий федеральными органами государственной власти и исполнительной власти субъектов Российской Федерации»; Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О процедурах преодоления разногласий и разрешения споров между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации».

Предлагаемые для обсуждения вопросы частично рассмотрены в Комментариях к статьям 15, 85 Конституции Российской Федерации и статьях 4, 71, 76, 114 Конституции Республики Башкортостан; региональной государственной программе «Концепция механизма согласования федерального и ре-

гионального законодательства»; монографии «Пути совершенствования регионального законодательства»; диссертациях «Делегированное законодательство», «Способы восполнения пробелов в законодательстве Республики Башкортостан», «Правовые коллизии и усмотрения правоприменителя»; научных статьях «Правовая экспертиза регионального законодательства», «Принцип согласования в многоуровневом правотворчестве», «Способы устранения правовых коллизий», «Соотношение регионального и федерального законодательства», «Общие принципы организации местного самоуправления», «Роль механизма согласования федерального и регионального законодательства в формировании правового государства в Республике Башкортостан»; практическом пособии «Совершенствование государственности Республики Башкортостан»; учебном пособии «Конституционное право Республики Башкортостан», «Передача государственных полномочий органам местного самоуправления Республики Башкортостан»; аналитической справке «О стабильности республиканского законодательства по результатам социологического исследования»; методических указаниях по разработке «Концепции механизма согласования федерального и регионального законодательства»; комментарии к статьям 1, 3, 69, 73 Конституции Республики Башкортостан;

стан; материалах региональной научно-практической конференции «Концепция механизма согласования Федерального и регионального законодательства: практика и пути совершенствования»; рекомендациях о создании Института регионального законодательства.

Литература

- [1] Маликов М.Ф. Механизм согласования федерального и регионального законодательства. Комплексное научно-правовое исследование. В 5-ти частях. Часть I. Методология изучения механизма согласования федерального и регионального законодательства. Уфа, 2008.
- [2] Козак Л.Н. Проблемы разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации // Журнал российского права. 2002. № 5.
- [3] Хабриева Т.Я. Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Федерации и ее субъектов // Федерализм. 2003. № 2.
- [4] Чертков А. Как работает механизм федерального законодательного регулирования в сфере совместного ведения // Федерализм. 2004. № 4.
- [5] Субъект Российской Федерации. Правовое положение и полномо-

- мочия: научно-практическое пособие. М., 1998.
- [6] Чиркин В. Предметы ведения федерации и ее субъектов: разграничение, сотрудничество и субсидиарность // Государство и право. 2002. № 5.
- [7] Карасев М.Н. Институт совместного ведения Российской Федерации и субъектов федерации: необходимы серьезные изменения // Журнал российского права. 2001. № 9.
- [8] Саленко А.В. Россия – унитарная федерация: парадокс или реальность? // Правоведение. 2001. № 2.
- [9] Кондрашев А.А. Разграничение полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами: современные проблемы и практика законодательного регулирования // Конституционное и муниципальное право: научно-практическое и информационное издание. 2005. № 1.
- [10] Кокотов А.И. Разграничение и согласование полномочий Российской Федерации, субъектов федерации и их органов государственной власти // Журнал российского права. 2002. № 8.
- [11] Отзыв Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан на проект Федерального закона №280525-3 «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации"» // Ведомости Государственного Собрания, Президента и Кабинета Министров Республики Башкортостан. 2003. № 5 (161).

УДК 342.4(470)

Гайдук Виталий Викторович,

*доктор политических наук, кандидат юридических наук,
профессор кафедры «Конституционное право» Института права
ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
e-mail: eurasiaw@mail.ru*

КОНЦЕПЦИЯ ФЕДЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ И УНИТАРНОГО АВТОРИТАРИЗМА

В статье рассматриваются проблемы демократии, фантомного характера федерализма и национальный вопрос.

Ключевые слова: Конституция России, федеративная демократия, унитарный авторитаризм, Содружество Независимых Государств, политическая модернизация, административная реформа, субъекты федерации, регионализм.

В геополитическом плане Советский Союз эволюционировал в Российскую Федерацию, которая стала лишь одним из образовавшихся полноправных суверенных государств.

Содружество Независимых Государств (СНГ) не обладает наднациональными полномочиями, государства-члены являются самостоятельными субъектами международного права. Своим появлением СНГ обязано быстрому и неожиданному уходу Советского Союза с мировой политической арены [1].

Очевидно, что СНГ – явление бутафорское, не заменившее СССР. Надо признать, что на сегодняшний день не СНГ объединяет страны бывшего СССР, а общая история и совместное бытие в Советском

Союзе [2, с.3-6; 3]. Несмотря на попытки сохранить союз, его необходимость и целесообразность остаются под вопросом [4, с.2-5].

Процессы демократизации и федерализации страны после распада СССР принесли демократию и федерализм в Россию. Однако с приходом к власти В.В. Путина строительство федеративного государства пошло на спад, страна возвращается к губительной унитарии, Россия вновь становится синонимом авторитаризма [5].

Под знаменем построения так называемой «суверенной» демократии, трансформации и модернизации [6] системы государственной власти происходит полная унификация вертикали власти, унитаризм заменяет федерализм, а

показательный парламентаризм – демократию [7].

Предложенная бывшим Президентом России Владимиром Путиным реформа системы государственной власти в Российской Федерации и имеющиеся тенденции централизации власти в стране вызывают всеобщую обеспокоенность политической элиты судьбами федерализма и демократии в России.

Как считает доктор политических наук профессор Н.П. Медведев, режим нынешнего президента России Д.А. Медведева, характеризующийся политическим плюрализмом, «управляемой демократией», преобладающими тенденциями авторитаризма, стал продолжением политики централизации В.В. Путина: все формы модернизации начинаются с различных форм политических манипуляций, а заканчиваются преднамеренной и планомерной формализацией, бюрократизацией и даже полным игнорированием конституционных принципов народовластия.

В контексте вышеназванных обстоятельств следует отметить, что в настоящее время существует настоятельная необходимость мобилизации усилий на достижение целей, связанных с сохранением не только принципов федерализма в Российской Федерации, но и самой государственности, необходима модернизация политической системы России, под которой мы понимаем совокупность политико-правовых действий, направленных на научно-обоснованное измене-

ние политической системы России с активным использованием позитивного опыта государственного строительства зарубежных стран и, самое главное, России.

Модернизацию в экономике и других сферах общественной жизни необходимо начинать с опоры на меритократические элитарные социальные группы, которые в состоянии ориентировать общество на стратегию развития, а не на стагнацию. Политическим руководителям XXI века пришло время отказаться от выводов марксистско-ленинского учения о том, что, якобы, народные массы являются главной движущей силой истории [7].

Для этого необходимо сохранить действующую Конституцию России, несмотря на различные идеи «горячих голов» об активном внесении изменений в Основной закон и даже принятии новой Конституции [8].

Достаточно важным на сегодняшний день является недопущение демонтажа федерализма в России, обеспечение и сохранение политических, экономических и этнических интересов субъектов Российской Федерации с сохранением и трансформацией региональных «институты, явлений и процессов».

Мы считаем, что в рамках укрепления федеральной демократии необходимо упрочить позиции и авторитет региональных законодательных собраний, а также добиться изменения принципов и порядка формирования Совета Федерации Федерального Собрания России с

сохранением влияния регионов в данном федеральном законодательном органе. В научной литературе большинство исследователей высказывают мнение о том, что дуализация законодательной власти в федеративном государстве является отражением федеративного устройства государства, практическим условием реализации федеративного государственного устройства, провозглашенного основным законом страны. Дуализация законодательной власти, наличие законодательных полномочий наряду с федеральным парламентом являются для региональных органов государственной власти (органов государственной власти субъектов федерации) важнейшим признаком федеративной формы государственного устройства.

Анализ состояния современного федерализма показал, что практически завершен процесс назначения руководителей субъектов Российской Федерации, лояльных Центру, который становится наиболее значимой и заметной «верхушкой айсберга», носящего название «административная реформа» (2001-2008гг.). В эти годы имело место отстранение от власти или переназначение ряда руководителей субъектов федерации посредством уже подписанного Президентом страны федерального закона. Освобождение от должности касалось, прежде всего, «неугодных Кремлю» руководителей субъектов федерации (начиная с декабря 2004-января 2005г.). Существовала некоторая «условная»

надежда, что произойдет внешнее усиление власти назначенных руководителей субъектов по отношению к федеральным округам и федеральным территориальным структурам.

Вместе с тем произошло фактическое ослабление позиции руководителей субъектов Российской Федерации перед лицом федерального центра.

«Условной» стала возможность усиления роли законодательных собраний в связи с делегированием им права утверждать кандидатуры руководителей субъектов.

Такого усиления, как мы знаем, не произошло. Во многом это объясняется и той оговоркой в законодательстве, по которой Президент России вправе распустить региональный парламент, если не будет трижды утверждена предложенная им кандидатура на пост главы субъекта федерации.

Действия Федерального центра и ведущих политических партий направлены на изменение порядка формирования региональных собраний (партийные списки, отказ от мажоритарного принципа, превращение всех региональных собраний в однопалатные). Данный процесс способствует деградации политической системы субъектов Российской Федерации, деформируя политическую систему России в целом и упрощая ее.

К сожалению, в отношении государственной региональной политики не имеет своей программы и партия «Единая Россия». Иллюзий в отношении целей этой партии в регионах

быть не должно. Партия в целом проводит линию на укрепление вертикали власти. Интересы регионов не являются приоритетным направлением ее деятельности. Чтобы не стать заложниками антирегиональных, центристских действий данной партии, руководителям, связанным с ней в уставном порядке, необходима особая тактика поведения.

В настоящее время происходит дальнейшая маргинализация функций полномочных представителей Президента в федеральных округах. Возможно упразднение данного института федеральной власти.

Федеральный закон о представителях Президента так и не появился, а во внесенном законопроекте о «назначении губернаторов» функции федеральных административных округов не уточнены. Округа как бы «зависли» в маргинальном состоянии.

Продолжается вялотекущий процесс укрупнения субъектов Российской Федерации.

Авторы научных исследований детально проанализировали уже реализованные слияния, а также дали оценку потенциальным кандидатам на объединение – это федеральные города, окружающие их области (Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область) и некоторые бывшие «автономные субъекты», входившие в состав краев (Хакасия – Красноярский край, Адыгея – Краснодарский край и др.).

Провальной остается реформа местного самоуправления. Про-

должается борьба местных властей за избираемость и самостоятельность мэров. Неадекватно проходит реализация закона о местном самоуправлении.

Созданная Общественная палата так и не стала элементом гражданского общества в стране, она создает видимость широкой общественной поддержки проводимым реформам. Можно сказать, что Общественная палата представляет собой квазимодель гражданского общества.

В стране развернута широкая политическая дискуссия по поводу изменений в Конституции России. Очевидно, что определенными политическими силами будут предприниматься новые попытки ее полной замены через референдум. Изменения в Конституции России и законодательстве всех уровней будут мотивированы целым рядом причин, но, в первую очередь, – необходимостью сохранения единства и целостности страны в условиях борьбы с терроризмом.

В последующий период развития политической системы России усилится давление на руководство республик – субъектов РФ с целью упразднения должности Президента республики и назначения законодательными собраниями руководителей исполнительной власти в регионах.

Необходимо признать, что на сегодняшний день Россия вновь уходит от пути демократического федерализма. Для преодоления сложившейся ситуации необходи-

мо учесть позитивный опыт федеративного развития 1990-х годов, помнить классические элементы, из которых складывается российская модель Федерации, учитывать интересы этносов, традиционно проживающих на территории страны, добровольно считающих себя россиянами и живущих в соответствии с определенными признанными в мире демократическими принципами, сохранять исторически сложившиеся на основе федералистских методов единство и целостность Российского государства, обеспечивать гарантии защиты прав и свобод каждого гражданина независимо от национальной принадлежности.

В оценке российского федерализма необходимо учитывать исторические традиции народов, национальных меньшинств, проявлять уважение и толерантное отношение ко всем культурам и религиям. В современных условиях делать это можно лишь на основе принципов демократии и федерализма.

Государственное устройство нашей страны основано одновременно на территориальном и национально-территориальном принципах. Оно не идеально в контексте мирового опыта, но такова наша исторически сложившаяся конституционная особенность. Недооценка значимости национального вопроса, возможность его многовариантного решения в современных условиях находит свое выражение в пропагандируемом некоторыми политиками тезисе об отказе от

принципа самоопределения народов в Российской Федерации, закрепленного в Конституции России и международно-правовых документах, в сведении решения национального вопроса до уровня создания культурно-национальных автономий. При таком подходе забывается, что национально-культурная автономия и принцип самоопределения народов соотносятся друг с другом как часть и целое и потому неразделимы. Вместе с тем этногенетическое многообразие социокультурных составляющих субъектов федерации требует реализации поливариантной национальной политики, согласованной со специфическими условиями жизнедеятельности народов республики, краев, областей и автономий.

В России реализуется демократический переход к этнокультурным и межнациональным отношениям.

Федеральные округа представляют федеральную власть. Вместе с тем их практическая необходимость вызывает сомнения. Данные образования не представляют никакой пользы для российских регионов, не оказывают поддержки в решении острых проблем населения и в отстаивании федеральных программ для региона и для российских граждан, проживающих в субъектах Российской Федерации.

Новым генерал-губернаторам хочется «порулить» в регионах. Однако сегодня их главными оппонентами, как и в императорской России, стали уже не губернаторы и президенты республик – субъектов

РФ, а представители федеральных министерств и ведомств в субъектах. В этом противоречии, а также в стремлении некоторых представителей президента в округах выступать в роли укрупненных субъектов федерации, кроется очевидная бесперспективность федеральных административных округов как институтов федеральной власти в регионах. Они должны отказаться от векторной, односторонне направленной политики, которая приводится ими сегодня.

Несмотря ни на что, Россия должна оставаться единой и сильной, должна, как говорил когда-то Путин, быть еще и прочной Федерацией. России необходимо единое правовое и экономическое пространство, для чего следует продолжить процедуру гармонизации регионального и федерального законодательства [9].

Сказанное позволяет сделать следующие выводы. Необходимо провести на государственном уровне комплексное исследование российского федерализма (в том числе его конституционно-правовых основ) с привлечением широкого круга российских ученых – правоведов, политологов, социологов, историков, представителей других социально-гуманитарных наук для разработки государственной Программы по перспективному развитию Российской Федерации и четкого определения тактических и стратегических целей государственного федеративного строительства [10, с.202].

Литература

- [1] Маликов М.Ф. Правовые основы российского федерализма. Уфа, 2004.
- [2] Косонов Ю.В., Торопыгин А.В. Содружество независимых государств: институты, интеграционные процессы, конфликты. М., 2009.
- [3] Маликов М.Ф. Содружество Независимых Государств // Сборник научных трудов Стерлитамакского филиала БашГУ. Выпуск VIII. Уфа, 2001.
- [4] Воробьев В.П. Проблемы развития и реформирования СНГ: Монография. М., 2009.
- [5] Захаров А. Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. М., 2008
- [6] Бродовская Е.В. Трансформация политической системы современного российского общества. Институциональные и социокультурные составляющие: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Тула, 2008.
- [7] Владимир Путин. Рано проводить итоги / Под ред. Г.А. Бордюгова, А.Ч. Касаева. М., 2007.
- [8] Аничкин Е.С. «Преобразование» Конституции Российской Федерации и развитие конституционного законодательства в конце XX – начале XXI в.: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2010.
- [9] Маликов М.Ф. Механизм согласования федерального и регионального законодательства. В 5-ти частях. Часть 1. Методология изучения механизма согла-

сования федерального и регионального законодательства. Уфа, 2008.

[10] Гайдук В.В. Федерализм как конституционно-правовая ос-

нова российской государственности. Уфа, 2007.

УДК 342.4(470)

Александрова Наталья Александровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Конституционное и административное право»
ГОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет»
e-mail: uni@susu.ac.ru

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЕДИНСТВА СИСТЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье рассматриваются теоретические проблемы единства системы конституционного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, субъекты федерации, собственные законодательства, опережающие законодательства, конституционные признаки, разграничения предметов ведения.

В научных исследованиях, посвященных анализу конституционного права Российской Федерации, представлены различные подходы к определению концепции системы конституционного законодательства.

Одни авторы концепцию системы конституционного законодательства рассматривают в системе науки конституционного права [1, с.67-100; 2, с.34-40; 3, с.50-56]. В рамках данной науки элементом системы конституционного законодательства признается и региональное право [4, с.66-76; 5; 6, с.19; 7, с.57-68; 8, с.115-119].

Другие авторы концепцию системы конституционного законодательства определяют исходя из понятия «законодательство». Так, Н.А. Михалева, Т.Н. Рахманина указывают, что применительно к отдельным видам субъектов Россий-

ской Федерации региональное законодательство может обозначаться как полными, точными терминами, так и краткими, в частности, «законодательство республик» – «республиканское законодательство»; «законодательство края» – «краевое законодательство»; «законодательство области» – «областное законодательство»; «законодательство города федерального значения» – «законодательство автономной области»; «законодательство автономного округа» – «окружное законодательство» [9].

«Сторонники определения концепции системы конституционного законодательства исходят из основных методов осуществления государством своих функций, заключающихся в издании органами государственной власти законов» [10, с.212].

При всем различии позиций ученые сходятся в том, что законодательство, бесспорно, составляют нормативные правовые акты. На это указывает употребление в ст. 15 терминов «Конституция Российской Федерации и законы», «нормативные правовые акты».

Проведенный анализ Конституционного права Российской Федерации позволяет определить понятие «законодательство» как систему издаваемых уполномоченными на то органами либо непосредственно народом нормативных правовых актов, регулирующих наиболее важные стороны жизнедеятельности государства посредством внешней формы выражения объективного права.

Следовательно, с учетом признаков, которые присущи нормативному правовому акту, законодательство – это совокупность, система нормативных правовых актов двух уровней конституционного законодательства единой правовой системы Российской Федерации.

Анализ статей 71 и 72 Конституции Российской Федерации убеждает в том, что законодательство как предмет ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации употребляется в значении отрасли. Всего перечислено 20 отраслей законодательства, в частности, административно-процессуальное, семейное, жилищное, земельное, водное, финансовое право, основы ценовой политики, законодательство об охране окружающей среды и др.

По нашему мнению, законодательство следует различать не только как отрасль, но и как систему правовых актов, издаваемых по предметам ведения. В частности, о законодательстве как системе правовых актов, издаваемых по предметам ведения, речь идет в ст. 76 Конституции РФ.

Законодательство как структурная отрасль значительно шире, так как включает в себя все виды нормативных правовых актов, издаваемых в данной сфере. Нередко федеральные законы, содержащие термин «законодательство Российской Федерации», раскрывают его структуру. Так, например, п. 2. ст. 3 Семейного кодекса РФ предусматривает положение о том, что семейное законодательство состоит из Семейного кодекса РФ и принимаемых в соответствии с ним федеральных законов, а также законов субъектов Российской Федерации.

Безусловно, анализ работ, посвященных теоретическому исследованию определения понятия регионального (а равно и федерального) законодательства, и официальные нормативно-правовые источники дают разнообразный спектр трактовок состава законодательства. В связи с этим различается законодательство в широком смысле, под которым понимаются все виды нормативных правовых актов, и законодательство в узком смысле, когда имеется в виду только совокупность законов.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что наиболее рас-

пространенное, с научной точки зрения, понимание законодательства сводится к совокупности всех нормативных правовых актов, а не только законов. По нашему мнению, в пользу такого решения можно привести, по меньшей мере, следующие доводы. Во-первых, правотворческая и правоприменительная практика не может обойтись без однословного термина, обозначающего всю совокупность нормативных правовых актов. За многолетнюю практику термин «законодательство» утвердился в широком смысле как совокупность нормативных правовых актов.

В настоящее время осуществлен переход к федеративной структуре законодательства законов субъектов федерации Конституции РФ. В научной литературе отмечены следующие причины этого: опережающее развитие конституционного законодательства в отдельных субъектах РФ по сравнению с конституционным законодательством Российской Федерации; длительный перерыв в работе Конституционного Суда; отсутствие механизма приведения положений конституций и уставов субъектов РФ в соответствие с Конституцией РФ; наблюдающиеся в некоторых республиках тенденции чрезмерной суверенизации [11, с.61; 12, с.72].

Соглашаясь с данными утверждениями, необходимо ответить на вопрос: каким образом должно быть обеспечено соответствие конституций и уставов субъектов РФ Конституции Российской Федера-

ции? В нашем случае – в части, касающейся основ конституционного строя. Означает ли это, что в конституциях и уставах субъектов РФ они должны быть текстуально и полностью воспроизведены?

Основы конституционного строя могут устанавливать только государства, обладающие государственным суверенитетом. При этом если раньше в условиях существования СССР Российская Федерация осуществляла практически все текущее законодательство, то с принятием новой Конституции РФ по вопросам, отнесенным к ведению федеральных органов государственной власти, последние издают законы РФ, а по вопросам совместной компетенции – федеральные законы, в соответствии с которыми субъекты РФ осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов. По предметам собственного ведения субъекты федерации самостоятельно осуществляют правовое регулирование. Это на практике означает перераспределение значительной части законодательных функций от центра к регионам.

В этой связи первостепенное значение приобретают вопросы вертикального построения системы конституционного законодательства России с учетом ее федеративного устройства. Следует обратить внимание на ряд основополагающих принципов функционирования данной системы. К таким принципам можно отнести двухуровневое

построение конституционного законодательства, в котором выделяются «правовые поля» Федерации и субъектов РФ; обеспечение необходимого единства двух подсистем единой системы конституционного законодательства; использование механизмов и процедур предотвращения и устранения юридических коллизий и согласования нормативных правовых актов как по линии Федерации, так и по линии ее субъектов. Считаем, что наиболее важным с точки зрения нашего исследования является принцип обеспечения единства двухуровневой системы конституционного законодательства России, которое характеризуется следующими конституционными признаками:

- закреплением юридического верховенства Конституции РФ на всей территории страны (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ);

- определением сфер исключительной (ст. 71.) и совместной компетенции Федерации и ее субъектов (ст. 72 и ст. 73);

- установлением приоритетов законодательства РФ и ее субъектов;

- гарантированностью самостоятельности субъектов РФ в сфере законодательства;

- введением договоров и соглашений между РФ и ее субъектами в число источников конституционного права и возможностью в этой связи договорно-правового регулирования внутри федеративных отношений;

- определением общей процедуры разрешения юридических

споров и коллизий путем отнесения к ведению РФ федерального коллизионного права.

Эти признаки составляют правовую основу обеспечения единства двух уровней конституционного законодательства Российской Федерации. Отсюда следует, что ведущее место в этой основе принадлежит Конституции РФ и ее правовому регулированию федеративных отношений.

Первостепенное значение для двухуровневой системы конституционного законодательства РФ, как было отмечено, имеют положения Конституции о ее юридическом верховенстве. Это означает, что основные законы субъектов РФ, какими являются их конституции и уставы, должны соответствовать или не противоречить Конституции России, в которой большое внимание уделено вопросам ее соотношения с основными законами субъектов федерации. Это выразилось в указании самих основных законов – конституций республик и уставов других субъектов федерации – на то, что законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции РФ в определении принципов федеративного устройства России, в высшей юридической силе, прямом действии и применении на всей территории страны Конституции РФ. Последнее на практике означает, что в случае противоречий между нормами основных законов субъектов РФ и нормами Конститу-

ции РФ применяются положения Конституции Российской Федерации. Следует отметить, что положения, касающиеся вопросов соотношения Конституции РФ, конституций и уставов субъектов РФ, урегулированы в федеральной конституции с помощью достаточно общих формулировок. Это объясняется сложностью проблем федеративного устройства России, взвешенным подходом к их решению в современных российских условиях.

Конституция РФ не ставит вопросов о пределах соответствия конституций и уставов субъектов федерации Главному закону страны, не определяет, в каких случаях они должны соответствовать Конституции РФ, а в каких не противоречить ей. Вполне очевидно, что установление соответствия основных законов субъектов РФ Конституции Российской Федерации направлено на обеспечение претворения в жизнь основных принципов конституционного строя России, а именно: народовластия; федеративного правового социального государства; разделения властей; идеологического и политического многообразия; признания и гарантирования местного самоуправления; соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина; признания и защиты равным образом государственной, муниципальной, частной и иных форм собственности; прямого действия Конституции РФ и федеральных законов на всей территории страны. Вне этого перечня субъекты феде-

рации самостоятельно определяют свои конституционные устои. Перечисленное в данной сфере служит двум основным целям – созданию условий существования России как целостного единого федеративного государства и обеспечению самостоятельности субъектов РФ. Вместе с тем в указанной сфере существует ряд нерешенных проблем, связанных с имеющимися противоречиями в вопросах соответствия основных проблем конституциям и уставам субъектов РФ. Следует обратить внимание на решение вопроса учредительности правовых норм, касающихся конституционных устоев субъектов РФ. Правовые нормы, устанавливающие основы конституционного строя на федеральном уровне, являются учредительными. Перечисление их в конституциях и уставах субъектов РФ означает потерю ими такого качества. Не обладающие полным государственным суверенитетом субъекты федерации не вправе самостоятельно учреждать основы конституционного строя. Они могут только закрепить в своих конституциях и уставах основы конституционного строя, учрежденные на федеральном уровне. Однако, учитывая определенную самостоятельность субъектов федерации в рамках конституционных установлений, они могут определять свои конституционные устои, не противоречащие федеральной конституции, обеспечивать правовое наполнение федеральных норм. В этом случае такие правовые нормы

могут носить учредительный характер. Подобные правовые нормы уже имеются в учредительных актах субъектов РФ, например, положения о выражении государственными органами субъектов РФ воли многонационального народа о добровольном и равноправном сотрудничестве всех слоев населения и граждан всех национальностей, об учреждении в республиках государственных языков и т. п.

Вместе с тем учредительность правовых норм, регулирующих конституционные устои субъектов РФ, не может распространяться на определение их конституционно-правового статуса. Конституционно-правовой статус субъектов РФ в значительной степени уже определен Конституцией России, все субъекты РФ учреждены самой Российской Федерацией. Другими словами, субъект федерации не может сам себя учредить. Однако в соответствии с Конституцией РФ субъекты федерации вне пределов ведения РФ и полномочий РФ по предметам совместного ведения определяют свои предметы ведения и обладают по ним всей полнотой государственной власти.

В науке конституционного права вопрос о предмете совместного ведения является дискуссионным, поскольку федеральная Конституция не определила компетенцию РФ и компетенцию ее субъектов по предметам совместного ведения. Она содержит лишь перечень вопросов, подлежащих разграничению.

Поскольку Конституция РФ не определяет компетенцию РФ и компетенции ее субъектов по предметам совместного ведения, следовало бы, по нашему мнению, в конституциях и уставах субъектов РФ текстуально воспроизвести положения федеральной конституции, как это и сделано во многих учредительных актах субъектов РФ.

Особое место в конституционном праве России принадлежит институту прав и свобод человека и гражданина. Значительное место в их обеспечении отводится государственным органам. Последнее является особенно значимым в условиях современной России, характеризующейся незавершенностью процессов формирования гражданского общества, которое не может в полной мере защитить себя от всевластия государства. Поэтому весьма важными в правовом статусе личности являются три основных положения, в той или иной мере закрепленные в конституционном законодательстве России. Это, в частности, обязанность государства признать права и свободы человека. Другими словами, государство не является творцом прав человека, оно не наделяет своих граждан этими правами, а лишь признает их в качестве неотъемлемых. Здесь законодательство не создает право, а выражает его; государство обязано соблюдать права человека, взять на себя ответственность воздерживаться от вмешательства в сферу частных интересов. Существует обязанность государства за-

щищать права и свободы человека, причем она распространяется на все органы государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, а также на органы местного самоуправления.

Регулирование прав и свобод человека Конституция РФ отнесла к ведению Российской Федерации.

Учитывая особенности разграничения предметов ведения и полномочий в федеративном государстве, следует отметить, что правовые нормы о правах и свободах человека и гражданина, закрепленные в конституциях и уставах субъектов РФ, не могут носить учредительный характер, поскольку к совместному ведению и к ведению субъектов федерации Конституция РФ не отнесла их регулирование, а ограничилась только их защитой.

Следует также обратить внимание на соответствие правовых норм конституций и уставов субъектов РФ Конституции Российской Федерации в части, касающейся системы органов государственной власти ее субъектов, которая определяется непротиворечием организации органов государственной власти субъектов РФ общим принципам, установленным Конституцией РФ и федеральным законодательством.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать ряд выводов. Единство системы конституционного законодательства России определяется наличием в ней ряда системообразующих факторов, к которым относятся предмет и метод правового регулирования, который охватывает

две основные сферы общественных отношений – охрану прав и свобод человека и устройство государства и государственной власти [13]: это функциональная общность правовых норм конституционного законодательства, которая должна обеспечивать согласование функционирования двух уровней конституционного законодательства Российской Федерации; наличие на конституционном уровне правового механизма, обеспечивающего единство конституционного законодательства и верховенство Конституции Российской Федерации. Все это позволяет говорить о единстве двух уровней конституционного законодательства в федеративном государстве. Проблемы единства системы конституционного законодательства России вытекают из нечеткости формулировок и общего характера самих конституционных норм федеральной конституции, что приводит к расширению конституционно-правового статуса субъектов РФ, идущего в разрез с положениями Конституции РФ [14, с.48-52].

Литература

- [1] Маликов М.Ф. Система науки конституционного права. Уфа, 2005.
- [2] Маликов М.Ф. Концептуальные основы конституционного понимания. Уфа, 2004.
- [3] Маликов М.Ф. Современные проблемы конституционного права Российской Федерации. Уфа, 2011.

- [4] Маликов М.Ф. Региональное право. В 5-ти томах. Том 5. Реализация регионального права. Уфа, 2002.
- [5] Толстошеев В.В. Региональное право России: проблемы становления и развития // Государство и право. 1998. №11.
- [6] Игнатъев М.Н. Соотношение федерального и республиканского законодательства: теоретико-правовой анализ: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992.
- [7] Казанцев М.Ф. Законодательная деятельность субъектов Российской Федерации: проблемы становления и опыт проекта законодательного кодекса. Екатеринбург, 1998.
- [8] Матейович М.С., Добрынин Н.М. Региональное законодательство: от количества и качеству // Государство и право. 1999. №10.
- [9] Михалева Н.А., Рахманина Т.Н., Желялетдинова З.С. Региональные программы законодательства получают научное обоснование // Журнал Российского права. 1997. №3.
- [10] Большой юридический словарь / Под ред. В.Е. Крутских. М., 1999.
- [11] Конституционное право России. М., 1998.
- [12] Шульженко Ю.Л. Институт конституционного надзора в Российской Федерации. М., 1998.
- [13] Гошуляк В.В. Теоретико-правовые проблемы конституционного и уставного законодательства субъектов Российской Федерации. М., 2000.
- [14] Александрова Н.А. Теоретические проблемы единства конституционного законодательства Российской Федерации // Вестник Южно-Уральского университета. Серия «Право». Выпуск 5. 2004.

УДК 342.4

Маликов Марат Файзелкадирович,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
«Теория, история государства и права и конституционного
права» Башкирского института социальных технологий
(филиала) ОУП «Академия труда и социальных отношений»
e-mail: Malikov-MF@yandex.ru

Паньшин Владимир Евгеньевич,
преподаватель кафедры «Теория, история
государства и права и конституционного права»
Башкирского института социальных технологий
(филиала) ОУП «Академия труда и социальных отношений»
e-mail: Panshiha@mail.ru

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ НА РЕАЛИЗАЦИЮ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассматриваются основные международные нормативно-правовые акты и документы, определяющие направления реализации концепции молодежной политики в условиях глобализирующегося мира.

Ключевые слова: *Всеобщая Декларация прав человека, Лиссабонская декларация, Брагский план деятельности молодежи, Российская Федерация, субъекты федерации, Конституция РФ, государственная молодежная политика.*

Разрушение «железного занавеса», повлекшее за собой интенсивное развитие отношений со странами Запада и всем мировым сообществом, привело к признанию Российской Федерацией международных правовых норм: общепризнанные принципы и нормы международного права и международных договоров, касающиеся в том числе и молодежи, стали частью правовой системы нашей страны (ст.15 Конституции РФ). Среди них – принципы прав челове-

ка; принципы всеобщего уважения и соблюдения прав человека; права человека в решениях международных конференций; документы Совета Европы; документы Содружества независимых государств.

Всеобщая Декларация прав человека, принятая 10 декабря 1948г. Генеральной Ассамблеей ООН, провозглашает в качестве основной задачи стремление путем просвещения и образования, содействия уважению этих прав и свобод и обеспечению путем национальных

и международных прогрессивных мероприятий всеобщего и эффективного признания и осуществления их как среди народов государств – членов Организации, так и среди народов территорий, находящихся под их юрисдикцией [1; 2].

Признается важность содействия развитию дружественных отношений между молодежью различных стран. В сфере регулирования общественных отношений с участием молодежи может быть применимо модельное законодательство, модельный акт – закон, разрабатываемый в качестве образца для правового регулирования указанных отношений в условиях интегрирования. Как известно, определяющим критерием модельных законов является их рекомендательный характер, предполагающий наличие различных вариантов правовых решений тех или иных вопросов определенной сферы общественных отношений.

В 1965г. Генеральная Ассамблея ООН приняла специальную Декларацию о распространении среди молодежи идеалов мира, взаимного уважения и взаимопонимания между народами. В странах Запада это послужило основой для выработки двух главных направлений молодежной политики – государственная помощь наименее социально защищенным категориям молодых людей при строгой регламентации расходования выделяемых средств и разработка социальных программ для всех категорий представителей молодого

поколения с учетом их специфических интересов, потребностей и нужд.

В 1995г., когда отмечалась десятая годовщина Международного года молодежи, Генеральная Ассамблея ООН в целях активизации движения за молодежь по всему миру приняла «Всемирную программу деятельности в интересах молодежи на 2000г. и последующие годы». Эта программа устанавливает рамки политики и представляет список практических рекомендаций по укреплению национальной деятельности и международного сотрудничества в интересах молодежи. Программа содержит предложения, касающиеся деятельности на 2000г. и далее, ее цель – способствовать благополучию и самовыражению молодежи. В программе определено десять главных областей деятельности молодых людей: образование, работа, борьба с нищетой и голодом, здоровьесбережение, сохранение окружающей среды, противодействие употреблению наркотиков, борьба с преступностью несовершеннолетних, организация досуговой деятельности, полноценное деятельное участие в жизни общества и принятии решений.

Во время 28-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО (ноябрь 1995г.) государства-члены учли изложенное выше и рекомендовали принять курс, направленный на последующее «взаимовыгодное участие в осуществлении акций систе-

мы ООН для молодежи и вместе с ней» [3].

Учитывая области компетенции организации ЮНЕСКО, ее назначили ответственной за координацию деятельности в рамках темы «Образование и досуг» (для получения более подробной информации предлагаем обратиться к молодежному информационному бюллетеню ООН № 92). На I Всемирной конференции министров по делам молодежи (Лиссабон, Португалия 8-12 августа 1998г.), целью которой было дать оценку прогрессу, достигнутому в выполнении Всемирной программы, ЮНЕСКО было поручено составление официального документа для рабочей группы по вопросу образования. Организацией была представлена статья «Молодежь, образование и деятельность на период до следующего тысячелетия и далее», подготовленная при участии нескольких секторов. На форуме присутствовали делегаты из более чем 140 стран, причем 70 из них – министры.

Лиссабонская декларация [4] была принята 12 августа на заключительном этапе Конференции. Она содержит обязательства правительств разных стран укреплять и совершенствовать инициативы, относящиеся к молодежной политике. В декларации зафиксированы следующие принципы: расширить сферы общественной жизни, в которых молодые люди могут принять участие; обеспечить право на совершенствование; укрепить роль молодежи в процессе построения

мира; активизировать образование, обеспечить полную занятость, развивать здоровый образ жизни; активизировать борьбу с употреблением наркотиков.

Декларация, состоящая из 8 глав и 88 параграфов, содержит 7 главных пунктов-рекомендаций, направляющих деятельность государств – членов Организации. Она заканчивается обязательством правительств разных стран «благоприятствовать дальнейшему выполнению Всемирной программы деятельности в интересах молодежи на 2000г. и последующие годы, активно привлекать к участию молодежь, гарантировать, что перспективы молодежи отражены в наших национально-политических программах и проектах».

III Всемирный форум в рамках работы ООН состоялся в г. Брага (Португалия) со 2 по 7 августа 1999г. Брагский план деятельности молодежи был принят более чем 500 участниками, приехавшими из 140 стран. Этот документ отражает проблемы, интересующие молодежь, и ее стремления. В его предисловии содержится заявление о том, что молодые люди могут и должны участвовать в решении мировых проблем. План пропагандирует молодежную политику, которой придан юридический статус и которую поддерживают законодательные и административные структуры. Предполагается, что деятельность молодежных неправительственных организаций станет областью взаимодействия, а

для установления диалога с правительствами должны быть созданы консультационные органы на официальном и неофициальном уровнях. Основные темы, которые обсуждались в Браге:

1. Борьба с нищетой: установить влияние кризиса задолженности на юношей и девушек, содействовать молодежи в борьбе с нищетой при помощи волонтеров.

2. Участие молодежи в общественной жизни: способствовать участию в различных акциях, обмену информацией и опытом с молодыми людьми всего мира, включая особо нуждающихся, представителей коренного населения местностей, всех живущих в условиях нищеты, а также тех, кому нужна защита от насилия.

3. Деятельность молодежных неправительственных организаций и ООН: поддерживать поступление информации, консультировать и координировать действия молодежных неправительственных организаций, способствовать их полноценному и эффективному участию в конференциях, комиссиях, делегациях, агентствах, программах и фондах системы ООН.

4. Образование в XXI веке: гарантировать всеобщее бесплатное образование на разных уровнях. С этой целью создать Всемирный фонд образования ЮНЕСКО. Необходимо обеспечить развитие неформального образования и объединить новые его виды с возможностью последующего устройства на работу.

5. Задачи службы социального развития: осуществлять программы для недееспособных молодых людей, способствовать занятости молодежи. Мероприятия будут поддерживаться новой интегрированной системой обмена информацией между молодежными неправительственными организациями и системой ООН с использованием современных технологий.

6. Здоровье и развитие: определить, какие именно проблемы здоровья волнуют молодежь; сформулировать ключевые позиции интегрированной национальной политики по вопросам здоровья, включая организацию Служб здоровья молодежи и информационные молодежные центры.

7. Содействие в защите прав человека: развивать систему образования в соответствии с правами человека и обеспечить занятость молодых людей. Основные пункты Декларации прав человека огласить в каждой молодежной организации, права молодежи отразить в молодежных изданиях и в специальном издании ООН [5].

Данные направления определены в этом важном международном документе в качестве приоритетных. На наш взгляд, ключевым моментом Брагского плана является требование молодых людей, чтобы их воспринимали как полноценных и равноправных граждан, как серьезных и надежных партнеров при создании концепций, планировании и выполнении программ, в частности, в молодежных

объединениях и в обществе. Брагский план был представлен на рассмотрение Генеральному секретарю ООН, отправлен на Конференцию министров в Лиссабон и предложен совместно с Лиссабонской декларацией вниманию Генеральной Ассамблеи ООН.

В Российской Федерации с 90-х гг. XX в. идет активный поиск новых направлений молодежной политики с учетом указанного выше международного опыта, который можно безболезненно использовать в российских условиях. Так, И.М. Ильинский считает, что следует выделить как минимум три уровня управления молодежной политикой: на уровне страны, региона, различных сфер жизни [6].

Конституция РФ 1993 года определила федеративный характер государственно-правовой системы, предполагающей существование двух уровней конституционно-правового регулирования – Конституции РФ и Конституций (уставов) субъектов федерации, определила пределы компетенции федеральных органов власти и органов власти субъектов федерации. Именно федеративное государственное устройство, вертикаль власти обуславливают многоступенчатость в проведении государственной молодежной политики, а именно, трехуровневое воплощение на практике законов и других правовых актов органами исполнительной власти (Правительство РФ – правительство субъекта федерации – муниципалитет).

В ст.72 Конституции РФ предусмотрено положение о том, что защита прав и свобод человека и гражданина находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. То есть осуществление молодежной политики находится в совместном ведении федерации и субъектов РФ.

В мае 1993г. в России состоялся международный семинар по социальной работе с молодежью, который принял ряд рекомендаций: разработать систему мер и законов, обеспечивающих защиту прав подрастающего поколения выполнять эти законы; организовать регулярное изучение молодежных проблем в различных регионах России; поставить перед правительством России вопрос о реализации концепции государственной молодежной политики, направленной на создание правовых, экономических и других условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений, движений и инициатив.

К этим рекомендациям в определенной степени прислушались в высших эшелонах власти. 26 мая 1995г. Госдума приняла Федеральный закон о государственной поддержке молодежных и детских объединений [7]. В статье 4 этого закона говорится: «Государственная поддержка... оказывается зарегистрированным в установленном законом порядке и обратившимся за такой поддержкой к федеральным органам исполнительной вла-

сти молодежным объединениям граждан в возрасте до 30 лет, объединившимся на основе общности интересов для осуществления совместной деятельности, направленной на удовлетворение духовных и иных нематериальных потребностей молодежи, социальное становление и развитие членов объединения, а также в целях защиты их прав и свобод».

Указом Президента РФ «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики», постановлением Правительства РФ «Основные направления государственной молодежной политики в Российской Федерации», распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006г. № 1760-р, утвердившим важнейший документ «Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации», субъектам федерации рекомендовано осуществлять содействие в деятельности молодежных и детских объединений. В ряде субъектов Российской Федерации разработаны, приняты и практически воплощаются стратегии молодежной политики на региональном уровне. Они созданы в соответствии со Стратегией государственной молодежной политики, но с учетом особенностей менталитета, культуры, обычаев и традиций граждан, населяющих субъект федерации (особенно национально-территориальные субъекты), уровня его социально-экономического и политического развития, развитости ин-

ституты гражданского общества и т. д. [8, 9, 10].

Вместе с тем можно отметить, что в Российской Федерации до сих пор не принят Федеральный закон «О государственной молодежной политике», хотя существует несколько таких законопроектов. В этой связи, на наш взгляд, большой интерес представляют положения законопроекта «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации», предложенного молодежным движением «Россия молодая», о четком разделении компетенции федеральных и региональных органов власти в области государственной молодежной политики [11]. Мы считаем, что принятие данного законопроекта в российском государстве способствовало бы утверждению системного подхода к проведению молодежной политики на всех уровнях.

В настоящее время в Российской Федерации на основании Стратегии государственной молодежной политики субъекты федерации принимают собственные правительственные региональные программы. Характерно, что осуществление молодежной политики в субъектах федерации значительно опережает этот процесс на федеральном уровне как по разнообразию форм, так и по глубине решения проблем. Отсутствие системности в подходах к формированию структуры органов по работе с молодежью, к определению их полномочий, а также отсутствие

четкой внутренней организации этих органов снижает уровень комплексной реализации молодежной политики. При этом следует учесть, что на уровне СНГ также разрабатываются модельные законы, касающиеся развития молодежной политики [12].

Таким образом, Российская Федерация, как любая другая страна в мире, не может развиваться без учета мирового опыта решения молодежных проблем, без четкой и продуманной программы воспитания и подготовки молодого поколения к профессиональной и политической деятельности. В этом заинтересовано, прежде всего, само российское общество. Социальный опыт, накопленный человечеством, показывает, что молодежь всегда находилась в первых рядах созидателей нового, прогрессивного. Государственная молодежная политика, безусловно, должна строиться с учетом взаимосвязанности, взаимозависимости и преемственности поколений на основе международных стандартов.

Литература

- [1] Международные акты о правах человека. Сборник документов. М., 2002.
- [2] Хартия Европейского Союза об основных правах: Комментарий / Под ред. д.ю.н., проф. С.Ю. Кашкина. М., 2001.
- [3] Резолюция ООН «Всемирная программа действий, касающаяся молодежи, на период до 2000г. и на последующие годы» // URL: http://vmo.rgub.ru/files/act_programm_2000-146-2.pdf
- [4] Лиссабонская декларация по молодежной политике и программам // URL: <http://www.un.org/russian/document/declarat/lisbon.pdf> Международные акты о правах человека. Сборник документов. М., 2002.
- [5] URL: http://www.unesco.org/fileadmin/MULTIMEDIA/FIELD/Moscow/pdf/UNESCO_works%20with%20YOUTH_kit_rus.pdf
- [6] Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М., 2001.
- [7] Федеральный закон от 28 июня 1995г. N 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» / Собрание законодательства Российской Федерации от 3 июля 1995г. №27 ст.2503.
- [8] Концепция развития духовно-нравственной культуры и гражданской активности детей, подростков и молодежи «Молодежь – стратегический ресурс Республики Башкортостан» на 2006-2015гг. // URL: http://sovet.sterlitamakadm.ru/regulatory/decision/1s/2007/3_22.doc // Указ Президента РБ от 26.09.2006 № УП-415.
- [9] Стратегия молодежной политики на территории Омской области (Доклад на коллегии Министерства по делам молодежи, физической культуры и

спорта Омской области, 27 апреля 2007 года) // <http://molodoy.info/content/view/155/151/>

[10] Стратегия государственной молодежной политики в Самарской области на 2006-2015 годы. Приложение к Постановлению Правительства Самарской области от 21 декабря 2005г.

№ 155// <http://www.mkmp.ru/43/art202.html> и др.

[11] Проект Федерального закона «Об основах государственной

молодежной политики в Российской Федерации»// URL: http://rumol.ru/zakonodatelstvo/proekti_zakonov/molodezhnaya_politika/proekt.html

[12] Модельный закон от 12 июня 2000г. «О молодежи и государственной молодежной политике». Принят 12.07.2000г. Межпарламентским комитетом Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

УДК 323/324(470)

Маликов Борис Зуфарович,
*доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
«Уголовное право, процесс и криминалистика»
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП «Академия труда и социальных отношений»
e-mail: malikov_bz@mail.ru*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ: УСЛОВИЯ И ТРЕБОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается актуальная для современного российского законодательства проблема противодействия коррупции, выявляются причины коррупционных искажений общественных отношений в стране и предлагаются действенные меры по профилактике коррупционного поведения граждан.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, антикоррупционная деятельность, гражданское общество, общественные отношения.

19 мая 2008 года состоялось знаковое совещание по проблемам противодействия коррупции, на котором Президент России Д. Медведев сделал акцент на том, что Россия уже ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции и Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, а также стала участницей объединения государств против коррупции. То есть взяла на себя ряд международных обязательств, которые должны переводиться в практическую плоскость.

Вместе с тем он отметил, что уровень коррупции в России остается крайне высоким, несмотря на

то, что в 2007 году, по официальной статистике, расследовано более 10,5 тыс. дел в этой сфере, однако это лишь «вершина айсберга». Президент пояснил, что в России много «скрытых», так называемых латентных преступлений в этой области.

Однако главной отправной точкой для решения данного вопроса является то, что «...коррупция превратилась в системную проблему. Этой системной проблеме мы обязаны противопоставить системный ответ» [1].

Предпосылками коррупционных искажений общественных отношений в России являются значительные

различия в реализации социальных возможностей индивидов, слабость институтов гражданского общества, несостоятельность легального и «справедливого» механизма распределения и перераспределения доходов населения, наличие нелегальных, быстрых и сомнительных по своей сущности форм обогащения, смещение социально-нравственных акцентов в сторону культивирования «материальной», «коммерческой» и иной «корыстной» успешности «героев нашего времени». Новые условия жизни страны усилили процесс дифференциации общества по социальному признаку. Это происходит, с одной стороны, на контрастном фоне красивой жизни «успешных людей» в сфере финансов, бизнеса, эксплуатации выгод естественных монополий, шоу-индустрии, политики и др., то есть незначительной части общества, которая непосредственно не занята в производственной сфере, и большинством населения, живущего без излишеств. С другой стороны, это связано с изменением жизненной реальности бытия, которой свойственна «социальная дискредитация» человека-труженика (профессионала высокой квалификации, инженера, техника, специалиста), ослабление социальной значимости представителей ряда профессий (педагогов, врачей, научных работников, военнослужащих и работников правоохранительных органов, тружеников сельского хозяйства). В обществе практически утрачен дух созидания, творчества, новаторства во всех сфе-

рах значимой деятельности (производстве, культуре, искусстве, науке), сопричастности к делам государства, сплоченности (единения) общества в единой и многоплановой работе во имя личного и всеобщего блага.

Следует также отметить, что в социальном организме рыночных отношений произошли определенные деформации: резко понижен позитивный регулятивный иммунитет нравственных норм, имеет место усиление не лучших индивидуалистически агрессивных проявлений личности с корыстной мотивацией.

Вместе с тем появление новой значительной социальной прослойки, которую составляют представители сферы коммерции (торговые работники, работники различных предприятий и учреждений услуг, производственных негосударственных коммерческих организаций и учреждений, финансовых и строительных фирм, «пирамид», предприятий «индустрии отдыха и развлечений, игорного и спортивного бизнеса», «армии» индивидуальных предпринимателей), способствовало утверждению раскрепощенной «корыстной» психологии: «деньги должны делать деньги», «деньги – самый лучший формат отношений», «деньги определяют все», «деньги – самый лучший аргумент, способ защиты, презентации, достижения цели, преодоления преград, условностей, экономии времени, сохранения личного благополучия», «рынок требует много денег».

Если активные субъекты рыночных отношений – коммерческие структуры и предприниматели – свои материальные интересы реализуют через цены товаров и услуг, то этого не могут сделать пассивные субъекты – «бюджетники» и некоторые категории работников коммерческих предприятий.

Резко негативная социальная динамика рынка «подталкивает» некоторую часть «не рыночников» «продавать» свои властные, административно-управленческие «возможности», «авторитет» и иные околовластные «активы». В этом заключается проявление внешней обусловленности механизма коррупционных отношений. Кроме того, коррупция – это не просто продажность, это еще и мощное определяющее давление «денег», «интересов определенных групп лиц», «неформальных отношений», «социальной неустойчивости», «контрастов социальных возможностей», «спрессованности» в малый отрезок времени активной части человеческой жизни и ряд других частных обстоятельств. В отличие от проявлений других видов неправомерного и аморального поведения в коррупционное поведение всегда включено не менее двух лиц, от «сделки» которых страдают интересы общества и государства.

Коррупционные «сделки» опосредуют оборот колоссальных финансовых и материальных средств. Согласно исследованиям последних двух лет объем коррупции в России варьируется от 240 до 300

миллиардов долларов в год. Об этом заявил председатель Национального антикоррупционного комитета Кирилл Кабанов в интервью Интерфаксу. 300 миллиардов, или более 10 триллионов рублей, – это объем доходов российского бюджета на 2011 год, или четверть от планируемого размера ВВП, который составит чуть более 40 триллионов рублей [2]. Коррупционные финансовые активы – это материальная основа воспроизводства коррупции.

Коррупционные отношения неотделимы от криминала, который формирует финансовые потоки «грязных денег», а также является «генератором» и вдохновителем идей коррупционной идеологии, психологии и поведения. В рыночных отношениях криминальная «опека» бизнеса в форме прямого рэкета, вымогательства и иных форм «корыстного давления», посредничества также продолжает иметь место. Все это происходит на фоне низкой личной и правовой культуры, слабой социальной и правовой защищенности населения, что и порождает возможность и в определенной степени необходимость коррупционных отношений.

Действительно, новые социальные отношения высвободили из-под контроля значительные криминальные средства, которые стали широко использоваться, во-первых, для «захвата» собственности, подкупа чиновников, отвоєвания пространства во власти, в бизнесе, в сферах оборота финан-

сов, культурно-зрелищных, досуговых, оздоровительных мероприятий, а во-вторых, для формирования социально выгодного для себя имиджа. «Деньги» не только изменили социальную палитру страны, но и завели значительные массы в социальный и нравственно опасный тупик, одним из которых по сложности и стойкости при слабо развитых рыночных отношениях является коррупция.

Вступая на путь решительного противодействия коррупции, в первую очередь надлежало определиться с основными направлениями антикоррупционной работы, сформировать принципы, которые должны определять ее характер и содержание. Идея необходимости системного подхода к проблеме противодействия коррупции отражена в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020г. [3], а также комплексе принятых в последние годы нормативно правовых актов. Такими являются:

- Федеральный закон от 25 июля 2006г. № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию»;

- Федеральный закон от 25 декабря 2008г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»;

- Федеральный закон от 25 декабря 2008г. № 274-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О противодействии коррупции"»;

- Федеральный закон от 17 июля 2009г № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с ратификацией Конвенции ООН против коррупции и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию и принятием ФЗ "О противодействии коррупции"»;

- Федеральный закон № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов».

Указы Президента Российской Федерации:

- от 19 мая 2008г. № 815 «О мерах по противодействию коррупции»;

- от 13 апреля 2010г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы»;

- Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010г. №96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативно-правовых актов и проектов нормативно-правовых актов».

Как отметил Президент России Дмитрий Медведев 26 июля 2009г. в беседе с ведущим программы НТВ «Итоги» Кириллом Поздняковым, «самым сложным в плане борьбы с ней (*коррупцией – прим. автора*) является запустить принятые антикоррупционные законы в действие. Сейчас главное – научиться принятыми законами пользоваться, не бояться применять эти документы, сделать так, чтобы эти документы работали, чтобы те, кто

их применяет, не боялись, что им завтра за это нададут по шапке. Это самое сложное» [4].

Важным отправным моментом правотворческой и системной работы по организации противодействия коррупции стала выработка принципов антикоррупционной деятельности, реализация которых призвана показать обществу не только остроту проблемы, но и востребованность, неотложность, характер и направленность этой работы.

Принципы закреплены в Федеральном законе «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008г. №273-ФЗ. В них законодатель выделил следующие основные идеи и требования:

- 1) признание, обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина;
- 2) законность;
- 3) публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления;
- 4) неотвратимость ответственности за совершение коррупционных правонарушений;
- 5) комплексное использование политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер;
- 6) приоритетное применение мер по предупреждению коррупции;
- 7) сотрудничество государства с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами.

Коррупция была и есть выражением серьезных искажений цивилизованных общественных отношений. Она выступает основным препятствием на пути социального развития, повышения культуры общества, создания благоприятных нравственных, правовых и организационных условий для успешного и всестороннего развития и самореализации личности. Ее значительный асоциальный негатив пронизывает практически все стороны жизни, колеблет нравственные устои всего общества, затрагивает интересы каждой личности.

Поэтому в антикоррупционной деятельности важно сосредоточить усилия на основе признания, обеспечения и защиты основных прав и свобод человека и гражданина. В реальной действительности и во взаимодействии граждан и государства (по вопросам, связанным с процедурой очередности, квотирования, конкурса, соблюдения специально установленных оснований и условий; с порядком прохождения службы, профессиональной подготовки; с получением наград и званий, различных видов социальной помощи, льгот и преимуществ) следует иметь четкий формат реализации интересов конкретных лиц. Там, где это возможно, шире использовать независимых специалистов, экспертов, оппонентов, институты рекомендации и аттестации, заключений. При назначении на общественно значимые должности для голосования и формирования общественного мнения о кон-

кретных персонах можно использовать информационный сайт в Интернете. Деятельность всех органов государства, в особенности специализированных – органов Прокуратуры РФ, МВД РФ и судов, должна быть направлена на обеспечение основных прав и свобод человека и гражданина.

В Генеральной прокуратуре РФ образовано управление по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции. Основные задачи управления – организация и осуществление эффективного прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции, а также за оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельностью, направленной на выявление, пресечение и расследование коррупционных преступлений. Управление также будет привлекать к ответственности лиц, виновных в совершении преступлений и иных правонарушений коррупционной направленности.

Кроме того, в обязанности управления будут входить функции по защите и восстановлению нарушенных в результате коррупционных проявлений прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, возмещению причиненного вреда [5].

Думается, это не совсем оправданный очередной карательный вектор в деятельности Прокуратуры РФ. Представляется, что органам прокуратуры необходимо активизировать работу по надзору за соблюдением прав и свобод чело-

века и гражданина федеральными министерствами, государственными комитетами, службами и иными федеральными органами исполнительной власти, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций [6]. Осуществление надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции должно обеспечиваться в общем формате их основной деятельности.

Принцип законности в противодействии коррупции предполагает неуклонное соблюдение требований Конституции РФ и других нормативно-правовых актов, так как только законная деятельность является гарантией обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан и организаций. Именно в законах фиксируется политика государства, ее социальные и материальные возможности по реализации тех или иных прав и законных интересов граждан и юридических лиц, закрепляются основания и определяется процедура их обеспечения и защиты. Тем самым закон утверждает четко очерченные, приемлемые и справедливые варианты поведения публичных (официальных) и частных лиц в решении социально значимых вопросов. Поэтому отступление от закона

всегда ведет к деморализации отношений, дискредитации закона, власти, ущемлению интересов третьих лиц, а следовательно, препятствует поступательному развитию общественных отношений и их правовых форм, что, безусловно, вредит всей социальной сфере.

Принцип публичности и открытости деятельности государственных органов и органов местного самоуправления действительно должен быть реализован в комплексе правовых и организационных мер, направленных на совершенствование взаимодействия органов власти и управления, предупреждения коррупционных проявлений, учета оценок, предложений и общественного мнения в принятии социально значимых решений.

Нельзя не согласиться с П.Ю. Гуцевым, который полагает, что всякий государственный или муниципальный орган будет максимально стремиться к тому, чтобы обеспечить конфиденциальность информации по коррупционным проявлениям. Носители власти заинтересованы в публичности позитивной, а не отрицательной информации об их деятельности. В современном обществе активно развиваются различные формы положительных контактов власти и общества (телемосты, Интернет, телевидение, радио, публичные мероприятия), но все они режиссируются таким образом, чтобы заинтересованные политики имели позитивный имидж. Критическая информация утаивается и в большинстве случа-

ев не предоставляется широкой общественности. Изменить существующее положение дел в данной сфере способны обязывающие нормы конституционного законодательства [7, с.33-36].

Действительно, дозирование, ограниченность, избирательность либо недоступность информации, имеющие место по резонансным делам или «отставкам» общественно значимых персон, не только не согласуется с принципом публичности и открытости, но и дискредитирует дух общества, а также его средства массовой информации. «Полумеры» в информационной сфере также порождают устойчивую психологию недоверия.

Степень открытости и публичности органов государственной власти, судебной и правоохранительной систем, всех структур, которые включены в процесс реализации социально важных вопросов граждан, в обслуживании их денежных средств в форме вкладов, фондов, инвестиций и др., является формой их взаимодействия и объединения усилий против коррупции и других негативных проявлений, индикатором их реальной ориентации на интересы общества и конкретной личности, наличия воли на обеспечение сопричастности людей к позитивному развитию общества и укреплению государства.

Мы полагаем, что Счетная палата РФ, контрольно-ревизионные органы регионов, Прокуратура РФ, МВД РФ, Министерство юстиции РФ, судебные департаменты РФ в

приемлемой форме должны доводить до граждан результаты своей работы по выявленным серьезным нарушениям законов в сфере бюджетной и финансовой деятельности, сообщать через СМИ о принятых мерах по их устранению, а также об ответственности виновных лиц. Что касается поддержания должного внутриведомственного порядка, следует отметить, что эффективность работы аппарата и подчиненных служб должна оцениваться по фактам допущенных служащими правонарушений, наличию жалоб и заявлений граждан, а также по работе комиссий по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов [8].

Принцип неотвратимости ответственности за совершение коррупционных правонарушений предполагает: 1) наличие адекватных правовых форм ответственности за коррупционные правонарушения; 2) наличие воли последовательно обеспечивать реализацию требований закона об ответственности за правонарушения; 3) наличие четкого правового формата ответственности виновного лица за коррупционные преступления, который должен иметь преимущественно форму наказания, как правило, материального характера, ограничивать профессиональную деятельность и пользование льготами, преимуществами, титулами и званиями.

Высокая латентность коррупционных отношений и преступлений не обеспечивает достаточно эффективных механизмов выявления противоправного и преступного поведения. В поле зрения правоохранительных органов чаще попадают лица, чье коррупционное поведение превращается в систему (промысел), либо имеет место вымогательство взятки, причем в крупных размерах, либо поводом для этого является несоответствие расходов доходам конкретных «ответственных» лиц и членов их семей. Однако не все поводы для проверок на коррупционность получают реализацию в форме правовой ответственности либо имеют свое логическое завершение в инициативе увольнения конкретного лица от должности за утрату доверия.

Нам представляется, что уголовный закон в части применения положений об условном осуждении к лицам, наказанным за коррупционные преступления, не должен применяться вообще либо его применение должно быть значительно ограничено. Дело в том, что в основе применения положений ч. 1 ст. 73 УК РФ лежит требование о наличии вывода суда о возможности приговора осужденного к исправительным работам либо лишению свободы без исполнения наказания. Практически законодатель не определяет ограничений для применения условного осуждения в зависимости от категории преступлений, а значит, и степени общественной опасности

преступления. Но степень общественной опасности преступления всегда характеризует и личность лица, его совершившего. Назначение достаточно строгого наказания судом уже является фактом признания им неординарности совершенного преступления и личности осужденного. Поэтому строгая уголовная ответственность, выраженная в суровости наказания, есть признание осужденного исправимым только через процедуру исполнения наказания. Иначе при освобождении осужденного от исполнения наказания за тяжкое или особо тяжкое умышленное преступление нарушается общая юридическая оценка уголовной ответственности, логика связи характера преступления и личности преступника. Поэтому трудно согласиться с позицией законодателя в том, что осужденные за тяжкие и особо тяжкие умышленные преступления, тем более коррупционного характера, могут быть признаны судом исправимыми без применения наказания. Это положение нормы ч. 1 ст. 73 УК РФ, на наш взгляд, не согласуется с принципом справедливости (ст. 6 УК РФ). По оценкам специалистов, общественная опасность коррупционных преступлений значительно выше, чем должностных и некоторых служебных преступлений [9, с.35-40].

Принцип комплексного использования политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и

иных мер противодействия коррупции имеет методологическое и содержательное значение. В методологическом аспекте настоящий принцип обозначает как сложность самой проблемы, обусловливаемой множеством негативных составляющих, так и предопределяет основные направления антикоррупционной работы.

Коррупционное преступление – это интеллектуально-волевое, противоправное, одновременно корыстно мотивированное поведение и корыстно обусловленное воздействие, направленное на совершение правомерных и неправомерных действий лиц, облеченных властными или управленческими полномочиями, правом принимать социально значимые решения, реализация которых в коррупционном формате нарушает права и законные интересы третьих лиц, причиняет существенный вред интересам общества и государства. Кроме того, коррупционный оборот денежных и иных материальных средств является криминальным. В него включаются колоссальные средства, в том числе добытые преступным путем. Нелегальность коррупционного оборота подрывает экономические основы государства, нарушает интересы его финансовой деятельности. Коррупционное поведение представляет собой форму аккумуляции денежных и материальных ресурсов не только для личного обогащения и потребления, но и на все виды последующей криминальной деятельности.

В последние годы в России значительная часть населения оказалась втянутой в коррупционные отношения в разных формах: участие в коррупционных пирамидах и «цепочках» (для получения «стабильных» и значительных незаконных доходов), криминальный промысел, эпизодические «приемы» реализации своего искаженного представления об успешности ведения дел в различных сферах жизнедеятельности.

Конечно, задачей государства и общества в настоящее время является вывод позитивной части населения из сферы коррупционных отношений путем качественного улучшения социально-экономических условий жизни, совершенствования работы органов власти и управления, различных сфер оказания социально значимых услуг населению, повышения общей и правовой культуры граждан. Вместе с тем государство должно не только продемонстрировать готовность к серьезной антикоррупционной работе, последовательность и необратимость мер по противодействию этому негативному явлению, но и реально ее обеспечить.

В настоящее время анализ негативных последствий коррупции и ее пагубность для поступательного социального развития общества стали не только обязательным элементом информационного поля, но и целенаправленной работой среди населения. Этот идеологический аспект антикоррупционной деятельности должен подкре-

пляться реальными социальными мерами государства по включению членов общества в конкретные проекты повышения собственного благосостояния за счет развития активности, инициативы, личного трудового участия.

Правоохранительный аспект противодействия коррупции должен быть сбалансирован путем сочетания мер профилактики и реализации конкретных видов правовой ответственности.

Принцип приоритетного применения мер по предупреждению коррупции должен превалировать во всей работе по противодействию коррупции. Меры и формы профилактического противодействия коррупции полностью совпадают с формами и методами работы государства по реализации своих социальных задач. Реальные дела государства в организации функционирования министерств, ведомств, служб, то есть органов власти, управления и судебной системы, определяют социально-психологический настрой общества.

Если люди не будут ощущать реальных изменений условий своей жизни, в отношении государства к конкретному гражданину, а также в создании нормальных механизмов для самореализации, то граждане вынуждены будут жить по коррупционным формам решения своих жизненно важных вопросов. Если не снижать уровень вовлеченности граждан в коррупционные отношения, то карательный вектор окажется не только малоэффектив-

ным, но и в определенной степени порождающим новые социальные и криминальные проблемы.

Другим направлением профилактики коррупции является совершенствование деятельности органов власти и управления, а также учреждений, обеспечивающих оказание гражданам официальных и социально значимых услуг. Управленческий и кадровый аспект противодействия коррупции – это самое сложное направление работы. Необходимо в первую очередь освободить властные структуры от лиц, которые «рекрутированы» в него коррупционным способом, то есть «хронически пораженных бациллой коррупции». Кроме того, необходимо освободить их от лиц с серьезным дефицитом нравственного иммунитета. Другой сложной организационно-кадровой задачей является создание такой социально значимой привлекательности службы и престижа профессиональной деятельности, чтобы она была серьезной и решающей гарантией против давления «незаконного вознаграждения».

Меры профилактики коррупционного поведения должны проводиться на уровне кадровой работы по подбору, расстановке, продвижению по службе, при аттестации руководящих кадров, инспектировании направлений деятельности, реагировании на жалобы и заявления, публикации в прессе. Аттестационный вывод «не полное служебное соответствие» для руководящих и ответственных работников (педагоги, врачи, командный и ру-

ководящий состав силовых ведомств) должен вести либо к переводу на другую работу, не связанную с реализацией управленческих или аттестационно-квалификационных функций, либо к увольнению от должности.

Такая ранняя профилактика, если она сформируется в системную и принципиальную работу, может стать упреждающим фактором по перерастанию проступков в криминальное устойчивое поведение. Кроме того, предполагается, что эта форма противодействия коррупции должна опираться на участие общественных формирований (общественные советы, суды чести, собрания, общественные наблюдательные комиссии и др.), а значит, будет позитивно и значимо влиять на состояние нравственности, правосознания и общей культуры населения. Важным фактором борьбы с коррупцией является соблюдение принципа сотрудничества государства с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами.

На серьезность проблемы коррупции как многоаспектного негативного аморального и противоправного социального явления и необходимость эффективной организации комплексного взаимодействия государства и общества в противодействии ей неоднократно указывал Президент Российской Федерации Д.А. Медведев [10, 11].

Успешность противодействия коррупции может быть обеспечена

достижением единства государства и общества по принципиальным моментам: стабильности доходов, реальности гарантий на труд и достойную его оплату, доступности образования, медицинского и социального обеспечения, наличия достойной социокультурной среды, эффективного механизма защиты прав человека, личности и его собственности от неправомерных посягательств, сбалансированного налогообложения, цен на товары и услуги исходя из учета доходов основной массы населения страны. Кроме того, антикоррупционная работа должна быть понятна народу и поддержана им в качестве одной из форм повышения качества жизни.

Проблема коррупции была и есть выражением серьезных искажений цивилизованных общественных отношений, основу которых во все времена составляют, с одной стороны, высокая культура общества и достаточно значимый уровень его правосознания, четко выраженная гражданская позиция и ответственность личности, а с другой – социальная состоятельность и ответственность государства за уровень жизни своих граждан и каждой личности.

Более того, в принципах противодействия с коррупцией заложена идея не только освобождения общества от коррупционной зависимости, но и необходимость нравственного обновления всех сфер взаимодействия государства и общества (это личностные качества

руководителей, персонала, всего кадрового аппарата управленцев, чиновников, должностных лиц, оказывающих различные виды услуг населению). Без новых качеств и имиджа управленца, чиновника, ответственного должностного лица, специалиста противодействие коррупции обречено на превращение системного направления жизни и деятельности в «кампанию».

Литература

- [1] Медведев против коррупции // РИА «Новости». <http://vz.ru/politics/2008/5/19/169261.html>
- [2] Кабанов К. Объем коррупции в России достиг четверти ВВП // Интервью Интерфаксу. Эл. ресурс. <http://grani.ru/Politics/Russia/m.148724.html>
- [3] Указ Президента РФ от 12 мая 2009г. № 537 // Российская газета. 2009. 19 мая.
- [4] Медведев: Надо не бояться пользоваться антикоррупционными законами // <http://www.yuga.ru/news/161313/>
- [5] Генпрокуратура займется законами о коррупции. Отдел новостей ИА «Клерк.Ру». <http://www.klerk.ru/buh/news/83910/>
- [6] Закон Российской Федерации «О прокуратуре в Российской Федерации».
- [7] Гуцев П.Ю. Публичность государственной и муниципальной деятельности как гарантия противодействия коррупции // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 6.

- [8] О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов: Указ Президента Российской Федерации от 01.07.2010г. № 821.
- [9] Лопашенко Н.А. Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер // Следователь. 2009. № 6.
- [10] Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации 12 ноября 2009г. // Российская газета. 2009. 13 ноября.
- [11] Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации 30 ноября 2010г. // Российская газета. 2010. 1 декабря.

УДК 343:341.4

Нуркаева Татьяна Николаевна,
доктор юридических наук, профессор кафедры
«Уголовное право, процесс и криминалистика»
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП «Академия труда и социальных отношений»
e-mail: NurkaevaTH@yandex.ru

Юсупов Нияз Валерьевич,
преподаватель кафедры «Уголовное право»
ФГО ВПО «Уфимский юридический институт МВД России»
e-mail: niko222@mail.ru

**ЗАРУБЕЖНОЕ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЛЕГАЛИЗАЦИЮ (ОТМЫВАНИЕ) ИМУЩЕСТВА,
ПОЛУЧЕННОГО ОТ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ**

В статье дается сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства ряда зарубежных стран ближнего и дальнего зарубежья об ответственности за легализацию имущества, полученного от незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Выявлены особенности, которые, по мнению авторов, целесообразно использовать в целях совершенствования отечественного уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за подобные деяния.

Ключевые слова: *легализация (отмывание) имущества, полученного преступным путем; наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги; уголовное законодательство стран дальнего и ближнего зарубежья.*

Законодательство ближнего и дальнего зарубежья располагает значительным опытом по противодействию легализации (отмыванию) имущества, полученного в результате совершения преступления. Изучение этого опыта имеет большое значение для формирования эффек-

тивного правового механизма в России. Необходимо отметить, что система уголовно-правовых мер противодействия данному явлению за рубежом формировалась под воздействием различных факторов, одним из которых стало признание многими государствами легализации (от-

мывания) преступных доходов транснациональным преступлением, представляющим угрозу для безопасности мирового сообщества.

Одно из важнейших направлений международного сотрудничества в сфере противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков, – это организация системного и комплексного противодействия, основанного на единых международных стандартах и предусматривающего сочетание механизмов уголовно-правового преследования указанных деяний.

Согласно Рекомендации 1 ФАТФ (группы по разработке финансовых мер борьбы с отмыванием денег) все страны должны ввести уголовное преследование за отмывание денег на основе Конвенции ООН 1988г. о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Венская конвенция) и Конвенции ООН 2000г. против транснациональной организованной преступности (Палермская конвенция).

Анализ зарубежного законодательства, предусматривающего ответственность за легализацию (отмывание) имущества, полученного от преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, позволяет нам сделать вывод, что большинство стран учли требования международного законодательства в данной сфере. В то же время каждое государство в зависимости от особенностей его внутреннего права по-

своему оценивает рассматриваемое негативное явление.

Уголовное законодательство стран ближнего зарубежья имеет много общих черт с российским уголовным законодательством. Этому способствовал принятый Постановлением Межпарламентской Ассамблеи стран СНГ 17 февраля 1996г. Модельный Уголовный кодекс [1], ст. 258 (часть 1) которого относит легализацию доходов, полученных противозаконным путем, к категории преступлений средней тяжести. То же деяние, совершенное организованной группой (ч. 2 ст. 258), классифицируется как тяжкое преступление.

Вместе с тем, несмотря на определенную схожесть уголовного законодательства стран ближнего зарубежья, некоторые из них имеют свои особенности применительно к нормам об ответственности за легализацию (отмывание) имущества, полученного преступным путем, в том числе от незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Изучение специфики законодательств стран ближнего и дальнего зарубежья в интересующем нас аспекте представляет безусловный интерес для совершенствования отечественного уголовного законодательства в этой области.

Особый интерес в рамках нашего исследования представляет уголовное законодательство Азербайджанской Республики, поскольку норма, предусматривающая уголовную ответственность за легализацию (отмывание) преступных доходов,

имеет специфическую направленность и содержится в главе 26 УК Азербайджана «Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ».

Так, в ст. 241 УК Азербайджана 2000г. предусмотрена ответственность за осуществление финансовых операций или других контрактов с использованием денежных средств или иного имущества, приобретенных от незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ, а также использование этих средств или другого имущества с целью осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности. Указанные деяния наказываются штрафом в размере от двух до пяти минимальных размеров оплаты труда, исправительными работами на срок до двух лет либо лишением свободы на срок до четырех лет. Безусловно, немаловажным фактором, определяющим значимость данной нормы в УК, является то, что распространение наркотических средств и психотропных веществ является одним из наиболее частых источников получения преступных доходов. Квалифицированными видами рассматриваемого состава преступления являются действия, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные группой лиц по предварительному сговору, неоднократно, а также лицом, использующим свое служебное положение.

Наказание за указанные деяния предусмотрено в виде лишения сво-

боды на срок от четырех до восьми лет с конфискацией имущества или без таковой.

Особо квалифицированными видами легализации (отмывания) преступных доходов согласно ч. 3 ст. 241 УК Азербайджана являются действия, предусмотренные частью первой и второй настоящей статьи, совершенные организованной группой или в крупном размере. Эти действия наказываются лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет с конфискацией имущества или без таковой.

Таким образом, уголовное законодательство Азербайджанской Республики пошло по пути установления ответственности за легализацию (отмывание) имущества, полученного в результате совершения конкретных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и усиления санкций за подобные деяния.

Следует согласиться с позицией законодателя Азербайджанской Республики и в том, что на сегодняшний день существует необходимость в ужесточении ответственности за указанные деяния, поскольку доходы, получаемые от незаконного оборота наркотиков, создают благоприятную среду для их распространения, а кроме того представляют угрозу экономической безопасности каждого государства.

В европейских странах большое значение в области противодействия организованной преступной деятельности придается совершенствованию механизма пресечения

отмывания денег, а также конфискации и изъятию прибылей, полученных от преступной деятельности. Этот механизм еще далек от совершенства. Расследование, уголовно-правовое преследование и последующее за ними обеспечение конфискации преступных денег и имущественных ценностей на практике сталкиваются со множеством проблем [3]. Связано это, прежде всего, с трудностями процесса доказывания того, что деньги или имущество добыты преступным путем. В связи с этим ряд государств (Германия, Франция и др.) пошли по пути нарушения принципа «*in dubito pro reo*» (в случае сомнения дело решается в пользу обвиняемого), расширив тем самым возможности по доказыванию фактов отмывания и по изъятию преступных доходов.

Уголовный кодекс ФРГ 1871г. в разделе 21 «Укрывательство преступника и укрывательство имущества, добытого преступным путем» содержит норму об ответственности за отмывание денег и укрывательство незаконно полученных имущественных выгод. Таким образом, законодатель объединил в одной статье два схожих по составу деяния. В частности, в абз. 1 § 261 УК ФРГ предусмотрена ответственность за утаивание и сокрытие предмета, который получен в результате противоправного деяния, совершенного другим лицом, либо сокрытие его происхождения или воспрепятствование установлению происхождения этого предмета, его местонахождения, конфискации имущества или сохра-

нению изъятых предметов. За такие деяния предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от трех месяцев до пяти лет.

Противоправными деяниями по смыслу приложения 1 к абз. 1 § 261 УК ФРГ являются все преступления, а также проступки, предусмотренные законодательством о наркотических веществах; проступки, предусмотренные налоговым законодательством; проступки, предусмотренные Законом об иностранных гражданах и Законом о беженцах; проступки, совершенные в виде промысла членом банды, которая организована для постоянного совершения таких деяний; преступления, совершенные членом преступного объединения.

Особо квалифицированным видом отмывания преступных доходов согласно абзацу 4 § 261 УК ФРГ является совершение указанных выше действий в качестве промысла, а также в случае, если обвиняемый является членом банды, которая была организована для постоянного совершения отмывания денег. За подобные деяния предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до десяти лет.

В соответствии с абз. 2 § 261 УК ФРГ за укрывательство незаконно полученных имущественных выгод лишением свободы на срок от трех месяцев до пяти лет наказываются тот, кто указанный в абз. 1 § 261 УК ФРГ предмет приобретает для себя или третьего лица, хранит или использует для себя или третьего лица,

зная при этом о происхождении этого предмета в момент его приобретения [4, с.409-410].

Специфика ответственности по УК ФРГ состоит и в том, что наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет или денежного штрафа предусмотрено за неумышленное совершение деяний, указанных в абзацах 1 и 2 § 261, в частности, когда лицо по легкомыслию не сознает, что предмет добыт в результате совершения противоправного деяния. Это свидетельствует о достаточно жесткой оценке законодателем подобных деяний.

В абзаце 7 § 261 УК ФРГ предусмотрена возможность конфискации предметов, которые связаны с деяниями, указанными выше.

Заслуживают внимания предусмотренные в § 261 УК ФРГ специальные виды освобождения от наказания лиц, оказывающих добровольную помощь следствию: 1) добровольное сообщение о деянии компетентным органам или добровольная дача повода для такого сообщения, если деяние в этот момент не является полностью или частично раскрытым и исполнитель это знает или рассчитывает на это при разумной оценке фактических обстоятельств дела; 2) способствование сохранению изъятого предмета, который относится к преступному деянию.

Таким образом, уголовное законодательство ФРГ содержит статью, предусматривающую ответственность за два самостоятельных, хотя и схожих состава преступления, пред-

ставляющих примерно одинаковую общественную опасность. Причем имущество, являющееся предметом указанных преступлений, может быть получено как в результате преступлений, так и посредством совершения отдельных проступков, в частности, незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Кроме того, по УК ФРГ за отмыывание денег и укрывательство незаконно полученных имущественных выгод не наказываются тот, кто подлежит наказанию за соучастие в деянии, предшествующем совершенному деянию. В этом случае отмыывание доходов рассматривается как вид прикосновенности к основному преступлению, что исключает уголовную ответственность за отмыывание денег соучастников основного преступления. Смысл данной законодательной конструкции состоит в том, что общественная опасность прикосновенности к основному преступлению посредством отмыывания доходов от его совершения не может определяться самостоятельно, оно является производной от первичного преступления. Полагаем, что подобное уточнение в норме о легализации (отмыывании) преступных доходов вполне обоснованно, поскольку позволяет предотвратить возможные ошибки в квалификации указанного состава преступления.

Помимо Особенной части УК ФРГ в так называемых дополнительных законах содержатся уголовно-правовые нормы, которые часто в практическом плане превосходят со-

ставы деяний, предусмотренных УК. В частности, Законом 1992г. «О борьбе с незаконной торговлей наркотиками и другими формами проявления организованной преступности» существенно расширен институт конфискации имущества, полученного в результате совершения правонарушения или для его совершения (§ 73d). Согласно этой норме в случае совершения правонарушения, предусмотренного Законом, суд назначает конфискацию предметов исполнителя или соучастника и тогда, когда обстоятельства дела дают основание полагать, что эти предметы получены для совершения противоправных деяний или в результате их совершения [4, с.204]. Полагаем, что это очень важная норма, позволяющая более эффективно бороться с преступлениями экономической направленности.

Наибольший интерес для нас представляет Уголовное законодательство Франции, которое наряду с общей нормой об отмытии преступных доходов содержит также специальную норму об отмытии доходов и имущества, полученных от незаконного оборота наркотиков.

УК Франции 1992г. в главе IV «Об отмытии» предусматривается ответственность за отмытие средств, полученных преступным путем. Согласно ст. 324-1 УК Франции под отмытием понимается деяние, выразившееся в облегчении любым способом ложного обоснования источника происхождения имущества или доходов исполните-

ля какого-либо преступления или проступка, обеспечивающего ему прямую или косвенную выгоду, а также деяние, выразившееся в оказании содействия какой-либо операции по размещению, сокрытию или конверсии того, что прямо или косвенно получено в результате совершения какого-либо преступления или проступка. Указанные действия наказываются пятью годами тюремного заключения и штрафом в размере 2,5 млн. франков.

В качестве квалифицирующих признаков в ст. 324-3 УК Франции обозначены: совершение отмытия систематически или с использованием возможностей, связанных с выполнением профессиональной деятельности; совершение отмытия организованной бандой. Подобные деяния наказываются десятью годами тюремного заключения и штрафом в размере 5 млн. франков [5, с.87].

В отделе «О незаконной торговле наркотиками» УК Франции предусмотрена также ответственность за любое содействие ложной легализации происхождения доходов или имущества, принадлежащих лицу, совершившему какое-либо из преступных деяний, указанных в ст.ст. 222-34-222-37 УК Франции (руководство группировкой, занимающейся производством, хранением, предложением, продажей, приобретением или незаконным употреблением наркотиков; незаконное производство или изготовление наркотиков; незаконный ввоз или вывоз наркотиков; незаконную

транспортировку, хранение, предложение, передачу, приобретение или употребление наркотиков), или оказание помощи в любой операции по размещению, сокрытию или обращению полученного в результате какого-либо из таких преступных деяний (ст. 222-38 УК Франции) [5, с.204-205].

За совершение действий, указанных в ч. 1 ст. 222-38 УК Франции, предусматривается уголовное наказание в виде десяти лет тюремного заключения и штраф в размере 5 млн. франков. Обращает на себя внимание предельная жесткость предусмотренных французским Уголовным законом санкций за незаконный оборот наркотиков и отмыwanie преступных доходов, полученных от этой деятельности, что свидетельствует о высокой степени общественной опасности подобных деяний.

В отличие от других европейских стран, отрицающих откупной характер изъятия прибыли, Франция принципиально придерживается классического уголовно-правового распределения бремени доказывания и в сфере изъятия прибылей, когда основная часть доказывания факта преступного происхождения имущества ложится на следственные органы. Вместе с тем Законом №96-392 от 13 мая 1996г. в УК Франции была введена ст. 222-29-1, представляющая для нас особый интерес.

Так, в диспозиции ст. 222-29-1 УК Франции предусмотрена уголовная ответственность за невозможность

лицом обосновать источники существования, соответствия своему образу жизни при наличии систематических отношений с одним или несколькими лицами, занимающимися какой-либо деятельностью, преследуемой согласно отделу IV («О незаконной торговле наркотиками») УК Франции, либо с несколькими лицами, занимающимися употреблением наркотиков. В санкции статьи предусмотрено уголовное наказание в виде пяти лет тюремного заключения и штраф в размере 500 тыс. франков. Причем срок тюремного заключения увеличивается до 10 лет, если одно или несколько лиц, пострадавших в результате преступного деяния, являются несовершеннолетними.

Таким образом, французский законодатель для решения проблем, связанных с конфискацией имущества, полученного от незаконного оборота наркотиков, в части доказывания источников его происхождения пошел по пути включения в УК нового состава преступления, возлагающего обязанность обоснования источников существования на лицо, связанное с незаконным оборотом наркотиков.

В уголовном законодательстве Испании содержится подробный перечень деяний, подпадающих под понятие «отмыwanie» имущества. Согласно ст. 301 УК Испании 1995г. уголовной ответственности подлежат те, кто приобретает или передает имущество, зная, что оно добыто посредством тяжкого преступления, совершает иное действие для его

сокрытия, с целью сокрыть его незаконное происхождение или с целью помочь лицу, принявшему участие в уголовном правонарушении или уголовных нарушениях, избежать законных последствий его деяния. В качестве наказания предусмотрено тюремное заключение на срок от шести месяцев до шести лет и штраф в размере тройной стоимости имущества.

При этом наказание назначается ближе к верхнему пределу в случае совершения указанных деяний, если речь идет об имуществе, имеющем свое происхождение в преступлении, связанном с торговлей токсичными, наркотическими или психотропными веществами; сокрытии или укрывательстве настоящей природы, происхождения, местонахождения, предназначения, перемещения или прав на имущество или собственность, если лицо знало, что они добыты преступлениями или действием участия в них [6, с.94].

К особенностям УК Испании можно отнести наличие ответственности за совершение перечисленных выше деяний по грубой неосторожности (ч. 3 ст. 301): виновный наказывается тюремным заключением на срок от шести месяцев до двух лет и штрафом в размере двойной стоимости имущества.

Таким образом, законодатель Испании также пошел по пути усиления уголовной ответственности за отмывание имущества, полученного от преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, предусмотрев за соверше-

ние данного преступления предельно жесткое наказание. Более того, руководствуясь исключительно общественной опасностью подобных деяний, уголовное наказание за их совершение предусмотрено даже в случаях, когда лицо действует по грубой неосторожности.

В Китайской Народной Республике преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, относятся к числу предикатных в отношении отмывания преступных доходов. Так, в ст. 191 УК КНР 1997г. указано, что прикрытие, утаивание источников и характера незаконных доходов и производных от них выгод, полученных от заведомо известных преступлений, связанных с наркотиками, организациями мафиозного характера, контрабандой, помимо конфискации незаконных доходов и производных от них выгод наказываются лишением свободы на срок до пяти лет либо арестом. В качестве дополнительного наказания применяется штраф в размере от 5% до 20% отмытых денег. При отягчающих обстоятельствах лицо, нарушившее закон, наказываются лишением свободы сроком на пять и более лет, а в качестве дополнительного наказания применяется штраф в размере от 5% до 20% от суммы отмытых денег. Отягчающими обстоятельствами являются:

- 1) представление счета для капитала;
- 2) содействие в переводе собственности в наличные деньги или финансовые векселя;

3) содействие в денежных трансфертах путем перевода со счета на счет или иными способами расчетов;

4) содействие в переводе капитала за границу;

5) иные способы прикрывания, утаивания источников и характера незаконных доходов и производных от них выгод [7, с.316].

Таким образом, к числу квалифицированных признаков отмывания по УК КНР относятся действия специально уполномоченных лиц, предоставляющих различные финансовые услуги.

В главе 2 «Преступления против финансовой системы» УК Колумбии содержится ст. 323 «Отмывание активов», предусматривающая ответственность за приобретение, охрану, инвестирование, транспортировку, преобразование, хранение или управление имуществом, полученным от вымогательства, незаконного обогащения, восстания, оборота оружия, наркотических средств и психотропных веществ, посягательства на финансовую систему. Санкция ч. 1 ст. 323 УК Колумбии предусматривает наказание в виде тюремного заключения от 6 до 15 лет и штраф от пятисот до пятидесяти тысяч минимальных месячных окладов.

Таким образом, отмыванием активов по законодательству Колумбии является совершение различных альтернативных деяний с имуществом, полученным от конкретных наиболее общественно опасных преступлений, к числу ко-

торых относится и незаконный оборот наркотиков.

Подводя итоги сказанному выше, можно сделать ряд выводов.

1. Уголовное законодательство ряда зарубежных стран, регламентируя ответственность за легализацию (отмывание) имущества, полученного от преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, отличается от российского уголовного законодательства в лучшую сторону.

Учитывая исключительную опасность подобных преступлений, а также рекомендации международно-правовых документов, уголовное законодательство некоторых стран пошло по пути выделения самостоятельных составов преступлений, предусматривающих ответственность за отмывание имущества, полученного от незаконного оборота наркотиков (УК Азербайджана, УК Франции), либо по пути указания в общих составах об отмывании имущества перечня преступных деяний, в результате совершения которых это имущество было получено, включая в этот перечень и незаконный оборот наркотиков (УК Колумбии, УК Германии), либо по пути выделения в общем составе об отмывании квалифицированного вида отмывания имущества, полученного от незаконного оборота наркотиков (УК Испании).

2. Общей тенденцией уголовного законодательства этих стран является усиление уголовной ответственности за отмывание преступных доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков. Все

основные составы рассматриваемого преступления предусматривают в качестве альтернативного наказания лишение свободы. Причем максимальная граница этого вида наказания в разных странах различна: от четырех лет лишения свободы по УК Азербайджана до пятнадцати лет тюремного заключения по УК Колумбии.

3. Особенностью УК ряда зарубежных стран является и факт установления уголовной ответственности за подобные деяния даже в случае, если лицо действовало по грубой неосторожности, то есть приобрело и использовало для себя или третьего лица имущество, не осознавая преступный характер его происхождения (УК ФРГ, УК Испании).

4. Важной мерой, позволяющей более эффективно бороться с подобными преступлениями, является конфискация имущества, полученного преступным путем, в том числе от незаконного оборота наркотиков. Эта мера в качестве дополнительного наказания предусмотрена УК Азербайджана, УК ФРГ, УК КНР.

Представляется, что положительный опыт зарубежных стран может быть использован в нашей стране для совершенствования уголовно-правовых средств борьбы с легализацией доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков.

Литература

[1] Приложение к «Информационному бюллетеню Межпарла-

ментской Ассамблеи стран-участниц СНГ». 1996. № 10.

- [2] Уголовный кодекс Республики Азербайджан // См.: Лозовицкая Г.П. Общий сравнительно-правовой комментарий и сравнительные таблицы уголовных кодексов государств-участников Содружества Независимых Государств (СНГ): в 2-х ч. Ч. 2 / Под ред. П.Г. Пономарева. Саратов, 2002.
- [3] Дикаев С.У. Сравнительный анализ европейского законодательства об изъятии прибылей, полученных от преступной деятельности // Легализация преступных доходов как угроза экономической безопасности России: теория, практика, техника гармонизации международно-правовых и национальных механизмов противодействия: Сб. статей / Под общ. ред. В.М. Баранова, Л.Л. Фитуни. Нижний Новгород, 2009.
- [4] Уголовный кодекс ФРГ / Науч. ред. Д.А. Шестакова. СПб., 2003.
- [5] Уголовный кодекс Франции / Науч. ред. Л.В. Головкин, П.Е. Крыловой. СПб., 2002.
- [6] Уголовный кодекс Испании / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ф.М. Решетникова. М., 1998.
- [7] Ахметшин Х.М., Ахметшин Н.Х., Петухов А.А. Современное уголовное законодательство КНР. М., 2000.

УДК 343.8:616.9

Маликов Борис Зуфарович,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
«Уголовное право, процесс и криминалистика»
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП «Академия труда и социальных отношений»
e-mail: malikov_bz@mail.ru

Адылин Дмитрий Михайлович,
адъюнкт кафедры «Уголовное право и криминология»
ФГОУ ВПО «Самарский юридический институт»
Федеральной службы исполнения наказаний России,
e-mail: adm63rus@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ ВИЧ-ИНФИЦИРОВАННЫХ ОСУЖДЕННЫХ

В статье рассматриваются правовые вопросы организации исполнения лишения свободы ВИЧ-инфицированных осужденных.

Ключевые слова: ВИЧ-инфицированный осужденный, уголовно-исполнительное законодательство, пенитенциарное учреждение.

Проблема ВИЧ-инфекции является не только социальной, медицинской, но и уголовно-исполнительной, так как в местах изоляции обвиняемых, подозреваемых в совершении преступлений (в следственных изоляторах), а также отбывания наказания осужденными (в исправительных учреждениях) содержится значительное количество лиц ВИЧ-инфицированных. По данным официальной статистики Федерального центра СПИД, количество ВИЧ-инфицированных на территории России на 1 января 2010 года составило 567 558 человек, из них

каждый десятый находится в местах лишения свободы [1].

ВИЧ-инфекция – инфекционное заболевание, развивающееся в результате многолетнего присутствия вируса иммунодефицита человека (ВИЧ) в лимфоцитах, макрофагах и клетках нервной ткани. Характеризуется медленно прогрессирующим дефектом иммунной системы, который приводит к гибели больного от вторичных поражений, описанных как синдром приобретенного иммунного дефицита (СПИД). Важнейшим свойством ВИЧ является способность интегрировать-

ся с геномом клетки хозяина, что обуславливает пожизненную инфекцию и защищает вирус от любых лекарственных препаратов. Большинство препаратов, применяемых для лечения больных ВИЧ-инфекцией, являются ингибиторами. Источником инфекции является человек в любой стадии инфекционного процесса. Восприимчивость к ВИЧ-инфекции всеобщая [2].

В Федеральном законе от 30 марта 1995г. № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» отмечается, что заболевание, вызываемое вирусом иммунодефицита человека, приобретает массовое распространение во всем мире, остается неизлечимым и приводит к неотвратимому смертельному исходу, вызывает тяжелые социально-экономические и демографические последствия для Российской Федерации, создает угрозу личной, общественной, государственной безопасности, а также угрозу существованию человечества, вызывает необходимость защиты прав и законных интересов населения. Следовательно, государство признает опасность для общества синдрома приобретенного иммунного дефицита (СПИДа), а также и то, что устойчивым возбудителем этого смертельного заболевания является ВИЧ-инфекция (ст. 1 ФЗ-38 от 23 марта 1995г.).

Заболевание, вызываемое вирусом иммунодефицита человека, приводит организм, пораженный им, в необратимое зависимое физическое состояние: а) на данном этапе развития медицины этот вирус не устраним; б) при определенных негативных условиях ВИЧ-инфекция порождает состояние СПИДа; в) носители ВИЧ-инфекции являются источниками возможного заражения этим вирусом других лиц; г) ВИЧ-инфицированные лица, инъекционно потребляющие наркотические вещества, как правило, создают опасность заражения других лиц.

Физическое состояние ВИЧ-инфицированных резко меняет физиологию и психологию лиц, пораженных им. ВИЧ-инфекция – это медицинский диагноз, констатация пораженности организма ВИЧ-инфекцией, то есть присутствия в организме возбудителя опасной болезни. Такое физическое состояние на данном этапе развития медицины является необратимым, то есть организм обречен на постоянное присутствие в нем ВИЧ-инфекции. Пораженный вирусом человек требует специального режима жизни и медицинской профилактики для блокирования перехода ВИЧ-инфекции в СПИД. Кроме того, ВИЧ-инфицированные лица обязаны соблюдать меры предосторожности, чтобы не заразить инфекцией других. В психологиче-

ском плане ВИЧ-инфицированные лица приобретают комплекс осознания своей «пожизненной» физической ущербной зависимости от ВИЧ-инфекции. Действительно, их физическое состояние, будучи не соответствующим состоянию здорового человека, ограничивает их физические возможности, приводит к осознанию не только своей физической несостоятельности, но и опасности для ближайшего окружения, а также необходимости постоянно корректировать свой образ жизни и личное поведение. Наличие ВИЧ-инфекции у человека заставляет его «встраивать себя» в межличностные отношения и в жизнь общества с учетом наличия своего физического недуга. Кроме того, государство и общество в связи с опасностью распространения ВИЧ-инфекции вынуждено принимать дополнительные меры профилактики общесоциального, медико-санитарного, информационно-просветительного уголовно-правового характера.

Отмеченные обстоятельства объективно «выделяют» лиц ВИЧ-инфицированных в особую часть общества, которая нуждается не только в медицинской, но и правовой, психологической, моральной, а также специальной помощи. Более того, возрастание их присутствия в социуме обостряет проблему взаимодействия со здоровой частью общества.

Профилактика ВИЧ-инфекции – это не просто воздействие на кон-

кретных лиц, носителей ВИЧ-инфекции. Это сложный комплекс специальных мер государства, затрагивающих различные сферы жизнедеятельности. С правовой точки зрения важным является организация принудительной изоляции обвиняемых и подозреваемых в совершении преступлений, а также осужденных к лишению свободы. Кроме того, интересы безопасности общества и конкретных лиц обязывают государство предпринимать надлежащие меры, защищающие честных граждан от небрежного и явно негативного умышленного поведения ВИЧ-инфицированных лиц, создающих опасность для других граждан быть зараженными этой инфекцией.

Государство и его правоохранительная система планомерно решают острые проблемы, связанные с ВИЧ-инфекцией, сложными жизненными ситуациями, в которых оказываются ВИЧ-инфицированные лица. В частности, в Федеральном Законе «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» в ст. 5 определяется специальный статус этих лиц. Согласно данной норме ВИЧ-инфицированные граждане Российской Федерации обладают на ее территории всеми правами и свободами и несут обязанности в соответствии с Конституцией Российской Федерации, законода-

тельством Российской Федерации и законодательствами субъектов Российской Федерации. Права и свободы граждан Российской Федерации могут быть ограничены в связи с наличием у них ВИЧ-инфекции только федеральным законом. Каждый ВИЧ-инфицированный гражданин имеет право на такую же медицинскую помощь, как и другие граждане, без каких-либо ограничений.

Применительно к деятельности мест лишения свободы ВИЧ-инфекция является более выраженной и острой проблемой, так как в силу организации изоляции физически здоровые осужденные принуждаются к совместному проживанию, трудовому и межличностному общению с осужденными, пораженными этим вирусом. Соотношение ВИЧ-инфицированных и здоровых осужденных в 20 раз превышает подобный баланс в обществе. Приблизительно 25% официально зарегистрированных ВИЧ-инфицированных находится в местах лишения свободы [3, с.20].

В обычной жизни люди сами определяют круг своего общения, поэтому проблема общения с ВИЧ-инфицированными лицами – это личный выбор каждого. В обществе эта проблема не обострена до предела явно выраженного противоречия, поскольку граждане не осведомлены о конкретных ВИЧ-инфицированных лицах, с которыми приходится взаимодействовать

и контактировать по широкому кругу вопросов.

По оценкам специалистов, процедура организации изоляции лиц – в интересах уголовного процесса или осуждение к лишению свободы – повышает риск ВИЧ-инфицирования. Это обусловливается такими присущими пенитенциарным учреждениям факторами, как высокая плотность осужденных, сгущенность ВИЧ-инфицированных в одном участке, отряде, нанесение татуировок и повреждение кожных покровов острыми предметами при пользовании чужими бритвенными приборами и зубными щетками. Специфическими факторами можно считать и проблему сексуальных извращений [4, с.3].

В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством к ВИЧ-инфицированным осужденным применяется обязательное лечение по решению медицинской комиссии учреждения, исполняющего наказание. Таким осужденным назначается лечение в зависимости от стадии развития вируса иммунодефицита. Для замедления прогрессирования ВИЧ региональными Центрами СПИД, получающими финансирование от ФСИН РФ, применяется антиретровирусная терапия. Так как исправительные учреждения являются объектами закрытого типа, работники центров часто не имеют возможности попасть к ВИЧ-инфицированным осужденным и

обеспечить их нужными препаратами, а медицинский персонал исправительных учреждений не имеет необходимой квалификации для оказания медицинской помощи данной категории осужденных.

В целях поддержания общего физического состояния здоровья ВИЧ-инфицированных лиц для них установлены более высокие нормы питания по сравнению с другими осужденными вне зависимости от режима и условий содержания в изоляции, нахождения в СИЗО, ШИЗО, ПКТ и т. п. [5].

Гражданам из числа правонарушителей нередко становится известно о наличии ВИЧ-инфекции именно в СИЗО или исправительных учреждениях.

Согласно Правилам обязательного медицинского освидетельствования лиц, находящихся в местах лишения свободы, обязательному медицинскому освидетельствованию на выявление ВИЧ-инфекции подлежат осужденные: изъявившие желание быть донорами крови, плазмы крови, спермы и других биологических жидкостей, тканей и органов; привлекаемые в медицинских учреждениях уголовно-исполнительной системы к выполнению обязанностей работников, указанных в перечне работников отдельных профессий, производств, предприятий, учреждений и организаций; имеющие соответствующие медицинские показания [6]. Медицинское освидетельствование при этом проводится на доб-

ровольной основе, анонимно, за счет государства. Представляется, что в силу принуждения осужденных к совместному проживанию и тесному общению в местах изоляции освидетельствование на выявление ВИЧ-инфекции должно быть обязательным для всех.

При отказе от прохождения обязательного медицинского освидетельствования на выявление ВИЧ-инфекции без уважительных причин лица, находящиеся в местах лишения свободы, подвергаются мерам взыскания за нарушение требований режима отбывания наказаний.

Правилами обязательного медицинского освидетельствования установлено, что полученные сведения о наличии ВИЧ-инфекции медицинский работник обязан сохранять втайне, а за ее разглашение несет ответственность.

Рассматривая правовой статус ВИЧ-инфицированных осужденных, необходимо отметить, что для них существует ряд ограничений. Не допускается передвижение данной категории лиц без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения. Также ВИЧ-инфицированные осужденные лишены права выезда за пределы исправительного учреждения.

Кроме того, уголовно-исполнительное законодательство устанавливает раздельное содержание осужденных, больных инфекционными заболеваниями, от здоровых

осужденных (ч. 5 ст. 80 УК РФ). В данной норме нашло выражение важное право здоровой части осужденных быть огражденными от риска и опасности быть подвергнутыми инфекции, а также от воздействия страданий и непредсказуемости поведения больных людей. Однако данное принципиальное требование закона и права осужденных не получило конкретизации в организации изоляции осужденных к лишению свободы. ВИЧ-инфицированные лица в местах лишения свободы содержатся совместно со здоровой частью осужденных.

Практика показывает, что в местах лишения свободы сложно обеспечить конфиденциальность информации о ВИЧ-инфицированных лицах. В определенной степени этому препятствует и само законодательство. В частности, нормы ч. 3 ст. 97 и ч. 2 ст. 96 останавливают запрет для ВИЧ-инфицированных лиц на передвижение без конвоя или сопровождения, а также на выезды их за пределы исправительных учреждений. Пока существуют данные нормы, право на соблюдение медицинской тайны будет нарушаться [7, с.24].

Известно, что в настоящее время внутривенное введение наркотических средств является основным эпидемиологическим фактором инфицирования. Употребление наркотиков, как правило, подразумевает их хранение в крупном и особо крупном размере, что, в свою оче-

редь, влечет уголовную ответственность. Национальным способом борьбы с наркоманией и ВИЧ-инфекцией фактически становится изоляция наркоманов в стенах пенитенциарных учреждений [8]. Среди ВИЧ-инфицированных осужденных преобладают те, кто употребляет наркотики внутривенно. Использование здоровым человеком нестерилизованного шприца после применения его ВИЧ-инфицированным лицом, как правило, ведет к заражению. Это обуславливает высокий риск ВИЧ-инфекции среди потребителей наркотиков.

В среде наркозависимых осужденных особенно высок риск заражения ВИЧ-инфекцией, так как острая потребность в употреблении наркотиков существенно изменяет состояние их психики, акцентирует мотивацию негативного и опасного для себя поведения, блокирует интеллектуально-волевую сферу. Их не останавливает опасность причинения себе физического вреда. Поэтому потребители наркотиков являются основной группой, передающей ВИЧ путем использования нестерилизованных игл и шприцев [10].

В соответствии со ст. 122 УК РФ заведомая угроза здоровью другого лица и опасность заражения его ВИЧ-инфекцией, заражение ВИЧ-инфекцией лицом, знавшим о наличии у него этой болезни, влечет за собой уголовную ответственность. Но в усло-

виях большой концентрации осужденных в исправительных колониях (большими группами в отрядах) достаточно сложно предупредить такие негативные явления и привлечь к ответственности виновных лиц. Это связано с латентностью распространения и употребления наркотиков в местах лишения свободы. Тем не менее, преступления, связанные с оборотом наркотиков в исправительных учреждениях, составляет почти 30% в структуре пенитенциарной преступности.

Возрастание в стране количества ВИЧ-инфицированных лиц, которых на сегодняшний день насчитывается уже более 500 тыс., приведет к увеличению численности осужденных с данным диагнозом в местах лишения свободы. Это обуславливает необходимость совершенствования организации исполнения лишения свободы в отношении данной категории лиц.

В числе значимых проблем в организации исполнения лишения свободы ВИЧ инфицированных осужденных являются:

- обеспечение их изоляции с учетом создания надежных условий нераспространения ВИЧ-инфекции в местах лишения свободы;

- превалирование мер медико-санитарной и психологической поддержки в процедуре исполнения лишения свободы данной категории осужденных;

- создание безопасных медико-санитарных условий в исправитель-

ных учреждениях для здоровой части осужденных;

- дальнейшее теоретическое правовое осмысление принуждения к совместному проживанию и общению здоровой части осужденных и ВИЧ-инфицированных, что является, на наш взгляд, дополнительным стрессогенным и асоциальным фактором, нарушающим права человека.

Литература

- [1] Федеральный научно-методический центр по профилактике и борьбе со СПИДом // Информационный бюллетень. М., 2010. № 34.
- [2] http://www.medikk.ru/vich_infekciya
- [3] Потемкина Л.П., Бабошкина А.Е., Бычков Е.Н. Краткий обзор ситуации по ВИЧ-инфекции в пенитенциарной системе // Социальные, медицинские, психологические проблемы профилактики ИПП/ВИЧ/СПИДа в пенитенциарных учреждениях: материалы Межрегиональной научно-практической конференции / Под общей ред. Л.П. Прокофьевой. Саратов, 2002.
- [4] Чурсин А.И. Основные проблемы профилактики ИПП/ВИЧ/СПИДа среди осужденных // Социальные, медицинские, психологические проблемы профилактики ИПП/ВИЧ/СПИДа в пенитенциарных учреждениях: материалы Меж-

- региональной научно-практической конференции / Под общей ред. Л.П. Прокофьевой. Саратов, 2002.
- [5] Приказ Минюста РФ от 2 августа 2005г. № 125 «Об утверждении норм питания и материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы, а также подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний, на мирное время».
- [6] Постановление Правительства РФ от 28 февраля 1996г. № 221
- «Об утверждении Правил проведения обязательного медицинского освидетельствования на выявление вируса иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)».
- [7] Николаев Р.Ю. Проблемные вопросы правового положения ВИЧ-инфицированных осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 11.
- [8] <http://www.zagr.org/286.html>
- [9] <http://www.openeyes.ru/vich.html>

УДК 343.81:341.4

Громов Владимир Геннадьевич,
доктор юридических наук, доцент кафедры
«Уголовное право и криминология» ГОУ ВПО «Саратовский
юридический институт» МВД РФ, полковник милиции
e-mail: gromov_vg@mail.ru

Данилова Светлана Олеговна,
соискатель кафедры «Уголовное право и криминология»
ГОУ ВПО «Саратовский юридический институт» МВД РФ
e-mail: mosyrist@rambler.ru.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ «СОВЕТСКОЙ» СИСТЕМЫ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИИ

Статья посвящена актуальной проблеме совершенствования деятельности исправительных учреждений. Проведен теоретический анализ уголовно-исполнительной деятельности России и зарубежных стран. Авторы аргументируют необходимость реформирования «советской» системы исправительных учреждений и формулируют ряд положений и выводов, позволяющих с достаточной степенью объективности оценить реальное положение дел по проблемным вопросам реформирования системы исполнения наказания в виде лишения свободы.

Ключевые слова: лишение свободы, колония-поселение, воспитательная колония, лечебное исправительное учреждение, исправительная колония общего/строгого/особого режима, тюрьма.

Понятие «лишение свободы», предполагавшее, главным образом, лишение осужденного свободы выбора места жительства, передвижения и получения информации, было введено в российское уголовное законодательство в годы советской власти.

Часть 1 статьи 56 УК РФ устанавливает: «Лишение свободы заключается в изоляции осуждённого от общества путём направления его

в колонию-поселение, помещения в воспитательную колонию, лечебное исправительное учреждение, исправительную колонию общего, строгого или особого режима либо в тюрьму».

Карательный и превентивный потенциал лишения свободы, несомненно, достаточно высок. Однако значительный уровень его применения судами на протяжении нескольких десятилетий не свиде-

тельствовавал об эффективном решении проблемы предупреждения преступлений.

В отличие, например, от Франции и Соединенных Штатов Америки в России камерное заключение никогда не играло существенной роли. До Октябрьской революции 1917г. абсолютное большинство осужденных отправлялось на каторгу (в Сибирь, на Сахалин). После революции доминирующей моделью для исполнения наказаний стали лагеря принудительных работ. Сегодня элементы камерной системы присутствуют в тюрьмах, колониях особого режима, следственных и штрафных изоляторах, помещениях камерного типа исправительных колоний, дисциплинарных изоляторах, воспитательных колониях. Впрочем, индивидуальные камеры практически не встречаются. Более того, камеры следственных изоляторов принимают от нескольких до полутора сотен человек, находящихся под следствием.

Современная система учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, в России выглядит следующим образом:

- колонии-поселения;
- исправительные колонии общего режима;
- исправительные колонии строгого режима;
- исправительные колонии особого режима;
- тюрьмы;
- воспитательные колонии;

- лечебные исправительные учреждения;

- следственные изоляторы (в отношении лиц, оставленных с их согласия в следственном изоляторе для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, а также в отношении осужденных, срок лишения свободы которых не превышает 6 месяцев);

- лечебно-профилактические учреждения, выполняющие функции исправительных учреждений в отношении находящихся в них осужденных (ст. 74 УИК РФ);

- отдельные исправительные учреждения для бывших работников судов и правоохранительных органов (ст. 80 УИК РФ).

Очевидно, что данная система исправительных учреждений ещё не в полной мере отвечает требованиям раздельного содержания различных категорий осужденных к лишению свободы.

Кроме того, изоляция в исправительных колониях России в отличие от тюремного содержания в странах Западной Европы (Германии, Франции) и США имеет достаточно много отрицательных моментов, связанных с концентрацией числа осужденных:

- массовость и тесное общение создают специфическую асоциальную по своей направленности среду, в которой неформальные отношения базируются на неписаных правилах дифференциации тюремного населения на категории со своим статусом и ролью в общине себе подобных [1, с.40-41];

- не только психологическая, но и «идеологическая» несовместимость конкретных лиц, консолидированная на принципах неформальных групповых тюремных отношений [2, с.181];

- повышение степени конфликтности в межличностных отношениях, а также вероятность нарушений режима в колониях;

- невозможность обеспечения достаточного уровня личной безопасности осуждённых от посягательств на жизнь, здоровье и т. д. [3, с.13].

Все это дает основания учёным и практикам высказывать различные соображения о реформе уголовно-исполнительной системы.

Так, в США реформатории и пенитенциарии (аналоги наших колоний-поселений) находятся за пределами тюремной системы. Можно предложить исключить из системы мест лишения свободы колонии-поселения, руководствуясь следующими соображениями.

Уголовно-исполнительное законодательство регулирует порядок и условия содержания осуждённых и перечисляет ограничения и требования в отношении осуждённых к лишению свободы: в исправительных учреждениях обязательно раздельное содержание осуждённых мужчин и женщин, несовершеннолетних и взрослых; осуждённые обязаны соблюдать форму одежды установленного образца; запрещается хранение денег и иных ценностей; количество свиданий, телефонных разговоров и

получение посылок строго ограничено; свободное передвижение внутри исправительного учреждения запрещено. Однако ни одно из этих требований не касается осуждённых, содержащихся в колониях-поселениях. В соответствии со ст. 129 УИК РФ в режиме содержания осуждённых в колониях-поселениях указанных ограничений нет; более того, им может быть разрешено проживание со своими семьями на территории колонии-поселения или за её пределами. Кроме того, в колонии-поселении нет главного элемента изоляции – охраны. Причём если попытка нарушения изоляции (побег) из ИК любого вида режима несёт в себе непосредственную угрозу жизни осуждённого (часовые имеют право открывать огонь на поражение), то при побеге из колонии-поселения жизнь и здоровье осуждённых никакой угрозе не подвергаются. Условия отбывания наказания в колониях-поселениях приближены к условиям жизни на свободе, что позволяет относить их к учреждениям полуоткрытого типа [4, с.77].

С другой стороны, условия содержания осуждённых в колониях-поселениях имеют много общего с требованиями и условиями содержания осуждённых, отбывающих наказание в виде ограничения свободы (ст. 50 УИК РФ).

По сути дела, это конкурирующие институты уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Конкуренция норм, как нам представляется, проявляется в

том, что к одной и той же категории осужденных, совершивших преступления по неосторожности, уголовный закон (п. "б" ч. 2 ст. 53 и п. "а" ст. 58 УК РФ) предусматривает применение различных видов наказания. С другой стороны, условия отбывания лишения свободы в колонии-поселении (ст.ст. 128, 129 УИК РФ) и ограничение свободы в исправительном центре (ст.ст. 47, 50, 53, 56-60 УИК РФ) практически ничем не отличаются.

П. Булыков предлагает исключить колонии-поселения из списка учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы [5, с.56]. Аналогичную точку зрения высказывают и другие учёные. Так, В.Д. Иванов пишет, что «анализ условий отбывания наказания в колониях-поселениях позволяет сделать вывод, что осуждённые, находящиеся в них, не лишаются свободы, а лишь ограничены в ней». Он предлагает «из содержания ст. 56, 58 УК РФ и 74 УИК РФ, определяющих виды лишения свободы, убрать колонии-поселения как не отвечающие требованиям, обеспечивающим изоляцию от общества» [6, с.24].

На наш взгляд, целесообразно не только исключить колонии-поселения из системы мест лишения свободы, но и упразднить их вообще.

В настоящее время в России функционирует 162 колонии-поселения, что составляет около 21% от всего количества исправительных колоний и 13% от общего количества исправительных учреждений (включая

765 исправительных колоний, 211 следственных изоляторов, 7 тюрем, 62 воспитательные колонии, 67 лечебно-исправительных учреждений). Доля осужденных, отбывающих наказание в колониях-поселениях (около 53-х тыс. человек), составляет порядка 6% от всего количества осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях (в общей сложности 867,9 тыс. человек) [7, с.60, 334]. Такая ситуация, а именно достаточно большое количество учреждений со сравнительно небольшим количеством содержащихся в них осуждённых, по нашему мнению, может способствовать проведению следующей реформы.

Вместо колоний-поселений, а точнее на их базе, на наш взгляд, следует создать:

а) реабилитационные центры для положительно характеризующихся осуждённых, переведённых из исправительных колоний в порядке ч. 2 ст. 78 УИК РФ;

б) реабилитационные центры для лиц, освобождённых из исправительных учреждений и нуждающихся в социальной адаптации к жизни на свободе (не имеющих родственников, нуждающихся в жилье и трудоустройстве);

в) исправительные центры для осуждённых, совершивших преступления по неосторожности. Эти учреждения должны обеспечивать достижение целей наказания на иной социально-правовой и психологической основе и стать самостоятельным промежуточным звеном между

изоляция осужденного от общества и свободой.

Возможно, исправительные центры должны функционировать по принципу ночного (дневного) стационара. Например, в дневное время осуждённые работают (по основному месту работы, хозяйственному обслуживанию исправительного центра или бесплатно по благоустройству города/посёлка и т. д.). Однако с 20.00 вечера до 6.00 утра они обязаны находиться в исправительном центре.

И реабилитационные, и исправительные центры следует вывести за пределы системы исправительных учреждений. Так можно будет решить ряд теоретических, правовых и организационных проблем, связанных с понятием «лишение свободы» и отграничением его от «ограничения свободы».

В настоящее время особую значимость приобретают теоретическая оценка и законодательное закрепление понятия «изоляция осужденного».

На наш взгляд, следует поддержать профессора Б.З. Маликова в том, что если к сущности лишения свободы относить основной ее признак – изоляцию осужденного в исправительном учреждении, то представления о лишении свободы обретут совершенно конкретное выражение [8, с.26].

В уголовном законе существовал такой вид наказания, как арест (ст. 54 УК РФ), который должен был назначаться и исполняться до 2006 года. В.В. Яковлев пишет, что

«арест призван повысить эффективность краткосрочного лишения свободы, указанный показатель которого достаточно низок в настоящее время. При практическом применении нового вида наказания возможна фактическая замена им наказания в виде лишения свободы на короткий срок, исполняемого в имеющихся исправительных учреждениях, мало приспособленных для них функций» [9, с.6].

Профессора А.И. Зубков и М.П. Мелентьев относят арест к жесткой разновидности лишения свободы [10, с.50; 11, с.42].

Первая проблема ареста как вида наказания состоит в том, что по своей сути он очень схож с лишением свободы, однако в УК РФ он представлен в качестве самостоятельного вида наказания. От наказания в виде лишения свободы его отличают характер строгой изоляции, краткосрочность, а также условия содержания осуждённых. Арест предполагает камерное содержание с тюремным видом режима под вооружённой охраной, при этом к осужденным не применяется исправительное воздействие; они не привлекаются к оплачиваемому труду; им не предоставляются свидания; общее, профессиональное образование и профессиональная подготовка осуждённых не осуществляются, передвижение без конвоя не разрешается. И хотя юридически отбывание наказания в арестных домах не считается лишением свободы, очевидно, что фактически оно является таковым.

Арест не может применяться к несовершеннолетним в возрасте до 16-ти лет, а также к беременным и женщинам, имеющим детей в возрасте до 14-ти лет.

На наш взгляд, арест, безусловно, следует отнести к наказанию в виде лишения свободы, а арестные дома включить в систему исправительных учреждений. Для того чтобы не было конкуренции сроков между наказаниями в виде ареста и лишения свободы, предлагается максимальный срок ареста снизить до 2 месяцев.

Вторая проблема ареста как вида наказания заключается в том, что в соответствии с законодательством в арестные дома могут направляться и осуждённые женщины для отбывания наказания на условиях тюремного режима. Безусловно, это будет являться противоречием, т. к., с одной стороны, в соответствии с принципом гуманизма осуждённые женщины отбывают наказание в виде лишения свободы только в колониях-поселениях и исправительных колониях общего режима, запрещается направлять их в исправительные колонии строгого режима и тюрьмы. С другой – в соответствии с принципами дифференциации вины, справедливости, законности осуждённые женщины могут направляться в арестные дома. Для того чтобы не возникало данного противоречия, необходимо исключить назначение отбывания наказания осуждённым женщинам в арестных домах [12, с.148].

Учитывая, что все осуждённые, совершившие преступления по неосторожности, будут направляться в реабилитационные центры, осуждённых, совершивших умышленные преступления небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавших наказания в виде лишения свободы, видимо, следует направлять в арестные дома.

Статьями 126 и 127 УИК РФ регламентируются порядок и условия отбывания наказания осуждённых к пожизненному лишению свободы и осуждённых, которым смертная казнь в порядке помилования заменена пожизненным лишением свободы. Эти лица содержатся в исправительных колониях особого режима, в камерах не более чем по два человека. Они фактически обречены на постоянное нахождение в камере, так как другого содержания для них ни в одном из режимов (обычных, облегчённых и тем более строгих) не предусмотрено; переводы даже в случае правопослушного поведения в любые иные исправительные учреждения (даже в обычные тюрьмы) невозможны.

Для этих категорий осуждённых существует лишь очень отдалённая перспектива. Они могут быть освобождены условно-досрочно при положительной характеристике и фактическом отбытии не менее 25 лет лишения свободы (ч. 5 ст. 79 УК РФ). Поэтому логичнее вместо «исправительных колоний особого режима» именовать такие учреждения «тюрьмами особого режима» для пожизненно лишённых

свободы и тех, кому смертная казнь заменена лишением свободы. Это будет соответствовать реальному положению дел.

Ввиду того что в тюрьмах предусматривается только исключительно камерное содержание осуждённых, что предполагает принципиально иной уровень изоляции, чем в исправительных колониях любого вида режима, наказание следует называть не «лишением свободы», а *«тюремным заключением»*.

Обобщая изложенное, реформированную систему существующих исправительных учреждений можно представить следующим образом:

- исправительные колонии общего и строгого режима для осуждённых мужчин с изолированными участками для осуждённых впервые и осуждённых, ранее отбывавших лишение свободы;

- исправительные колонии для осуждённых женщин с изолированными участками для впервые осуждённых к лишению свободы, ранее отбывавших лишение свободы, а также для осуждённых, совершивших преступление при особо опасном рецидиве. Таким образом, в указанных видах исправительных колоний будут содержаться относительно однородные категории осуждённых, что позволит минимизировать конфликтные отношения среди осуждённых и более результативно применять к ним меры исправительного воздействия;

- исправительные колонии особого режима для мужчин, совершивших преступления при особо опасном рецидиве, за исключением лиц, совершивших особо тяжкие преступления против личности;

- отдельные исправительные учреждения для бывших работников судов и правоохранительных органов;

- воспитательные колонии с изолированными участками для осуждённых впервые и осуждённых, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы;

- лечебные исправительные учреждения;

- лечебно-профилактические учреждения, выполняющие функции исправительных учреждений в отношении находящихся в них осуждённых (ст. 74 УИК РФ);

- следственные изоляторы (в отношении осуждённых, оставленных с их согласия для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, а также в отношении осуждённых, срок лишения свободы которых не превышает 6 месяцев);

- арестные дома для лиц, совершивших умышленные преступления небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавших наказание в виде лишения свободы.

В рамках общего, родового понятия «лишение свободы» наказание в виде «тюремного заключения» с камерным содержанием осуждённых будут исполнять два вида исправительных учреждений:

- обычные тюрьмы (с общими и строгими условиями содержания

вместо общего и строгого режима) на срок свыше 5 лет для мужчин, совершивших особо тяжкие преступления, а также при особо опасном рецидиве преступлений, последнее из которых является особо тяжким преступлением против личности;

- тюрьмы строгого режима для лиц, отбывающих пожизненное наказание в виде лишения свободы, и для лиц, которым смертная казнь в порядке помилования заменена пожизненным лишением свободы.

Такая система отличается от реформы, предлагаемой руководством ФСИН, в ходе которой с колоссальными, практически неподъёмными для бюджета страны затратами государство должно перейти к тюремной системе.

Переход к такой системе исправительных учреждений, на наш взгляд, во-первых, будет не очень затратным, во-вторых, позволит произвести более качественную дифференциацию осуждённых, в-третьих, поможет осуществить более гибкие изменения в системе наказаний в целом, а в-четвёртых, будет отвечать потребностям уголовно-исполнительной политики государства, определяющей цели, стратегию, основные направления, формы и методы деятельности государства по обеспечению исполнения наказания и достижению его целей.

Одним из основных итогов перехода к указанной системе мест лишения свободы будет возмож-

ность сформулировать законодательные понятия «арест», «лишение свободы», «тюремное заключение» и «исправительное учреждение», в основе которых будет содержаться наличие вооружённой охраны.

«*Арест* – это краткосрочное содержание осуждённого в условиях камерной изоляции под вооружённой охраной».

«*Лишение свободы* – это содержание осуждённого в условиях изоляции в исправительном учреждении под вооружённой охраной».

«*Тюремное заключение* – это содержание осуждённого в условиях камерной изоляции в тюрьме под вооружённой охраной».

«*Исправительное учреждение* – это специальное государственное учреждение, предназначенное для содержания в условиях изоляции под вооружённой охраной осуждённых к лишению свободы и оказания на них воздействия с помощью установленных законом средств исправления».

Литература

- [1] Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. В 2-х т. Т. 2. М., 1991.
- [2] Маликов Б.З. Лишение свободы в России (Теоретико-правовые проблемы сущности и целей наказания). Саратов, 2001.
- [3] Фёфелов В.А. Концепция уголовно-исполнительной цивилизации исправительных учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы. Рязань, 1990.

- [4] Зверева О.Н. Реализация принципа индивидуализации наказания при исполнении лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005.
- [5] Булыков П. Лишает ли свободы колония-поселение? // Российская юстиция. 2001. № 6.
- [6] Иванов В.Д. Исправительные центры или колонии-поселения? // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2005. № 1.
- [7] Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.И. Зубкова. М., 2007.
- [8] Маликов Б.З. Теоретические проблемы сущности и содержания лишения свободы и их выражение в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве России: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2004.
- [9] Яковлев В.В. Уголовно-правовая характеристика ареста (теоретический аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999.
- [10] Зубков А.И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий. М., 2000.
- [11] Мелентьев М.П. Особенности применения отдельных видов уголовных наказаний. Рязань, 2003.
- [12] Громов В.Г., Шайхисламова О.Р. Наказание в виде лишения свободы и пенитенциарная политика: монография. М., 2007.

УДК 343.11

Нуркаева Татьяна Николаевна,

*доктор юридических наук, профессор кафедры
«Уголовное право, процесс и криминалистика»*

Башкирского института социальных технологий (филиала)

ОУП «Академия труда и социальных отношений»

e-mail: NurkaevaTN@yandex.ru

Поезжалов Владимир Борисович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право»

ГОУ ВПО «Уфимский юридический институт МВД России»

e-mail: mvdufa@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ПОТЕРПЕВШЕМ В СОСТАВАХ КЛЕВЕТЫ И ОСКОРБЛЕНИЯ:
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

Статья посвящена проблемным вопросам, связанным с определением круга лиц, являющихся потерпевшими при клевете и оскорблении. Авторы рассматривают уголовно-правовые и процессуальные аспекты этой проблемы, исследуют опыт зарубежных стран и российской законодательной системы.

Ключевые слова: *клевета, оскорбление, честь, достоинство, репутация, потерпевший от преступления, уголовное право.*

Важными ценностями человека, охраняемыми российским законодательством, и прежде всего нормами гражданского и уголовного права, являются его честь, достоинство и доброе имя.

Выбор способа защиты зависит, как правило, от усмотрения самого потерпевшего. Защита нарушенного права одновременно и в гражданском, и в уголовном процессе недопустима. Вместе с тем это не исключает возможности поочередного использования данным лицом указанных способов защиты, если первоначальное решение суда его не удовле-

творило. На этих позициях стоит и судебная практика. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005г. «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» отказ в возбуждении уголовного дела по ст. 129 УК РФ, прекращение возбужденного уголовного дела, а также вынесение приговора не исключают возможности предъявления иска о защите чести и достоинства или деловой репутации в порядке гражданского судопроизводства [1, с.4].

Если потерпевший принял решение защитить свою честь, достоинство или репутацию в уголовно-правовом порядке, то он должен подать заявление в суд о возбуждении уголовного дела. С вступлением в силу УПК РФ 2001г. дела частного обвинения, к которым в том числе относятся клевета и оскорбление, возбуждаются не иначе как путем подачи заявления потерпевшим или его законным представителем мировому судье (ст. 318 УПК).

В специальной литературе неоднократно решался вопрос относительно того, кто может признаваться потерпевшим от этих преступлений. В частности, возможна ли клевета и оскорбление в отношении малолетних, психически больных.

Одни авторы утверждали, что чувство чести и достоинства есть чувство человека как личности, и чувствовать их унижение могут лишь лица, обладающие сознанием собственного достоинства и сознающие характер происходящего с ними обхождения. Поэтому не могут быть потерпевшими от оскорбления лица, не обладающие таким сознанием: спящие, бесчувственно пьяные, психически больные, малолетние дети и т. п. В то же время такие лица, по мнению этих же авторов, могут признаваться потерпевшими от клеветы, так как оценка достоинства этих лиц существует независимо от субъективного восприятия данным лицом своего достоинства [2, с.128, 132; 3, с.22-23].

По мнению других авторов, потерпевшим при клевете и оскорбле-

нии может быть любое лицо, в том числе психически больной и малолетний [4].

Представляется, что последняя позиция больше отвечает реалиям времени и тенденциям, которые наблюдаются в мировой практике в области защиты прав человека и в соответствии с которыми право человека на честь и достоинство возникает с момента его рождения. В случаях, когда это право им не осознается вследствие малолетства либо психического заболевания, такое может защищаться его законным представителем [5, с.138]. Это вытекает из международно-правовых документов по правам человека. Так, ст. 1 Всеобщей декларации прав человека гласит: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». С целью развития демократических принципов равноправия и уважения достоинства человеческой личности в ноябре 1997г. принята Всеобщая декларация ЮНЕСКО о геноме человека и правах человека. Декларация содержит принципиально важное положение, согласно которому каждый человек имеет право на уважение его достоинства и прав независимо от его генетических характеристик. Такое достоинство непреложно означает, что личность человека не может сводиться к его генетическим характеристикам и требует уважения его уникальности и неповторимости (ст. 2 Декларации) [6, с.208]. На необходимость защиты ребенка от оскорбления, всех форм физического или психического насилия указывает

и ст. 19 Конвенции о правах ребенка 1989г. Таким образом, честь и достоинство – абсолютные ценности человека, охраняемые законом с момента его рождения.

По этому пути идут действующее российское законодательство и судебная практика. Согласно п. 2 названного выше Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации при распространении порочащих сведений в отношении несовершеннолетних или недееспособных иски о защите их чести и достоинства в соответствии с пунктами 1 и 3 статьи 52 Гражданского процессуального кодекса могут предъявить их законные представители [7, с.3].

Достаточно подробный анализ этой проблемы представлен в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960г. В соответствии со ст. 27 УПК РСФСР, если потерпевший по делам частного обвинения (ст.ст. 129 и 130 УК) в силу беспомощного состояния, зависимости от обвиняемого или иных причин не в состоянии защитить свои права и законные интересы, прокурор вправе возбудить уголовное дело и при отсутствии жалобы потерпевшего. Такое дело направлялось для производства дознания или предварительного следствия, а после окончания расследования рассматривалось судом в общем порядке. Подобные дела имели место в судебной практике [8, с.12].

Определенная ясность по этому вопросу внесена в действующий УПК РФ Федеральными законами от 12.04.2007г. и 05.06.2007г. Согласно ч. 2 ст. 20 УПК РФ уголовные дела о

преступлениях, предусмотренных статьями 129 частью первой и 130 УК РФ, считаются уголовными делами частного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя. Следовательно, а также дознаватель с согласия прокурора и при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя возбуждают уголовное дело о любом преступлении, указанном в частях второй и третьей настоящей статьи, если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы (ч. 4 ст. 20).

Защита чести и достоинства человека возможна и после его смерти. Это положение закреплено в ч. 1 ст. 152 ГК РФ 1994г. Согласно этой статье ГК «по требованию заинтересованных лиц допускается защита чести и достоинства гражданина и после его смерти». Аналогичное указание, хотя и в общем плане, содержал УПК РСФСР 1960г. (п. 8 ст. 5 УПК). Согласно этому пункту «уголовное дело не могло быть возбуждено, а возбужденное дело подлежало прекращению в отношении умершего, за исключением случаев, когда производство по делу необходимо для реабилитации умершего...». В УПК РФ 2001г. это же положение закреплено в п. 4 ч. 1 ст. 24; ч. 2 ст. 318.

В УК РФ 1996г. рассматриваемый вопрос прямо не решается. Это дает основание одним авторам считать, что опозорение и оскорбление

умерших не являются преступлениями, так как мертвые не обладают честью и «судья, руководствуясь УПК РСФСР, вправе отказать в возбуждении уголовного дела по жалобе заинтересованных лиц, например, родственников умершего» [9, с.25; 10, с.185-186].

Другие полагают, что указанные посягательства являются преступлениями, так как «из всех известных уголовно наказуемых посягательств против личности только одно из них возможно и после смерти лица – это нападение на их честь» [3, с.17].

Более справедливой нам представляется вторая точка зрения, поскольку клевета и оскорбление в адрес умерших зачастую существенно затрагивают интересы живых людей: близких, друзей, родственников. Нередко клеветник, распространяя заведомо ложные, порочащие умершего сведения, оскорбляющие его память, преследует цель бросить тень на живых, связанных родственными, дружескими или иными узами с умершим.

Возникает вопрос: охватываются ли подобные действия существующими составами клеветы (ст. 129 УК РФ) и оскорбления (ст. 130 УК РФ)? В теории уголовного права нет однозначного ответа на этот вопрос. По мнению одних исследователей, существует возможность защиты чести и достоинства умерших в рамках действующих статей о клевете и оскорблении [11, с.75; 12, с.9; 13, с.157]. Другие ученые полагают, что для этого необходимо внести изменения в ст.ст. 129, 130 УК РФ [14,

с.157]. Представители третьей группы считают, что правильнее было бы дополнить УК специальной нормой, предусматривающей уголовную ответственность за данные посягательства [3, 17].

Первая позиция является, по нашему мнению, более предпочтительной. Вряд ли целесообразно по каждому поводу вводить в УК новые составы преступлений. Подобные случаи вполне «вписываются» в рамки действующих общих норм о клевете и оскорблении. УПК РФ 2001г. специально применительно к этим случаям предусмотрел механизм восстановления нарушенного права. Согласно ч. 2 ст. 318 данного кодекса «в случае смерти потерпевшего уголовное дело возбуждается путем подачи заявления его близким родственником или в порядке, установленном частью третьей настоящей статьи». Часть третья данной статьи гласит, что «уголовное дело может быть возбуждено прокурором в случаях, когда потерпевший в силу беспомощного состояния или по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы. При этом прокурор направляет уголовное дело для производства предварительного расследования».

Если обратиться к опыту зарубежных стран, то там этот вопрос решается по-разному. УК Греции объединяет эти преступления в самостоятельную статью, по которой наказывается тот, кто оскорбляет память умершего злонамеренным оскорблением или злостной клеветой.

той (ст. 365). Аналогичное положение содержится в ст. 274 УК Дании 1930г. В ст. 176 Швейцарского Уголовного кодекса речь идет о диффамации и клевете в отношении умершего, а также установлен срок, в течение которого диффамация и клевета в отношении умершего считаются преступлением, – это 30 лет с момента смерти. Вместе с тем УК Франции и УК Австрии относят оскорбление памяти умерших к посредственному оскорблению, указывая на намерение оскорбить тем самым живых лиц. Думается, что опыт УК Франции и Австрии является для нас более предпочтительным.

Литература

- [1] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 4.
- [2] Пионтковский А.А. Преступления против личности. М., 1938.
- [3] Ной И.С. Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном праве. Саратов, 1959.
- [4] Мархотин В.И. Охрана чести и достоинства по советскому уголовному праву: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Киев, 1980.
- [5] Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М., 2001.
- [6] Александров А.Н. Судебная защита чести и достоинства граждан // Российский судья. 2005. № 11.
- [7] Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М., 2000.
- [8] Московский журнал международного права: Специальный выпуск (декабрь 1998).
- [9] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 4.
- [10] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 2.
- [11] Розин Н.Н. Об оскорблении чести. Уголовно-юридическое исследование. Томск, 1907.
- [12] Боголюбов С.А., Кашепов В.П., Колосова Н.М., Королев Ю.А. и др. Судебная защита прав и свобод граждан: научно-практическое пособие. М., 1999.
- [13] Уголовное право России. Особенная часть: учебник / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М., 1996.
- [14] Кирюхин А.Б. Преступления против чести и достоинства личности. Лекция. Уфа, 2000.
- [15] Нуркаева Т.Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами: вопросы теории и практики. СПб., 2003.
- [15] Шмарион В.И. Ответственность за преступления против чести и достоинства личности по российскому уголовному законодательству: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2001.

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВА

УДК 346:334.021.32

*Ибатуллина Эльвира Азгатовна,
старший преподаватель кафедры
«Гражданское право и процесс» Стерлитамакского филиала
ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
e-mail: academic.str@gmail.com*

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК ФАКТОР ПРАВОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В статье определяется роль предпринимательства в рыночной системе экономических отношений современного общества, ориентированного на модернизацию всех сфер жизни. Автором отмечается возрастающая роль государственного регулирования предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: *государственная власть, российское предпринимательство, финансово-правовое регулирование, конституционное законодательство, инновационный бизнес.*

Как известно, изменения политической, экономической и социальной систем, имевшие место в нашей стране в 90-х годах XX века, привели к значительной трансформации социальной структуры российского общества и формированию довольно значительного слоя предпринимателей. Появление большого количества бизнесменов явилось, с одной стороны, результатом либерализации экономики, а с другой – гарантией дальнейшего углубления реформ и развития рыночной экономики. Со временем в России стало появляться все больше финансовых средств, привлекаемых для развития крупного, среднего и мало-

го бизнеса, значительно увеличилось количество людей, стремящихся и способных к такой профессиональной деятельности. При этом ожидалось, что при благоприятных условиях предпринимательство сможет активно способствовать либерально-демократическому преобразованию экономики и формированию в России открытого общества.

Однако в конце 90-х годов XX – начале XXI века стало ясно, что развитие отечественного бизнеса сдерживается не только неуверенностью самих людей в стабильности и последовательности государственной экономической политики, недостатком соответ-

вующего опыта, знаний, навыков и информации, но и сохраняющимися бюрократическими механизмами, недостаточной поддержкой государственной власти, недостаточной правовой защитой частной собственности и свободы экономической деятельности.

Как известно, стратегический курс России на модернизацию всех сфер жизни государства был взят в тяжелых условиях начавшегося летом 2008 года мирового экономического кризиса. В Послании Федеральному Собранию России на 2009г. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев сказал: «Мы обязаны извлечь уроки из событий прошедшего периода. Ведь пока росли цены на нефть, у многих, что там скрывать, почти у всех, были иллюзии, будто структурные реформы ещё могут подождать, а сейчас нужно воспользоваться теми ценами, которые сложились. В основном предпочтение было отдано форсированию роста старой, сырьевой экономики, а для формирования новой, создающей уникальные технологии и инновационные продукты, были приняты лишь отдельные и несистемные решения. Больше медлить с этим нельзя. Мы должны начать модернизацию и технологическое обновление всей производственной сферы. По моему убеждению, это вопрос выживания нашей страны в современном мире» [1].

Далее Президент Российской Федерации выразил надежду, что благополучие России в относительно недалёком будущем будет напрямую зависеть от наших успехов в развитии рынка идей, изобретений, открытий, от способности государства и общества находить и поощрять талантливых и критически мыслящих людей, воспитывать молодёжь в духе интеллектуальной свободы и гражданской активности.

Подводя итоги прошедшего года, Д.А. Медведев в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации обратил особое внимание на то, что ресурсы, которые есть у страны, надо использовать «не для латания дыр, а в целях модернизации экономики, для создания новых конкурентоспособных товаров и услуг, миллионов новых рабочих мест, формирования спроса на инновации, развития малого и среднего бизнеса, расширения профессиональных и социальных перспектив наших людей» [2].

Президент Российской Федерации также поручил правительству направлять на поддержку предпринимательства, особенно в инновационных областях, не менее половины экономии запланированных расходов, а также часть дополнительных доходов федерального бюджета, поскольку «от успеха во всех этих проектах зависит качество жизни наших людей» [2].

По мнению некоторых исследователей и политиков, неправовой характер образования большинства крупных и средних капиталов, коррупция органов власти, распространенность рэкета, террористические акты привели к тому, что российское предпринимательство стало наделяться довольно уродливыми чертами, а в общественном мнении стало восприниматься не только как одна из преступных сфер жизни, но и как источник криминализации всего общества.

Крупный, средний и малый бизнес в своем диалектическом единстве способны наиболее эффективно обеспечить занятость населения, повысить отдачу от реализации многочисленных социальных правительственных программ, активно участвовать в демополизации российской экономики. Как показывает анализ мирового опыта, в демократических странах в решении экономических и социальных проблем современных социумов решающая роль принадлежит именно среднему и малому бизнесу. По всей видимости, данная тенденция в исторической перспективе в полной мере будет характерна и для Российской Федерации.

В начале XXI века усилилась борьба между государственной бюрократией и бизнесом за политическое влияние на государственную власть и на российское общество в целом. Государствен-

ные структуры старались преодолеть олигархический характер государственной власти, но при этом действовали непоследовательно, а в ряде случаев и вовсе субъективно. С одной стороны, государством были предприняты решительные действия против ряда крупных отечественных финансово-промышленных компаний с целью заставить их действовать в рамках законодательства и полностью выплачивать положенные налоги. Одновременно с этим руководство государства показывало бизнесу, в первую очередь крупному, что заинтересовано в его аполитичности и более активном участии в реализации социально-экономических программ. С другой стороны, российское законодательство продолжает оставаться запутанным и пока не создает благоприятных условий для развития бизнеса, а деятельность фискальных органов остается выборочной и относительно закрытой для общественного контроля.

Противоречиво и отношение общества к современной бизнес-деятельности. Ставшие достоянием общественности факты поддержки рядом бизнесменов и предпринимательских структур террористических организаций и экстремистов, их желание активно вмешиваться в политическую борьбу показывают, что неконтролируемый со стороны государства и не ограниченный законом

бизнес может играть в современных российских условиях и негативную социальную роль. В силу этого необходимо осмысление последствий изменений, предпринятых руководством страны осенью 2004 года. Определенное ужесточение политического режима демонстрирует, с одной стороны, что государственные структуры занялись наведением порядка, а с другой – что государство старается структурировать сформировавшийся предпринимательский слой и приступить к «выращиванию сверху» элементов гражданского общества.

Важно понимать, что гражданское общество как система неполитических, независимых от государства общественных институтов нуждается в финансовой, моральной, информационной и иной поддержке не только государства, но и бизнеса. Без всесторонней помощи предпринимателей, как показывает зарубежный и отечественный опыт, государству затруднительно активизировать инициативу граждан и направить ее в конструктивное русло. Особенно трудно это сделать в условиях сложившегося менталитета россиян, сформировавшегося под влиянием сильной и неограниченной государственной власти.

Характерной особенностью проводимой в настоящее время политики модернизации всех сфер жизни в Российской Федерации является законодательно закреп-

ленная тенденция возрастания роли государственного, в том числе и финансово-правового, регулирования предпринимательства. Правовое регулирование направлено как на установление запретов и ограничений, так и на стимулирование предпринимательской деятельности.

Интеграция современного модернизирующегося общества в рыночную систему экономических отношений породила не только множество социальных последствий, но и определила многообразие факторов относительной самостоятельности и обратного воздействия на процессуальность модернизации. Одним из таких факторов является предпринимательство, которому в научной литературе пока не нашлось однозначного определения. Длительная история формирования отечественного предпринимательства как социально-экономического и культурального явления требует своей логической завершенности и анализа в контексте современных условий.

Предпринимательство как фактор модернизации – это движущая сила, причина трансформационного процесса и модернизации в целом. Модернизация как обновление, совершенствование и реструктуризация требует соответствующих подходов к предпринимательству как фактору развития. В данном аспекте роль предпринимательства в нашей

стране неизмеримо возрастает. Правовое регулирование предпринимательской деятельности требует ответа на многие вопросы, в частности: Как предпринимательство должно влиять на модернизационные процессы? Каково содержание комплементарного взаимодействия модернизации и предпринимательской деятельности? Как преодолеть трудности, которые тормозят формирование среднего класса как основы социальной структуры общества?

К сожалению, отечественный бизнес продолжает в основной своей части реализовывать то, что произведено в других странах. Рыночные отношения пока еще слабы и нестабильны. Необходим переход от сырьевой экономики к инновационной, к экономике высоких технологий, производящей принципиально иной уровень товаров и услуг, удовлетворяющих реальные потребности населения. Необходима коммерциализация предпринимательства, изменение роли малого и среднего бизнеса в сегментах рынка и сфере диверсификации модернизирующейся экономики. В то же время необходимо изменить роль государства в этих процессах, предоставляя субъектам хозяйственной деятельности реальные возможности для самостоятельного развития.

Несмотря на современные кризисы и риски, инновационный бизнес, эффективное предприни-

мательство должны стать важными факторами модернизации общества в контексте глобализации мировой экономики. От предпринимательства сегодня ждут профессиональной компетентности, новых идей, инициативы и ответственности. Современному предпринимателю, к сожалению, недостает доверия, терпимости к проблемам и трудностям, самокритичности. Предприниматель должен видеть перспективу своего успеха, а перспектива – это реализация целей в контексте общей стратегии модернизационных преобразований экономики региона и страны в целом.

Рейтинг доверия, роль отечественного бизнеса повысятся, если предприниматель будет производить продукцию высокого качества, пользующуюся спросом, по доступной цене. Если предприниматель осуществляет инновационную деятельность, использует новые технологии в собственном производстве, обладает культурой ценностных ориентаций, социальным интересом и положительной активностью, то это отвечает современным требованиям модернизирующегося общества. Поэтому признание значимости влияния предпринимательства на современные проблемы модернизации общества является, по нашему глубокому убеждению, чрезвычайно актуальной теоретической и практической проблемой, тре-

бующей социально-философского анализа.

Гражданско-правовое и финансово-правовое регулирование охватывают практически все экономические сферы жизни страны, обеспечивая единые и общие для всех субъектов предпринимательской деятельности правила хозяйствования, не вмешиваясь при этом во внутренние дела предпринимателей. С финансово-правовым регулированием, включающим бюджетное и налоговое регулирование, тесно связаны интересы государства, граждан и организаций. Поэтому формирование эффективных средств бюджетного и налогового регулирования является необходимым условием социально-экономического развития как муниципальных образований и регионов, так и государства в целом. Это определяет важность создания оптимальной модели налогообложения, сочетающей частные интересы субъекта предприниматель-

ской деятельности и публичные интересы государства.

Эффективность гражданско-правового и финансово-правового регулирования предпринимательской деятельности снижается наличием пробелов, противоречий и неточностей нормативно-правовых актов, что зачастую приводит к судебным спорам и делает проблемным ведение предпринимательской деятельности без конфликтов с государственными контролирующими органами.

Литература

- [1] Послание Президента РФ Федеральному Собранию на 2010г. 12 ноября 2009г. // URL: <http://Президент.рф/transcripts/5979>
- [2] Послание Президента РФ Федеральному Собранию на 2011г. 30 ноября 2010г. // URL: <http://Президент.рф/выступления/9637>

УДК 347.6

Шакирова Марина Леонидовна,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское право»
ГОУ ВПО «Башкирская Академия государственной службы и управления
при Президенте Республики Башкортостан»
e-mail: gpKafedra@yandex.ru*

Биккулова Альфия Масхутовна,

*старший преподаватель кафедры «Гражданское право и процесс»
ФГО ВПО «Уфимский юридический институт МВД России»
Tereza-138-6.55.@mail.ru*

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ ПРИ
ПРИМЕНЕНИИ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Статья посвящена исследованию некоторых актуальных вопросов правового регулирования установления происхождения детей. Анализируются практика применения различных вспомогательных репродуктивных технологий и основания возникновения родительских прав и обязанностей.

Ключевые слова: *вспомогательные репродуктивные технологии, суррогатное материнство, теория социального отцовства и материнства, оспаривание материнства и отцовства, установление происхождения ребенка.*

В последние десятилетия все большее распространение получают вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), т. е. методы терапии бесплодия, при которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбриона осуществляются вне организма. ВРТ включают в себя разные виды искусственного оплодотворения, но наиболее востребованы искусственное оплодотворение половыми клетками мужа, экстракорпораль-

ное оплодотворение (ЭКО) и перенос эмбриона в полость матки и, наконец, суррогатное материнство [1]. Суть последнего заключается в том, что женщина с помощью искусственного оплодотворения соглашается выносить и родить ребенка для супружеской пары, которая не может по состоянию здоровья одного или обоих супругов иметь детей.

К настоящему времени в России насчитывается около 30 лабо-

раторий по искусственному оплодотворению. Врачи предполагают, что за 10 лет их существования при помощи этого метода появилось на свет примерно 300-500 младенцев. Всего же в мире, по данным исследователей, на начало XXI века родилось порядка 1500 детей от суррогатных мам (по некоторым данным, до 250 тыс.) [2, с.39]. Достаточно высокие цифры не позволяют оставить данное социальное явление без внимания.

В связи с развитием ВРТ и его широким применением в нашей стране всё большее признание получает теория социального отцовства и материнства. Согласно этой теории основанием возникновения родительских прав и обязанностей может быть не только биологическое происхождение (кровное родство), но и социальная связь [3, с.20].

В России до сих пор не принят федеральный закон, определяющий порядок осуществления гражданами своих репродуктивных прав, а также гарантии защиты этих прав, но подобные акты уже действуют в ряде стран постсоветского пространства (Армении, Казахстане, Киргизии, Молдове, Таджикистане). Кроме того, отдельные инициативы по формальному закреплению репродуктивных прав человека осуществляются как на региональном (законы, имеющие своим предметом право граждан на воспроизводство и создание семьи, приняты в Ивановской и Тульской областях), так и на международном уровне (в настоящее время в рам-

ках ЕврАзЭС разрабатывается проект типового закона «Об общих принципах охраны репродуктивного здоровья населения государств – членов Евразийского экономического сообщества») [4].

Некоторые правовые аспекты применения ВРТ определены в действующем законодательстве: в СК РФ (п. 4 ст. 51 и п. 3 ст. 52); в ст. 35 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан от 22 июля 1993г.; в ст. 16 ФЗ «Об актах гражданского состояния».

Семейный кодекс РФ содержит указания на три способа репродуктивной деятельности: искусственное оплодотворение, имплантация эмбриона (п. 1 ч. 4 ст. 51) и имплантация эмбриона в тело суррогатной матери (п. 2 ч. 4 ст. 51).

Вопрос об установлении происхождения детей в случае искусственного оплодотворения решён в законе однозначно. В соответствии с ч. 4 ст. 51 СК РФ лица, состоящие в браке и давшие согласие в письменной форме на применение метода искусственного оплодотворения, в случае рождения у них ребёнка в результате применения этого метода записываются его родителями в книге записи рождения. Такое решение представляется обоснованным, поскольку отвечает интересам родителей, ребёнка и лиц, предоставивших донорский материал.

Неурегулированной на настоящий момент является ситуация рождения женщиной ребенка, зачатого с использованием своей яйце-

клетки и спермы мужа, умершего ещё до момента зачатия (по данным медицинской науки, сперма в замороженном виде может храниться около 10 лет). Известен случай, когда муж сдал свою сперму в банк-хранилище и оплодотворение бывшей жены было произведено уже после смерти мужа [5, с.21]. Презумпция отцовства супруга матери, предусмотренная п. 2. ст. 48 СК РФ, в данном случае не применима. В связи с этим отцовство может быть установлено только в судебном порядке (ст. 49 СК РФ) на основании доказательств, с достоверностью подтверждающих происхождение ребёнка от конкретного лица.

Суррогатное материнство порождает иные правовые последствия для субъектов данных отношений (супружеской пары, суррогатной матери и ребёнка) (п. 2 ч. 4 ст. 51 и п. 2 ч. 3 ст. 52 СК РФ). Юридический аспект проблемы определяется появлением совершенно новых категорий – «юридических» родителей (матери), «генетических» («биологических») родителей (матери) и связанных с этим правоотношений. Вопрос, связанный с установлением материнства, зарубежным законодательством решается по-разному. Матерью может быть признана: 1) женщина, которая выносила ребёнка; 2) женщина, которой принадлежит оплодотворённая яйцеклетка; 3) суррогатная мать, которой отдаётся преимущественное право на признание себя официальной матерью. Такое мно-

гообразии подходов связано с традициями конкретного социума, строгостью норм репродуктивного регулирования.

Отсутствие четкого механизма регулирования данных отношений порождает на практике многочисленные проблемы. Например, СК РФ предусматривает необходимость письменного согласия лиц, состоящих в браке, на имплантацию эмбриона, однако не предусматривает заключение договора между суррогатной матерью и супружеской парой, хотя гражданским законодательством заключение такого договора не запрещено. Отсутствие в законе каких-либо правил оформления возникающих отношений на практике влечет отсутствие гарантий для обеих сторон.

Согласно п. 2 ч. 4 ст. 51 СК РФ лица, состоящие в браке и давшие согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, после рождения ребёнка могут быть записаны в качестве родителей в книге записей рождения только с согласия женщины, которая родила ребёнка. Такая формулировка статьи порождает множество вопросов. Прежде всего, возникает вопрос: когда и в какой форме суррогатная мать вправе (или обязана?) дать согласие либо отказать лицам, ожидающим передачи ребёнка, – до рождения ребёнка или после? В законе «Об актах гражданского состояния» определено, что для государственной регистрации рождения ребёнка, рожденного суррогатной мате-

рию, в регистрирующий орган должен быть представлен документ, выданный медицинской организацией, подтверждающий факт получения согласия суррогатной матери на запись супругов родителями ребёнка (п. 5 ст. 16). Исходя из принципа добровольности принятого решения, следует признать право суррогатной матери изменять его до момента осуществления органами записи актов гражданского состояния соответствующей записи о рождении.

Запись родителями предполагает возникновение у супругов (женщины, не состоящей в браке) родительских прав в полном объёме. Если суррогатная мать, согласившаяся на запись супругов в качестве родителей, отказывается передать ребёнка, то в этом случае у них возникает право требовать передачи им ребёнка на основании п. 1 ст. 68 СК РФ.

При отсутствии согласия суррогатной матери супруги не могут быть записаны в качестве родителей, а ребёнок не может быть им передан. Возникает вопрос: могут ли супруги (женщина, не состоящая в браке) оспорить решение суррогатной матери, ссылаясь на имеющуюся договоренность? Представляется, что заключение договора о суррогатном материнстве является единственным способом разрешения всех конфликтных ситуаций.

В связи с применением ВРТ возникает вопрос о праве ребенка знать своих генетических родителей. Медицинское право рассмат-

ривает сведения о генетическом происхождении ребёнка в качестве врачебной тайны. Семейное законодательство не содержит никаких указаний на этот счет. В этой ситуации представляется целесообразным использование зарубежного опыта. Во многих странах ребёнок, достигший совершеннолетия, вправе получить информацию о своем происхождении (в ряде случаев знание происхождения может оказаться необходимым, например, для диагностики заболевания или установления предрасположенности к определенным болезням, для предотвращения кровнородственных браков и пр.).

В отсутствие четкого правового регулирования российская практика складывается крайне неоднозначно. В 2004 году супружеская пара из Читы наняла суррогатную мать, которой сделали искусственную инсеминацию спермой мужа. После рождения ребёнок не был передан супружеской паре, да и отсудить его супруги не пытались. Суррогатная мать подала на алименты, которые читинский суд ей присудил [6].

Интересный судебный процесс проходил в конце 2005 года. В одной из московских клиник прошла успешная операция ЭКО для российской супружеской пары. Суррогатная мать, давшая в роддоме своё согласие на имплантацию ей эмбрионов и запись родителей в книгу записей рождений, попыталась оспорить запись о материнстве в книге записей рождений после

её совершения. Мотивировала она это тем, что «думала, буду жить с отцом ребёнка», в планы которого этот брачный союз не входил. Как это ни парадоксально (в соответствии с п. 3 ст. 52 СК РФ суррогатная мать не имеет права на оспаривание записи о материнстве после её совершения), но иск был принят к рассмотрению, и даже состоялось несколько слушаний. В конце концов, это дело, не имеющее никакой судебной перспективы, было благополучно закрыто [7].

14 декабря 2005 года в уральском НИИ охраны материнства и младенчества 35-летняя суррогатная мать по имени Т. родила тройню для своей родной сестры М., которой до этого делали две неудачных пересадки. Т., уже родившая двух собственных здоровых детей, предложила сестре свою помощь. Полторакилограммовые малыши – две девочки и мальчик – появились на свет на два месяца раньше срока, однако сразу стали дышать самостоятельно. Биологическая мама сообщила счастливой роженице, что тройню она «не поднимет», и предложила Т. забрать «двух лишних». Отношения между сёстрами не были оформлены документально: они посчитали, что обо всём договорятся сами [8].

Соответствующего законодательного оформления требует и криоконсервация генетического материала (спермы, ооцитов). Приведем интереснейший с точки зрения и медицины, и права случай, не имевший аналогов в России: десять

лет назад 19-летний Андрей Захаров должен был пройти курс химиотерапии в Израиле. Перед лечением он, как это и рекомендуется в подобных случаях, сдал свою сперму для криоконсервации. Терапия оказалась не очень эффективной: через восемь лет Андрей скончался, не оставив после себя детей. Его мать, Екатерина Германовна, целью своей жизни сделала рождение внука. В осуществлении её мечты женщине помогли врачи Екатеринбургского центра семейной медицины. Замороженную сперму Андрея перевезли в Екатеринбург, где была применена программа гестационного суррогатного материнства с использованием донорской яйцеклетки. С вывозом замороженного материала было немало проблем: по израильским законам воспользоваться спермой умершего супруга может только его жена и только при наличии соответствующего завещания. Тем не менее, матери разрешили вывезти из страны все 25 пробирок со спермой её умершего сына. 16 ноября в день Св. Георгия у Екатерины Захаровой родился здоровый внук ростом 52 сантиметра и весом 3600. Суррогатная мама за свои услуги получила однокомнатную квартиру в Екатеринбурге. Сейчас Екатерина Германовна пытается оформить документы на усыновление мальчика. Ее внуком он признан быть не может: в судах и загсах считают, что единственным родственником малыша является суррогатная мать, которая его ро-

дила [9]. Ситуация несколько затянулась, единственно законным способом оформления отношений является установление отцовства в судебном порядке, а потом оформление бабушкой опекуна.

В конце февраля 2006 года в Москве благополучно завершилась уникальная в своём роде программа суррогатного материнства в семье Н-х. После многократных и безуспешных попыток ЭКО биологическая мама, идущая на последнюю попытку, решила подстраховаться и параллельно начать суррогатную программу. Обеим женщинам было подсажено по два эмбриона. Беременность наступила у обеих, и у обеих по двойне! В ходе вынашивания беременности обе мамы, С-на (биологическая) и Н-а (суррогатная), очень сблизилась. Мальчишки родились одинакового роста – 49 сантиметров, с вполне нормальным весом для двойни: те, которых вынашивала С-а – 2,600 и 2,700, а те, которых вынашивала Н-а – по 3,135. С оформлением документов на биологическую маму в ЗАГСе никаких трудностей не возникло [10].

Таким образом, использование вспомогательных репродуктивных технологий на практике опережает развитие правовой базы в этой области. Принятие специального закона, регулирующего применение ВРТ, не вызывает сомнений. Закон должен четко обозначить права и обязанности субъектов возникающих отношений. СК РФ (п. 4 ст. 51 и п. 3 ст. 52) связывает вопросы при-

менения ВРТ только с лицами, состоящими в браке, в то время как медицинские ведомственные приказы допускают применение методов искусственного оплодотворения и женщинами, не состоящими в браке, для терапии бесплодия. Практика общественных отношений показывает, что с конца XX века все большую распространённость получают семьи с одним родителем, при этом дети в таких семьях отнюдь не обделены чем-либо. Все это позволяет говорить об открытии возможностей ВРТ как для лиц, состоящих в браке, так и для одиноких людей (и мужчин, и женщин).

СК РФ обходит молчанием правовой статус мужа женщины, согласившейся стать суррогатной матерью. Если суррогатная мать, состоящая в браке, решит оставить ребёнка и регистрирует его на своё имя, то отцом этого ребёнка в соответствии с принципом презумпции отцовства (п. 2 ст. 48 СК РФ) автоматически становится её муж, хотя он мог возражать или вообще не знать о её решении (если супруги проживают отдельно). Его право оспорить впоследствии в судебном порядке своё отцовство не обеспечено надлежащим механизмом защиты его интересов. На наш взгляд, договор о суррогатном материнстве, должен заключаться письменно, заверяться нотариально и происходить при участии супруга женщины, выступающей суррогатной матерью.

В свете актуальности рассматриваемой проблемы представляет интерес опубликованный в журнале «Медицинское право» проект Федерального закона «О вспомогательных репродуктивных технологиях и гарантиях прав граждан при их осуществлении», который, безусловно, заслуживает пристального внимания и серьезного обсуждения [11].

В отсутствии же специального закона Семейный кодекс РФ необходимо дополнить положениями, конкретизирующими порядок установления происхождения детей при применении методов ВРТ.

Литература

- [1] Приказ Минздрава РФ от 26 февраля 2003г. № 67 «О применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии женского и мужского бесплодия» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2003. № 32.
- [2] Юридические и практические аспекты суррогатного материнства // Юридический мир. 2004. №№ 8-9.
- [3] Тригубович Н.В., Чаусская О.А., Пулявская Л.В. Правовые отношения детей и родителей. Саратов, 2004.
- [4] Кириченко К.А. К вопросу о принципах правового регулирования вспомогательных репродуктивных технологий // Юридическое и деонтологическое обеспечение прав российских граждан на охрану здоровья: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Под ред. чл.-корр. РАМН, проф. Ю.Д. Сергеева, проф. С.В. Ерофеева. Иваново-Владимир, 2008.
- [5] Майфат А.В. Суррогатное материнство и иные формы репродуктивной деятельности в СК РФ // Юридический мир. 2000. № 2.
- [6] www.surrogacy.ru/legal_aspekts_praktikal_expiense.php.
- [7] www.surrogacy.ru/legal_aspekts_praktikal_expiense.php
- [8] www.surrogacy.ru/legal_aspekts_praktikal_expiense.php.
- [9] www.surrogacy.ru/legal_aspekts_praktikal_expiense.php.
- [10] www.surrogacy.ru/legal_aspekts_praktikal_expiense.php
- [11] Сергеев Ю.Д., Лебедев С.В., Павлова Ю.В., Дергачев Н.А. Проект Федерального закона «О вспомогательных репродуктивных технологиях и гарантиях прав граждан при их осуществлении» // Медицинское право. 2008. № 2.

УДК 343.9

Титлова Дарья Викторовна,
адъюнкт кафедры «Уголовное право»
ГОУ ВПО «Уфимский юридический институт МВД России»
e-mail: becelaia@mail.ru

Липатьева Анна Викторовна,
аспирантка кафедры «Уголовный процесс и право»
Института права
ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
e-mail: ann-lav@yandex.ru

МОТИВ И ЦЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ИХ СООТНОШЕНИЕ

В статье рассматриваются вопросы мотивации преступного поведения, анализируются существующие точки зрения на понятия «мотив» и «цель преступления», выясняется их соотношение.

Ключевые слова: мотив, цель преступления, мотивация преступного поведения, потребности, интересы, эмоции, чувства.

В настоящее время в теории психологии, криминологии и уголовного права имеется немало интересных исследований, посвященных анализу мотивации поведения человека, в частности, мотива и цели преступления.

По мнению В. Владимирова, мотив совершенного преступления – весьма важное обстоятельство, характеризующее как степень общественной опасности преступного деяния, так и степень общественной опасности лица, его совершившего. Поэтому мотивы преступления должны учитываться судом при назначении наказания [1, с.290-291].

В науке уголовного права достаточное количество работ, посвя-

щенных анализу мотивации преступного поведения. Это вполне обоснованно, поскольку значение мотива и цели в уголовном праве трудно переоценить. Без установления мотива порой невозможно определить истинную причину совершения преступления. А это в свою очередь играет важную роль для правильной квалификации содеянного и определения меры наказания виновному.

Однако следует различать понятия «мотив» и «мотивация» поведения человека. «Мотив – это движущая сила человеческого поведения, его деятельности. Мотивация (от *lat.* «*movere*») – динамический процесс физиологического

и психологического плана, управляющий поведением человека, определяющий его направленность, организованность, активность и устойчивость; способность человека деятельно удовлетворять свои потребности» [2, с.367].

Говоря о соотношении понятий «мотив» и «мотивация», К.Е. Игошев отмечает, что мотивация является более широким понятием, чем мотив. Исследователь выделяет следующие её компоненты: первоначальные побудительные силы человеческой активности (психологическая мобилизованность и готовность личности к совершению определенных действий); факторы, направляющие, регулирующие и поддерживающие эти действия или изменяющие их исходную направленность [3, с.66].

Для того чтобы представить собственное видение проблемы, попытаться дать определение понятия мотива поведения (в том числе преступного), нужно понять значимость и роль, которую он играет в общественно опасном поведении.

Понятие мотива преступления исходит из определения мотива, которое дается в курсе общей психологии. Наибольшее распространение в психологии получило мнение, согласно которому мотивами чаще всего являются потребности, влечения, побуждения, а также переживания, эмоции, интересы, желания и идеалы. С.Л. Рубинштейн предлагает следующее определение понятия мотива: «мотив как побуждение – это источник дейст-

вия, его порождающий [4, с.42]. Некоторые авторы считают, что решающее значение в мотивации человеческого поведения имеют эмоции и чувства. Мотив – это эмоциональное состояние лица, выражающееся в проявлении воли, связанной с пониманием необходимости данного поведения и желанием его осуществления.

На протяжении жизненного пути у человека могут возникнуть такие ситуации, в результате которых его восприятие жизни, ориентиры могут резко меняться. Под влиянием окружающей среды, конкретных жизненных обстоятельств, а также личностных качеств человека у него формируется определенная мотивация поведения. В зависимости от того, как человек оценивает, учитывает, взвешивает те обстоятельства, в которых он находится, как видит цель, которая перед ним встает, из отношения к ним и рождается мотив в его конкретной содержательности. Следовательно, мотив как побуждение – это источник действия, его порождающий, но чтобы стать таковым, он должен сам сформироваться [4, с.42].

Конечно, нельзя однозначно утверждать, что между условиями жизни человека и содержанием его мотивов существует прямая зависимость. Неблагоприятные условия формирования личности оказывают определенное влияние на дальнейшую жизнедеятельность каждого конкретного человека. Но в то же время мотивы выражают наиболее важные индивидуальные

черты и свойства личности, его потребности и стремления.

Следовательно, при формировании мотива необходимо учитывать не только окружающую среду, но и внутренний, духовный мир человека, состоящий из определенных ценностей. Самые обычные потребности в психике любого индивида могут быть изменены под воздействием объективной действительности, вопрос только во времени: произойдет это быстро, внезапно или в течение какого-либо периода. И неизвестно, к какому результату приведет в конкретной ситуации, будет ли это стимулом к действию или наоборот – умиротворит внутреннюю потребность.

Отдельные компоненты, а именно потребность, предпочтение которой отдается при формировании мотива, есть результат объективного и субъективного. Так, потребность растет, изменяется, принимает другую сущность в ходе исторического, социального развития и рассматривается в качестве мотива не сама по себе, потому что она еще не есть мотив, а непосредственно соприкасаясь с объектом, целью, орудиями и средствами совершения деяния и предвидением последствий, т. е. когда она осознана, эмоционально пережита и связана с конкретным поведением [5, с.6].

В этом смысле более точное определение понятия мотива преступления дается Т.Н. Харитоновой. Под мотивом преступления она понимает сформированные на основе потребностей интересы, чувства, стремления и другие психические

явления, отражающие структуру личности и побуждающие человека к совершению преступления [6, с.9].

Многие психологи и отдельные ученые-юристы отождествляют понятия мотива и цели [7, с.447-448]. Однако большинство юристов справедливо выступают против такого подхода.

Действительно, говоря о соотношении мотива и цели преступления, следует отметить, что это два сложных, абсолютно самостоятельных, но взаимодействующих друг с другом понятия. По мнению Волкова Б.С., «цель всегда опосредована мотивом, так же, как мотив опосредован целью» [5, с.6]. Цель преступления есть тот воображаемый и желаемый результат, к достижению которого стремится лицо, совершая противоправное, общественно опасное деяние. Цель преступления нельзя сводить к его фактическому результату. Действительный результат деятельности может отличаться от поставленной цели. Поэтому следует говорить о несовпадении или относительном совпадении цели и результата. Относительность совпадения цели и объективного результата деятельности заключается в том, что, даже совпадая с целью полностью, данный результат все же имеет содержание, которое не является содержанием цели и находится за пределами намерения субъекта. Несовпадение цели и действительного результата может выступать как «недовыполненная» цель или как «перевыполненная» цель, обнару-

живающаяся в непредвиденном результате деятельности. Эти положения помогают выяснить истинный механизм соотношения цели и преступного результата в преступлениях, совершенных с косвенным умыслом и по неосторожности.

Цель преступления, как и мотив, характеризует субъективные процессы, протекающие в сознании лица в связи с совершением преступления. Следовательно, цель вместе с другими обстоятельствами показывает меру общественной опасности деяния и личности преступника, что обязательно следует учитывать при определении вида и размера наказания. Специфическое свойство цели – ее временность. Как только цель достигнута, она перестает быть самой собой, то есть она снимается.

Таким образом, если мотив раскрывает сущность понимания внутренней причины побуждения к поступку и отвечает на вопрос, в силу чего совершен тот или иной поступок, почему человек в данной обстановке действует тем или иным образом, то цель, которая определяется мотивом, характеризует его направление. В этом прослеживается различное проявление волевого процесса, что, естественно, исключает тождественность этих понятий. Цель не может возникнуть сама по себе, она получает

свою реализацию вследствие появления мотива, а мотив, в свою очередь, воплощается благодаря цели.

С учетом сказанного можно сделать следующие выводы. Под мотивом преступления следует понимать обусловленное определенными потребностями и интересами внутреннее побуждение, вызывающее у лица решимость совершить преступление. Цель преступления – это тот воображаемый результат, к достижению которого стремится лицо, совершая противоправное, общественно опасное деяние.

Литература

- [1] Владимиров В. Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1999.
- [2] Толковый словарь русского языка. М., 1999.
- [3] Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. М., 1986.
- [4] Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Т. II. М., 1946.
- [5] Волков Б.С. Мотивы преступлений. Казань, 1992.
- [6] Харитонова Т.Н. Мотив ревности и его значение для ответственности при умышленном убийстве по советскому уголовному праву. Казань, 1983.
- [7] Стеркин А. Происхождение сознания. М., 2006.

УДК 347:330

Ананичева Наталья Андреевна,

*преподаватель кафедры «Гражданское право и процесс» Башкирского
института социальных технологий (филиала)*

ОУП «Академия труда и социальных отношений»

e-mail: ira-hazik@mail.ru

ДОГОВОР ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ ГРАЖДАНИНА, ПРИЗНАННОГО РОССИЙСКИМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ БЕЗВЕСТНО ОТСУТСТВУЮЩИМ

Становление рыночной экономики невозможно без регулирования ее соответствующей нормативной правовой базы. Одно из ведущих мест в этом занимает гражданское законодательство и его институт – доверительное управление, который позволит организовать более эффективное управление имуществом в различных сферах жизни, обеспечить стабильность гражданских отношений.

Новизна этой договорной конструкции порождает целый ряд проблем как научного, так и прикладного характера, требующих своего решения.

Ключевые слова: *учредитель доверительного управления имуществом гражданина, признанного безвестно отсутствующим; доверительный управляющий имуществом гражданина, признанного безвестно отсутствующим; выгодоприобретатель.*

Институт доверительной собственности зародился в период раннего средневековья (XII-XIII вв.) в Англии. Первый закон по доверительной собственности был принят в 1893 году. С 1925 года по настоящий период в английском праве действует Закон о собственности, отдельная часть которого посвящена трасту. С конца XIX века траст стал использоваться в США, где усовершенствовался и стал называться «предпринимательский траст». По своей сути это было объединение капиталов несколькими

лицами с целью увеличения этих капиталов.

Гражданское право Германии располагает сходной правовой конструкцией, основанной на договоре. Доверитель передает свое имущество доверенному, обязывая его управлять им с определенной целью и в интересах доверителя.

Отечественное право никогда не знало института доверительной собственности в том виде, в каком он существует в англо-американской системе.

Первым шагом нормотворчества в направлении внедрения доверительного управления имуществом и важным этапом на пути становления института доверительного управления имуществом в России стал Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 1993 года «О доверительной собственности (трасте)», в котором впервые в российском праве была признана возможность доверительного управления на договорной основе.

Однако траст как форма доверительной собственности не прижился в российском гражданском праве, поскольку сконструированная в России романо-германская правовая система не допускает расщепление права собственности.

Принятие первой части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) значительным образом изменило отношение к применению доверительной собственности в российских условиях [2, Ст. 3301]. В п. 4 ст. 209 ГК РФ было указано на возможность передачи имущества в доверительное управление, учреждение которого не влечет для собственника утраты права собственности [9, с.354].

Завершающим этапом становления института доверительного управления было введение в действие с 1 марта 1996г. части второй ГК РФ, где в главе 53 институт доверительного управления был детально урегулирован. Вышеназванный Указ Президента Российской Федерации утратил силу вследствие прямого

указания ст. 4 Федерального закона от 21.07.1997г. № 122-ФЗ «О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» [7, Ст. 411].

Длительное отсутствие гражданина в месте своего жительства может создать неопределенность в гражданских правоотношениях. Для устранения такой неопределенности существует институт безвестного отсутствия. При этом под безвестным отсутствием понимается совокупность исследованных и установленных судом фактов, дающих основание признать гражданина безвестно отсутствующим.

В соответствии со ст. 42 ГК РФ гражданин может быть по заявлению заинтересованных лиц признан судом безвестно отсутствующим, если в течение года по месту его жительства нет сведений о месте его пребывания. При этом местом жительства гражданина признается то, где он постоянно или преимущественно проживает. Выбор места жительства входит в содержание гражданской правоспособности.

Дела о признании граждан безвестно отсутствующими или объявлении граждан умершими рассматриваются в порядке особого производства в суде общей юрисдикции.

После принятия заявления о признании гражданина безвестно отсутствующим судья может предложить органу опеки и попечительства назначить доверительного управляющего имуществом такого гражданина.

Основные юридические последствия признания гражданина безвестно отсутствующим состоят в следующем:

а) на основании договора о доверительном управлении имуществом безвестно отсутствующего передается в постоянное управление;

б) из этого имущества выдается содержание гражданам, которых безвестно отсутствующий обязан содержать;

в) в счет данного имущества погашается задолженность по другим обязательствам безвестно отсутствующего;

г) нетрудоспособные члены семьи безвестно отсутствующего, состоящие на его иждивении, получают право на пенсию по случаю потери кормильца;

д) супруг безвестно отсутствующего может в одностороннем порядке произвести расторжение брака в органах загса.

В случае явки гражданина, признанного безвестно отсутствующим, или обнаружения места его пребывания суд новым решением отменяет свое ранее принятое решение. Новое решение суда является основанием для отмены управления имуществом гражданина, а брак восстанавливается по совместному заявлению супругов (ст. 26 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995г. №223-ФЗ (далее – СК РФ) [5, Ст. 16].

Инициаторами заключения договора доверительного управления имуществом гражданина, признанного безвестно отсутствующим, яв-

ляются заинтересованные лица (супруг, иждивенцы, кредиторы), которые при наличии вступившего в законную силу решения суда о признании гражданина безвестно отсутствующим вправе обратиться в местную администрацию (муниципалитет) с требованием о назначении управляющего и заключения с ним договора доверительного управления имуществом.

Согласно п. 1 ст. 1012 ГК РФ сторонами договора доверительного управления имуществом являются учредитель управления и доверительный управляющий. Выгодоприобретатель не участвует в заключении договора, а потому не может быть признан стороной договора. Договор доверительного управления имуществом не может быть заключен без наименования одной из сторон в качестве учредителя управления [11, с.756]. Учредителем управления именуется сторона, передающая имущество (например, орган опеки и попечительства как структурное подразделение соответствующего органа местного самоуправления при безвестном отсутствии гражданина), а доверительным управляющим – сторона, получающая его. Лицо, в интересах которого по указанию учредителя управления осуществляется доверительное управление, именуется выгодоприобретателем, которым могут быть родственники гражданина, признанного безвестно отсутствующим, а также третьи лица, удовлетворяющие свой имущественный интерес.

Доверительное управление учреждается для сохранения или распределения имущества собственника, то есть для некоммерческих целей. Эта обязанность может быть дополнена обязанностью доверительного управляющего преумножать имущество.

Управляющий должен быть выбран и назначен специальным административным актом. По действующему российскому законодательству при возникновении отношений по доверительному управлению имуществом гражданина, признанного безвестно отсутствующим, предполагается наличие следующих юридических фактов:

- решение суда о передаче имущества гражданина в доверительное управление;

- предложение о назначении доверительным управляющим со стороны органа опеки и попечительства, сделанное избранному лицу (для этого действия законом не предусмотрена какая-либо специальная форма);

- согласие данного лица;

- назначение этого лица в форме постановления или распоряжения;

- заключение договора доверительного управления имуществом.

Определение конкретного лица как доверительного управляющего осуществляется органом опеки и попечительства, который должен учитывать возможность обеспечения будущим доверительным управляющим надлежащего доверительного управления в интересах безвестно отсутствующего и третьих лиц.

Существенным недостатком заключения договора доверительного управления имуществом гражданина, признанного безвестно отсутствующим, является тот факт, что обязанность органа опеки и попечительства заключать договор доверительного управления никак не регулируется. Гражданский кодекс Российской Федерации содержит указание на то, что такой договор должен заключаться при необходимости постоянного управления имуществом. Полагаем необходимым законодательно закрепить обязанность органа опеки и попечительства назначать управляющего во всех случаях по требованию заинтересованных лиц [19, с.12-15].

Представляется, что гражданское законодательство должно содержать специальные положения об ответственности органа опеки и попечительства за выбор доверительного управляющего имуществом, неприятие или несвоевременное принятие мер по назначению управляющего, повлекшее утрату имущества лица или иные убытки. Такие же положения об основаниях ответственности должны быть предусмотрены для случаев, когда в соответствии со ст. 37 ГК РФ орган опеки и попечительства будет выдавать управляющему разрешение на отчуждение имущества, переданного в доверительное управление [17, с.54-55].

В соответствии со ст. 1015 ГК РФ в роли доверительного управляющего могут выступать лица, осуществляющие предпринимательскую деятель-

ность: индивидуальные предприниматели и коммерческие организации, но при доверительном управлении имуществом гражданина, признанного безвестно отсутствующим, помимо общих обязанностей должно выполняться дополнительное требование, согласно которому из этого имущества выдается содержание гражданам, которых безвестно отсутствующий обязан содержать, и погашается задолженность по другим обязательствам безвестно отсутствующего.

При таких условиях основной круг лиц, которые могут выполнять обязанности доверительных управляющих, должен формироваться из числа ближайших родственников и близких знакомых собственника имущества, в отношении которого учреждается доверительное управление.

Имущество, передаваемое в доверительное управление учредителем, закон именуется объектом доверительного управления (ст. 1013 ГК РФ). Состав такого имущества как существенное условие договора доверительного управления должен быть в нем определен (п. 1 ст. 1016 ГК РФ). Объектом доверительного управления может быть не любое имущество собственника. Закон прямо называет в этом качестве объекты недвижимости, включая имущественные комплексы (п. 1 ст. 130, ст. 132 ГК РФ), ценные бумаги и права, удостоверенные бездокументарными ценными бумагами, исключительные права (п. 1 ст. 1013 ГК РФ). Другое имущество, то есть дви-

жимые вещи, могут стать объектом рассматриваемого договора лишь при возможности его обособления и учета на отдельном балансе или отдельном банковском счете (п. 1 ст. 1018 ГК РФ).

Крестьянинов В.В. обоснованно полагает, что предметом любого договора является то, по поводу чего стороны заключили соглашение. Целью заключения договора доверительного управления имуществом гражданина, признанного безвестно отсутствующим, является управление имуществом в интересах определенного лица. Поэтому его предметом выступают те юридические и фактические действия, которые должен совершать управляющий по управлению переданным ему имуществом [16, с.70-72].

Доверительное управление имуществом гражданина, признанного безвестно отсутствующим, предусматривает две возможности заключения договора с доверительным управляющим.

Наиболее типична ситуация, при которой договор заключается после принятия судом решения о признании гражданина безвестно отсутствующим. В этом случае в территориальный орган федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, государственного кадастрового учета недвижимого имущества, ведения государственного кадастра недвижимости должны быть пред-

ставлены, помимо обычных, следующие документы:

- решение суда о признании гражданина безвестно отсутствующим (ст. 42 ГК РФ);

- постановление (решение) органа опеки и попечительства о назначении конкретного гражданина доверительным управляющим недвижимого имущества безвестно отсутствующего;

- договор доверительного управления недвижимым имуществом безвестно отсутствующего, заключенный между органом опеки и попечительства и управляющим, и акт приема-передачи такого имущества, подписанный обеими сторонами.

Во втором случае договор доверительного управления недвижимым имуществом отсутствующего гражданина может быть заключен и до истечения одного года со дня получения последних сведений о месте его пребывания (п. 2 ст. 43 ГК РФ). Такой договор заключается между органом опеки и попечительства и управляющим на основании постановления (решения) органа опеки и попечительства о назначении управляющего [12, с.392].

Общие требования к форме договора доверительного управления имуществом ограничиваются тем, что указанный договор должен быть заключен в письменной форме и подписан обеими сторонами. В противном случае договор доверительного управления признается недействительным (п. 3 ст. 1017 ГК РФ). Договор доверительного управле-

ния является реальным договором, поэтому для его заключения необходимо не только соглашение сторон, но и передача имущества.

Договор доверительного управления недвижимым имуществом должен быть заключен в форме, предусмотренной для договора продажи недвижимого имущества. Передача недвижимого имущества в доверительное управление подлежит государственной регистрации в том же порядке, что и переход права собственности на это имущество.

Договор доверительного управления будет считаться заключенным, если между сторонами будет достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора (п. 1 ст. 432 ГК РФ). Все они указаны в ст. 1016 ГК РФ. К их числу относится, прежде всего, условие о составе имущества, передаваемого в доверительное управление.

Следующим существенным условием этого договора является имя гражданина, в интересах которого осуществляется управление имуществом.

Как уже отмечалось, договор доверительного управления может быть возмездным и безвозмездным. В том случае, если он является возмездным и предусматривает выплату вознаграждения доверительному управляющему, в нем обязательно должны быть указаны размер и форма этого вознаграждения.

И наконец, к числу существенных условий договора доверительного управления имуществом относится срок действия договора.

Максимальный срок, на который заключается договор доверительного управления имуществом, составляет пять лет.

Права по договору доверительного управления имеют все стороны отношения, а обязанности – только доверительный управляющий. Основное право доверительного управляющего заключается в совершении любых юридических и фактических действий. Все ограничения его прав должны быть предусмотрены законом или договором (п. 2 ст. 1012 ГК РФ). Распоряжение недвижимым имуществом он осуществляет лишь в случаях, предусмотренных договором. Право же распоряжения движимостью предполагается, но договором оно может быть исключено. Точно так же договор может предусмотреть ограничения и порядок осуществления других правомочий, равно как и фактических действий.

В связи с тем, что доверительный управляющий вправе без предварительного согласия органа опеки и попечительства совершать сделки, влекущие за собой уменьшение имущества безвестно отсутствующего гражданина, что может повлечь за собой нарушение его интересов, целесообразно, по мнению многих авторов, к договору доверительного управления имуществом применять правило абз. 1 п. 2 ст. 37 ГК РФ, согласно которому такое согласие является обязательным. Соответствующее дополнение необходимо включить в п. 1 ст. 43 ГК РФ, изложив его следующим об-

разом: «Имущество гражданина, признанного безвестно отсутствующим, при необходимости постоянного управления им передается на основании решения суда лицу, которое определяется органом опеки и попечительства и действует на основании договора о доверительном управлении, заключаемого с этим органом. При осуществлении управляющим правомочий по управлению имуществом безвестно отсутствующего на управляющего распространяется действие правил, предусмотренных абз.1 п. 2. ст. 37 настоящего Кодекса».

Доверительный управляющий выступает от своего имени, но он должен указать, что действует в качестве доверительного управляющего, иначе он обязывается перед третьими лицами лично.

Доверительный управляющий имуществом безвестно отсутствующего гражданина также может иметь право принять меры по извещению представителя и третьих лиц о прекращении доверенности, однако, не во всех случаях. Договор доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего лица может и не предполагать такого рода обязанностей, относящихся к ранее возникшим (до признания гражданина безвестно отсутствующим) отношениям.

С целью устранения сложившейся неопределенности Крашенинников П.В. предлагает уточнить редакцию п. 1 ст. 189 ГК РФ, указав в ней не только правопреемников, но и опекунов, а также довери-

тельных управляющих имуществом безвестно отсутствующих граждан. [13, с.113.] Мы разделяет эту точку зрения.

Обязанности доверительного управляющего определяются тем, что совершаемые им действия производятся не в его собственных интересах, а в интересах выгодоприобретателя. Основная обязанность доверительного управляющего состоит в необходимости погашать задолженность по обязательствам безвестно отсутствующего гражданина. Следует отметить, что доверительный управляющий исполняет данную обязанность только при наличии исполнительных документов. Поэтому заинтересованные лица при отсутствии исполнительных документов должны обратиться в суд за их получением.

Управляющий осуществляет возложенные на него функции лично и может передать их третьему лицу лишь в случаях, указанных в законе (ст. 1021 ГК РФ). О выполненной им работе он должен предоставлять отчет (п. 4 ст. 1020 ГК РФ). Управляющий принимает на себя указанные функции на коммерческой основе. Это вознаграждение и составляет основное право управляющего. Размер вознаграждения, способы его исчисления (формы вознаграждения) определяются договором (ст. 1016 ГК РФ), равно как и сроки, и порядок выплаты. Остальные участники доверительного управления – учредитель и выгодоприобретатель – обязанностей не несут, а их права соответствуют названным обязанностям

управляющего. Управляющий несет ответственность за ненадлежащее исполнение им своих обязанностей.

Согласно Общему правилу п. 3 ст. 1022 ГК РФ долги по обязательствам, возникшим в связи с доверительным управлением имуществом, погашаются за счет этого имущества, и лишь в случае его недостаточности взыскание может быть обращено сначала на имущество доверительного управляющего, а затем на имущество учредителя управления. Это положение, по мнению ученых-юристов, неприменимо к договору доверительного управления имуществом гражданина, признанного безвестно отсутствующим, так как учредитель управления (орган опеки и попечительства) не является собственником.

Следует внести дополнение в п. 3 ст. 1022 ГК РФ, сформулировав его так: «Долги по обязательствам, возникшим в связи с доверительным управлением имуществом, погашаются за счет этого имущества. В случае недостаточности этого имущества взыскание может быть обращено на имущество доверительного управляющего, а при недостаточности и его имущества – на имущество учредителя управления, не переданное в доверительное управление, если иное не вытекает из сущности отношений по доверительному управлению имуществом».

Договор доверительного управления может быть прекращен по общим основаниям, предусмотренным ст.ст. 450-453 ГК РФ. Однако

ст. 1024 ГК РФ предусматривает специальные основания прекращения договора доверительного управления. Именно данные основания представляют наибольший интерес для исследования института доверительного управления имуществом и поэтому требуют детального рассмотрения.

Основанием прекращения договора доверительного управления является смерть гражданина – доверительного управляющего, признания его недееспособным, ограниченно дееспособным либо безвестно отсутствующим. Если в качестве доверительного управляющего выступает индивидуальный предприниматель, то основанием прекращения договора будет признание его несостоятельным (банкротом) [10, с.544].

Данное положение не вызывает сомнений, так как в договоре доверительного управления требуется личное исполнение управляющим своих обязанностей. С нашей точки зрения, стороны могут в качестве обстоятельства, прекращающего договор, предусмотреть сам факт внезапного исчезновения управляющего и назначить другого управляющего.

Прекращение данного договора возможно в случае отказа доверительного управляющего от исполнения договора. Основанием для отказа является «невозможность для доверительного управляющего осуществлять свои обязанности лично». Закон не раскрывает, что надо понимать под дан-

ной формулировкой. Вероятно, имеется в виду невозможность управляющего осуществлять свои обязанности лично в случае длительной болезни.

Надо отметить, что определенную специфику имеет прекращение договора доверительного управления имуществом по основаниям, предусмотренным законом. Так, управление имуществом безвестно отсутствующего лица помимо общих оснований прекращается в связи с явкой гражданина, признанного безвестно отсутствующим. В этом случае гражданин перестает быть безвестно отсутствующим, а это означает, что договор, заключенный органом опеки и попечительства, утрачивает силу. Управляющий обязан передать имущество собственнику, прекратив совершать действия по управлению.

Доверительное управление – универсальный институт, который рассчитан на применение как в коммерческой, так и в некоммерческой сфере. Однако на сегодняшний день доверительное управление не имеет широкого применения. В ст. 43 и гл. 53 ГК РФ содержатся нормы о доверительном управлении имуществом гражданина, признанного безвестно отсутствующим, однако они не в полной мере регулируют соответствующие отношения как в силу недостаточности, так и вследствие противоречивости, других же нормативных актов, регулирующих данные отношения, не существует, хотя в п. 3 ст. 43 ГК РФ предусмот-

рено принятие специального закона, определяющего иные, чем в п.п. 1 и 2 ст. 43, последствия признания гражданина безвестно отсутствующим [18, с.35-37].

Комплексный анализ теоретических и практических проблем нормативного правового и договорного регулирования отношений по доверительному управлению имуществом гражданина, признанного безвестно отсутствующим, позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования нормативно-правового и договорного регулирования в исследуемой области правовых отношений.

Литература

- [1] Конституция РФ (Принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993г.) // Российская газета. 1993. №237.
- [2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 27.12.2009) // Собрание законодательства РФ. 1994г. №32. Ст.3301.
- [3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): от 26.01. 1996г. №14-ФЗ (ред. от 17.07.2009) // Российская газета. 1996. №23.
- [4] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: от 14.11.2002 №138-ФЗ (ред. от 19.03.2010) // Собрание законодательства РФ. 2002. №46. Ст.4532.
- [5] Семейный кодекс Российской Федерации: от 29.12.1995 №223-ФЗ (ред. от 30.06.2008) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.09.2008) // Собрание законодательства РФ 1996. №1. Ст. 16.
- [6] Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»: от 21.07.1997г. № 122-ФЗ (ред. от 07.04.2010) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3594.
- [7] Федеральный закон «О введение в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации»: от 26.01.1996г. № 15-ФЗ (ред. от 09.04.2009) // СЗ РФ.1996. №5.
- [8] Указ Президента РФ от 09.03.2004 №314 (ред. от 25.12.2008, с изм. от 22.06.2009) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Российская газета. 2004. №50.
- [9] Бабаев А.Б. Система вещных прав. Монография. М., 2007.
- [10] Попов Ю.Г., Черкашин И.Л. Гражданское право. Общая и Особенная части: учебник. М., 2008.
- [11] Гражданское право. Часть вторая: учеб. для вузов. М., 2007.
- [12] Абрамова Е.Н., Аверченко Н.Н., Арсланов К.М. Гражданское право: учебник: в 3-х тт. Т.2. М., 2009.
- [13] Гонгало Б.М., Крашенинников П.В., Михеева Л.Ю. и др. Представительство и доверенность: Постатейный комментарий главы 10 Гражданского кодекса

- Российской Федерации. М., 2009.
- [14] Алябьев Д.Н. К вопросу о рецепции института доверительной собственности (траста) в российское гражданское право // Юристъ-правоведъ. 2009. №2.
- [15] Беневоленская З.Э. Доверительное управление имуществом в судебной практике // Закон. 2004. №12.
- [16] Крестьянинов В.В. Предмет договора доверительного управления имуществом // Современное право. 2008. № 10.
- [17] Михеева Л.Ю. Доверительное управление имуществом в деятельности органов опеки и попечительства // Государство и право. 2002. №4.
- [18] Никитин Д.Ю. Особенности договора доверительного управления имуществом гражданина признанного безвестно отсутствующим // Российский судья. 2006. №10.
- [19] Пьяных Е.С. Органы опеки и попечительства, как учредители договора доверительного управления имуществом, возникающего по основаниям, предусмотренным законом // Юрист. 2005. №4.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Выставки. Конкурсы

***Башкирский институт социальных технологий
награжден дипломом Министерства образования Республики
Башкортостан и специальным призом Министерства молодежной
политики и спорта Республики Башкортостан за участие в
Молодежном образовательном форуме «Образование. Наука. Карьера»,
проходившем с 29 марта по 1 апреля 2011 года***

Программа выставки была насыщена и актуальна как для ученых с мировым именем, так и для вступающих во взрослую жизнь молодых людей и их родителей. Полезную информацию мог получить каждый посетитель: абитуриенты – узнать об учебных заведениях, которые работают в республике, учителя и преподаватели вузов – поучаствовать в заседаниях круглых столов, конференциях, обменяться мнениями по актуальным для системы образования проблемам, познакомиться с современными образовательными технологиями, новинками учебной литературы.

Форум открыли Зугура Ягануровна Рахматуллина, заместитель Премьер-министра Республики Башкортостан, доктор философских наук, профессор и министр образования Республики Башкортостан Гаязов Альфис Суфиянович, доктор педагогических наук, профессор. Затем конкурсная комиссия познакомилась со всеми экспозициями. Не обошли вниманием и наш

стенд, который был содержательным и ярким.

Башкирский институт социальных технологий для своей экспозиции выбрал символ «Планета БИСТ». И это не случайно. Наш институт – это целый мир, в котором студенты могут найти себя во всех сферах студенческой жизни: научной, учебной и общественной. Активная жизненная позиция студентов БИСТ отражена в нашем девизе – «Держим курс на успех».

Большой интерес у посетителей выставки вызвала рекламная информация о вузе: передаваемая по телевизору в режиме он-лайн обзорная видеоэкскурсия по институту, красочные буклеты и студенческие газеты привлекли внимание яркостью, новизной формы и оригинальностью исполнения.

На нашем стенде абитуриенты могли проверить уровень своих знаний по экономике и праву, решив специально для них разработанные тесты. Для посетителей выставки – учащихся школ и колледжей – Хамматова Светлана Анга-

мовна, доктор педагогических наук, доцент кафедры профсоюзного движения и гуманитарных дисциплин, проводила консультации по профориентации.

В рамках выставки преподаватели БИСТ организовали мастер-классы по использованию интерактивного оборудования в учебном процессе для учителей и преподавателей вузов республики. Более 100 участников – представителей образовательных учреждений республики: учителей школ и колледжей, преподавателей вузов – воочию увидели эффективность применения интерактивной доски, мультимедийного оборудования. Свой мастер-класс провел и официальный представитель финской компании Sanako Андзей Стирц, который продемонстрировал возможности лингафонного кабинета для изучения иностранных языков. После завершения мастер-классов никто не расходился: было много вопросов, дискуссий. Все участники получили кейс с презентациями увиденных занятий.

Интересная дискуссия развернулась на конференции «Система менеджмента качества в образовании», организованной Башкирским институтом социальных технологий и приуроченной к Молодежному образовательному форуму. Темы докладов участников секционных заседаний «Балльно-рейтинговая

система контроля знаний студентов (БаРС) в БИСТ», «Информационная среда тестирования как фактор обеспечения качества образования», «Информационные ресурсы библиотеки БИСТ», «Концепция использования аудиовизуальных и интерактивных технологий в информационной среде образовательного учреждения» вызвали неподдельный интерес посетителей выставки. Полученная информация оказалась настолько актуальной и интересной, что времени, отведенного на заседание, не хватило, и обсуждение продолжилось у экспозиции БИСТ.

На протяжении всех дней выставки конкурсное жюри оценивало визитку, стенд института, активность участия в мероприятиях, качество раздаточного материала, девиз и эмблему вуза на выставке. По итогам этого конкурса наш вуз награжден дипломом Министерства образования Республики Башкортостан за высокий уровень работы с абитуриентами и активное продвижение учебного заведения на рынке образовательных услуг, а также специальным призом Министерства молодежной политики и спорта Республики Башкортостан за эффективную организацию профориентационной работы. Поздравляем студентов и профессорско-преподавательский состав БИСТ!

**Студенты БИСТ заняли 1-е место
во Всероссийском конкурсе достижений талантливой молодежи
«Национальное достояние России»**

С 1 января по 1 марта 2011 года Национальной системой развития научной, творческой и инновационной деятельности молодежи России «Интеграция» совместно с Комитетом Государственной Думы по образованию, Минобрнауки России, Рособразованим, Роскосмосом и органами управления субъектов РФ был проведен Всероссийский конкурс достижений талантливой молодежи. На Всероссийской ежегодной конференции обучающихся «Национальное достояние России», прошедшей 24-26 марта 2011, были подведены итоги.

Студенты 3-го курса юридического факультета Башкирского института социальных технологий Данилова Екатерина и Боркова Кристина под научным руководством кандидата исторических наук, доцента Нигматуллиной Танзили Алтафовны одержали победу в открытом конкурсе достижений талантливой молодежи «Национальное достояние России» и награждены национальным знаком отличия «Достояние России». Золотой знак отличия вручен Танзиле Алтафовой.

Поздравляем с заслуженной победой! Новых вам научных свершений!

Конференции. Круглые столы

***Международный круглый стол «Формирование толерантности в
многонациональном и поликонфессиональном пространстве»***

29 марта в Башкирском институте социальных технологий в формате телемоста «Франция – Россия (Республика Башкортостан)», «Израиль – Россия (Республика Башкортостан)» прошло заседание Международного круглого стола «Формирование толерантности в многонациональном и поликонфессиональном пространстве», на котором рассматривались вопросы толерантности и их актуальность в современном мире; межнациональный и межконфессиональный

диалог и толерантность; социально-педагогические аспекты воспитания толерантности у молодежи.

Французскую сторону представлял Ксавье Ле Торривеллек – заместитель директора Центра франко-российских исследований в Москве – магистр по управлению, доктор, сотрудник центра изучения русского, кавказского и центрально-европейского мира Высшей школы социальных исследований, специалист Национального института восточных языков и цивилизаций.

От имени Общества «Башкирское землячество в Израиле» выступил его председатель Вайсман Азриэль Маркович.

В Ситуационном центре института собрались представители государственных органов власти, национальных центров, конфессий, а также преподаватели вузов и учителя школ Республики Башкортостан.

Состоялся содержательный диалог, в котором приняли участие практически все присутствующие. И в России, и за рубежом проблемы оказались одинаковыми: глобализация коснулась всех и каждого, и потому вопросы толерантности являются сегодня актуальными как никогда.

Основными выводами участников заседания можно считать принятие исходных принципов толерантности, к которым следует, прежде всего, отнести отказ от насилия как неприемлемого средства приобщения человека к какой-либо идее; умение заставить себя, не принуждая других; принятие Другого, который может отличаться по разным признакам – националь-

ным, расовым, культурным, религиозным и т. д. Толерантность каждого способствует равновесию и целостности общества, раскрытию всей полноты его частей и достижению «золотой середины» на основе правил нравственности.

Заседание круглого стола получило широкий резонанс. На имя директора института Нигматуллиной Танзили Алтафовны поступило письмо из Франко-российского центра гуманитарных и общественных наук в Москве, в котором была выражена глубокая благодарность коллективу института за высокий уровень организации и проведения Международного круглого стола «Антикоррупционная политика в международном аспекте: состояние, проблемы и перспективы».

Круглый стол по проблемам толерантности начал цикл мероприятий в рамках международного юнесковского движения, а также объявленного Президентом Республики Башкортостан Р.З. Хамитовым Годом национального согласия и единства.

Международному дню родных языков посвящается

24 февраля в Уфе на круглом столе, приуроченном Международному дню родных языков, ежегодно отмечаемому ЮНЕСКО, горячо и подробно обсуждалась проблема сохранения и развития родных языков. Башкортостан – многонациональная и многоязыковая республика. Русский, башкирский,

татарский, мордовский, чувашский, удмуртский, белорусский, армянский, латышский... Более чем на 100 языках (данные переписи 2002г.) говорят его жители. Такое языковое многообразие уникально.

Как сберечь языки народов России? Как удовлетворить потребность всякого гражданина ду-

мать и говорить на родном для себя языке? Каково соотношение в образовательной сфере между языками родными и языком русским? Что означают термины «государственный язык», «родной язык», «язык межнационального общения»? Эти и другие весьма злободневные вопросы, которые озвучила директор Института истории, языка и литературы БФАН РФ профессор Ф.Г. Хисамитдинова, вызвали огромный интерес у присутствующих, ведь от того, как они решаются, зависит гражданское «самочувствие» нашей республики и, в конечном счете, всей России. Тем более что нас всех ждут новые образовательные стандарты.

Эти проблемы волнуют также наш институт и как образовательное учреждение, в котором обучаются студенты разных национальностей, и как Ресурсный научно-образовательный центр ЮНЕСКО Республики Башкортостан, одна из важнейших задач которого – формирование толерантности, уважения к своему и иным народам, их культуре и традициям.

Заместитель директора по научно-исследовательской работе нашего института профессор Е.А. Яковлева является заместителем председателя Комиссии при Правительстве РБ по реализации Закона «О языках народов Республики Башкортостан».

Она выступила с докладом «Русский язык как государственный и как родной». В своем выступлении Е.А. Яковлева отметила: «Язык – дом бытия». Эта мысль философа Мартина Хайдеггера стала лейтмотивом многих выступлений. Все существующие на Земле языки (а их более 3 тысяч) признаются ООН равными, поскольку каждый из них уникальным образом отвечает предназначению человека и каждый представляет живое наследие, которое следует оберегать».

В заседании круглого стола приняли участие ученые, преподаватели вузов, школ, руководители многочисленных национально-культурных объединений, представители Администрации Президента РБ, Министерства образования, журналисты и др. Собравшиеся подчеркнули важную роль не только государства, но и каждого члена общества в деле сохранения родного языка и приняли Резолюцию, в которой, наряду с другими предложениями, был поставлен вопрос о ратификации Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств. Проведение круглого стола стало поистине знаковым событием в рамках объявленного Указом Президента Башкортостана 2011 года как «Года укрепления межнационального согласия».

ВНИМАНИЕ! ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ!

Инновационный проект Башкирского института социальных технологий «Социокультурная модернизация образовательного и информационно-коммуникационного пространства в Республике Башкортостан, реализуемый в рамках Федеральной целевой программы развития образования на 2011-2015 годы»

***БИСТ утвержден экспериментальной площадкой
Федерального института развития образования***

В режиме on-line в Ситуационном центре были проведены 2 совместных заседания с Федеральным институтом развития образования, на которых отмечены достижения БИСТ в области современных технологий. В этом аспекте именно Ситуационный центр призван способствовать реализации инновационного пилотного проекта «Социокультурная модернизация образовательного и информационно-коммуникативного пространства в Республике Башкортостан».

В январе 2011 года на заседании рабочей группы ФИРО наш институт в режиме видеоконференции представил этот проект, реализуемый в рамках Федеральной целевой программы развития образования на 2011-2015 годы.

Концепция проекта основана на том, что:

1. В глобализированном мире образование должно содержать как обязательную составляющую Интернет-образование и в связи с этим включать формирование Ин-

тернет-культуры и сетевой этики у подрастающего поколения.

2. Для осуществления данного проекта следует создать Координационный центр, обладающий необходимым педагогическим потенциалом и достаточными Интернет-ресурсами.

3. Молодежь должна быть ориентирована не только на получение фундаментальных знаний, но и на социальное служение, реализацию гуманитарных инноваций. Этому будет способствовать внедрение в Республике Башкортостан форсайт-проекта «Детство – 2030», программы «Мое поколение» Общественной палаты Российской Федерации, создание Детской общественной правовой палаты при Уполномоченном по правам ребенка по Республике Башкортостан, а также тот факт, что Башкирский институт социальных технологий является Ресурсным научно-образовательным центром Юнеско Республики Башкортостан.

4. Добиться претворения в жизнь поставленной цели поможет социальное партнерство и откры-

тое взаимодействие с учреждениями – лидерами школьного и профессионального образования, общественными институтами, государственными и муниципальными органами власти. Подобный опыт в институте уже есть: среди наших социальных партнеров – Федерация профсоюзов Республики Башкортостан, органы государственной и муниципальной власти, бизнес-структуры. А со школами и вузами республики у нас очень тесные контакты, чему способствуют мероприятия, организованные нашим институтом: конференции, конкурсы, различного рода проекты и т. д.

Проект рассчитан на три года. Нам предстоит сделать немало: это создание Детской общественной правовой палаты, разработка методики выявления одарённых детей и индивидуальных программ их развития; внедрение прогрессивных технологий в работе с одарёнными детьми, а также создание банка данных одаренных детей и сайта «Вундеркинд»; интерактивная работа социальных полезных сайтов для разновозрастных целевых аудиторий, преимущественно детской и молодежной; проведение научно-практических Интернет-конференций, семинаров, мастер-классов и тренингов; публикации научного, учебного и учебно-методического характера; проведение межрегионального инновационного форума по исследуемой проблематике для

молодежи Приволжского федерального округа, подобно всероссийскому молодежному мероприятию, проходящему ежегодно на озере Селигер Тверской области; распространение опыта экспериментальной площадки (работа с одаренными детьми, выработка лидерских качеств, толерантности, сетевой этики и Интернет-культуры и т. д.) и много других интересных мероприятий.

Результатом проведенной работы станет формирование сетевой этики и Интернет-культуры у детей и молодежи в режиме экономики знаний, социокультурная модернизация образовательного и информационно-коммуникационного пространства в Республике Башкортостан.

Заслушав основные положения предложенного проекта, рабочая группа Федерального института развития образования единогласно приняла решение утвердить Башкирский институт социальных технологий в качестве экспериментальной площадки. Курировать работу будет доктор педагогических наук, профессор, главный специалист ФИРО Уваров Александр Юрьевич.

*Зам. директора Башкирского
института социальных
технологий (филиала) ОУП
«Академия труда и социальных
отношений» по научно-
исследовательской работе
Яковлева Е.А.*

***Система менеджмента качества в БИСТ
соответствует требованиям международных стандартов!***

14-15 февраля 2011 года в институте работали эксперты «Русского регистра»: Чернышова Галина Геннадьевна, Председатель комиссии, эксперт по сертификации систем менеджмента качества в системе ГОСТ Р, и Пыхов Сергей Иннокентьевич, технический эксперт.

По результатам проверки члены комиссии ни одного несоответ-

ствия не выявили и отметили, что действующая в филиале система мониторинга и измерений обеспечивает контроль всех характеристик образовательных услуг на соответствие требованиям, предусмотренным сертификацией услуг.

Анонс!

27 мая 2011 года в Башкирском институте социальных технологий (филиале) ОУП «Академия труда и социальных отношений» состоится ежегодная международная научно-практическая конференция школьников, студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь в современном мире: проблемы и перспективы».

На форуме будут обсуждаться следующие проблемы:

1. Конституционные права и свободы молодежи в современном мире.

2. Глобализирующийся мир и молодежные движения.

3. Современный рынок труда и студенческая молодежь.

4. Межкультурный диалог как средство формирования толерантной личности.

Рабочие языки конференции – английский, немецкий, французский и русский (как иностранный).

Приглашаем всех желающих принять участие в работе конференции!

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Механизм согласования федерального и регионального законодательства (авт. М.Ф. Маликов, Е.М. Минеев). – Уфа: АН РБ, Гилем, 2010. – 232с.

Проблема разделения государственной власти между Российской Федерацией и ее субъектами, несмотря на множество публикаций, исследована, на наш взгляд, все же недостаточно полно. И поэтому выход в свет научного труда, в котором предлагается дальнейшая разработка современной научной концепции совершенствования конституционно-правовых отношений в России, предлагающей различные модели построения взаимовыгодных отношений в вопросах двухуровневой законотворческой и законодательной деятельности по вертикали «Центр-регион» в Российской Федерации, является весьма своевременным.

Определив цель исследования как разработку согласительной процедуры для разрешения разногласий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Башкортостан, авторы достигают ее, решая исследовательские задачи с учетом необходимости разработки критериев согласования в сфере законодательной компетенции Федерации и ее субъектов; определения правомочности Республики Башкортостан при принятии нормативно-правовых актов; выявления соответствия содержания нормативно-правовых актов объема

полномочий правотворческих органов субъектов Российской Федерации; нахождения правильности выбора видов нормативно-правовых актов; соблюдения процедуры подготовки и принятия нормативно-правовых актов; соответствия законодательства субъектов федеральным нормам; возможности и необходимости приведения в соответствие федерального и регионального законодательства и придания этому процессу двустороннего взаимовыгодного и взаимовлияющего характера. В самом конце 2010 года – в год 20-летней годовщины принятия Декларации о государственном суверенитете Республики Башкортостан – вышла в свет 4-я часть комплексного научно-правового исследования о согласования федерального и регионального законодательства, проводимого доктором юридических наук, профессором Маликовым М.Ф совместно со старшим преподавателем БИСТ (филиала) ОУП «АТиСО» Минеевым Е.М.

Методологическая основа данного монографического исследования базируется на использовании современных методов познания, выявленных и разработанных юридической наукой и апробированных практикой. В ходе исследования авторы применили системный, струк-

турно-функциональный, исторический, сравнительно-правовой и другие методы, принципы единства исторического и логического, абстрактного и конкретного. Это позволило исследовать рассматриваемые объекты во взаимосвязи, целостности, всесторонне и объективно.

Нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, Конституция Республики Башкортостан, базовые акты действующего российского федерального законодательства и законодательства РФ. Вместе с тем были изучены важнейшие правовые акты некоторых федеративных зарубежных стран и их субъектов в сочетании с практикой их применения. Авторами также использованы работы и выступления политических и государственных деятелей России и Башкортостана, доклады Комиссии при Президенте РФ по подготовке договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, материалы библиотеки-архива Государственного Собрания-Курултая РБ, богатый личный опыт работы в государственных органах власти, научных, образовательных учреждениях и др.

В монографии подробно проанализированы тексты Конституции Республики Башкортостан в разных редакциях, проектов законов Республики Башкортостан, изменения и дополнения в действующую Кон-

ституции и законы Республики Башкортостан, рассмотрены новая редакция (нового текста) действующих законов субъекта Российской Федерации, а также рекомендации федеральных государственных органов и научных учреждений по улучшению содержания принятых ранее законодательных норм и модельного законодательного акта.

Авторы приходят к выводу о том, что требуется незамедлительная конкретизация федеральных законов и конституционного законодательства в рамках совместного ведения Российской Федерации и Республики Башкортостан в целях обеспечения регламентации тех сторон экономической, политической и социальной сфер жизни региона, регулирование которых выходит за пределы исключительного ведения Российской Федерации и ее совместного ведения с субъектами федерации.

Мы считаем, что данная монография как комплексное исследование двухуровневого правового регулирования в Российской Федерации является логическим продолжением исследования проблем, связанных с методологией изучения конституционного права Российской Федерации, усмотрением правоприменителя, российским конституционализмом, концепцией государственной власти и самоуправления, типологией собственного правового регулирования субъектами федерации, совершенствованием государственности субъектов федерации, пра-

вовыми основами российского федерализма, концептуальными основами конституционного понимания и правопользования.

Данный научный труд может быть использован для дальнейших научных исследований по таким научным направлениям, как юриспруденция, политология, история и др., а также может быть рекомендован учащимся средних специальных учебных заведений и студентам высших учебных заведений республики, аспирантам и соискателям, практикующим юристам, а

также всем, кто хочет углубить свои знания по дисциплинам «Конституционное право», «Парламентское право», «Теория и история государства и права», «Политология», «Регионология», «Элитология», «Отечественная история» и ряду других предметов и спецкурсов гуманитарной направленности.

*Л.В. Сердюк,
доктор юридических наук,
профессор (ФГО ВПО «Уфимский
юридический институт
МВД России»)*

Уголовно-исполнительное право: исполнение краткосрочного лишения свободы в следственном изоляторе (авт. Б.З. Маликов, А.О. Зубова). – Уфа: РИО БИСТ (филиал) ОУП АТусО, 2011. – 176с.

В теории уголовного и уголовно-исполнительного права значительное внимание уделяется рассмотрению наказания в виде лишения свободы не только в силу сложности и дискуссионности проблем, связанных с назначением и исполнением лишения свободы, а прежде всего в связи с социально-правовой значимостью этого наказания. Достаточно заметить, что в Российской Федерации к лишению свободы ежегодно осуждается более 300 тыс. человек. Число лиц, находящихся в условиях несвободы, приближается к миллиону. В 2007г. отбывали наказание в условиях изоляции от общества 883170 человек, в 2008г. – 887723, в 2009г. – 875841, в 2010г. – 864000. По состоянию на 1 января 2011г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы, обеспечивающих изоляцию от общества, содержалось 819,2 тыс. человек. Среди них 118,9 тыс. подозреваемых, обвиняемых и осужденных содержалось в следственных изоляторах и 165 тыс. – в помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях.

В соответствии с действующим уголовно-исполнительным законодательством следственные изоляторы предназначены как для содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, в

отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, так и для исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, а также осужденных на срок до шести месяцев. Разнородность спецконтингента следственных изоляторов и многообразие задач, стоящих перед этим видом исправительных учреждений, порождают ряд проблем. Осуществление функции исполнения наказания следственными изоляторами осложняется тем, что данного рода учреждение не предназначено и не приспособлено для реализации соответствующего объема карательного воздействия в условиях, сопоставимых с условиями исполнения и отбывания наказания в исправительной колонии общего режима. Данное обстоятельство продиктовано тем, что следственный изолятор является учреждением закрытого типа. Вместе с тем не все субъекты Российской Федерации обеспечивают осужденных к лишению свободы на срок до шести месяцев правом на отбывание наказания в следственных изоляторах. Об этом свидетельствует и статистика.

В свете сказанного монографическое исследование Б.З. Маликова и А.О. Зубовой на тему «Уголовно-исполнительное право: исполнение

краткосрочного лишения свободы в следственном изоляторе» является актуальным и своевременным.

В работе исследованы закономерности развития и применения норм отечественного и зарубежного законодательства, направленного на регулирование краткосрочного лишения свободы, раскрыта сущность краткосрочного лишения свободы и проанализированы особенности его исполнения, сформулированы рекомендации по законодательному совершенствованию порядка оставления осужденных – «краткосрочников» для отбывания наказания в следственных изоляторах, а также выявлены особенности их правового статуса.

Научная обоснованность результатов исследования определяется системным анализом российского уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, внушительной теоретической базой (около 200 источников), а также использованием результатов социологических исследований, проведенных в Управлении организации деятельности тюрем и следственных изоляторов Федеральной службы исполнения наказаний России, Управлениях Федеральной службы исполнения наказаний девяти субъектов Российской Федерации. Непосредственно авторами было проведено анкетирование 215 сотрудников и 350 осужденных СИЗО и исправительных колоний Самарской и Оренбургской областей.

Структура монографии соответствует целям и задачам исследования и включает две главы, объединяющие семь параграфов.

Проанализировав наиболее общие проблемы исполнения краткосрочного лишения свободы и предложив пути их решения, Б.З. Маликов и А.О. Зубова рассмотрели конкретные вопросы, имеющие непосредственное значение для законодательской и правоприменительной практики.

В работе содержится авторское определение краткосрочного лишения свободы, выявляются его достоинства и недостатки. Справедливо ставится вопрос о возможности замены краткосрочного лишения свободы альтернативными видами наказания, такими как штраф, обязательные, исправительные работы, ограничение свободы. Данные положения соответствуют целям и задачам Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020г.

Исследуя организационно-правовые аспекты исполнения наказания в отношении осужденных, содержащихся в следственных изоляторах, авторы предлагают предусмотреть для следственных изоляторов три вида условий содержания осужденных. Справедливо замечено, что в действующих правилах внутреннего распорядка следственных изоляторов не отражены особенности процедуры исполнения лишения свободы в указанных учреждениях. Авторы предлагают дополнить Правила внутреннего

распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы разделом, посвященным режиму отбывания лишения свободы осужденными на срок до шести месяцев.

Заслуживают поддержки предложения о необходимости законодательного закрепления такого юридического основания для оставления осужденного к лишению свободы в следственном изоляторе, как решение суда. Для этого Б.З. Маликов и А.О. Зубова предлагают внести системные изменения в уголовное, уголовно-исполнительное и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации.

Значительное внимание в исследовании уделяется вопросам, связанным с установлением сущности и содержания режима. Такой интерес понятен и оправдан, так как установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим) является основным средством исправления, обеспечивающим надлежащую реализацию иных средств, таких как воспитательная работа, общественно-полезный труд, получение образования, профессиональная подготовка, общественное воздействие. В работе содержатся заслуживающие внимания предложения о совершенствовании порядка и условий исполнения и отбывания кратковременного лишения свободы в следственных изоляторах, о закреплении в законе элементов правового статуса осужденных-«краткосрочников». Вносятся предложения об организации на базе учебных уч-

реждений ФСИН России специальных курсов повышения квалификации сотрудников, работающих с осужденными.

Немало в монографии и других заслуживающих внимания выводов и предложений. Однако в ней имеются и положения, которые предполагают дискуссию.

Спорным представляется предложение о применении условно-досрочного освобождения к лицам, осужденным к лишению свободы на срок до 6 месяцев. Во-первых, за столь непродолжительный период невозможно изучить личность осужденных и сделать вывод о том, что для своего исправления осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания (ст. 79 УК РФ). К тому же объем возможных поощрений для осужденных, предусмотренных ст.113 УИК РФ, представляет широкий спектр возможностей для улучшения правового положения осужденных и частичной компенсации неудобств, связанных с отбыванием наказания в следственных изоляторах.

Нельзя согласиться и с предложением авторов о наделении осужденных к лишению свободы избирательным правом. Сомнительно предоставлять право на участие в управлении делами государства лицам, нарушившим его уголовно-правовые нормы. К тому же это технически неосуществимо, т. к. данное правоограничение предусмотрено главой 2 Конституции РФ, которая неприкосновенна.

При сравнительно-правовой характеристике краткосрочного лишения свободы авторам следовало определить место следственных изоляторов в системе исправительных учреждений зарубежных стран. А также проанализировать возможность и необходимость заимствования зарубежного опыта в Российской Федерации в части исполнения наказания следственными изоляторами.

Высказанные замечания носят частный характер и предполагают научную дискуссию, поэтому они не

ставят под сомнение общий вывод о том, что по актуальности избранной темы, аргументированности научных положений и рекомендаций, их новизне рецензируемая работа заслуживает положительной оценки и представляет интерес для всех интересующихся проблемами теории и практики уголовного и уголовно-исполнительного права.

*О.А. Адоевская,
кандидат юридических наук,
доцент (ГОУ ВПО «Самарский го-
сударственный университет»)*

CONTENTS AND SUMMARIES

STATE DIRECTION FOUNDATIONS

Malikov Marat Faizelkadirovich,

Doctor of Law, Professor, Head of The Theory, History of State and Law and Constitutional Law Chair of the Bashkir Institute of Social Technologies (branch of the Academy of Labour and Social Relations)

A QUESTION OF AN OPTIMAL MODEL OF THE FEDERAL AND REGIONAL LEGISLATION CONCORDANCE

Social-political. economic-legal aspects of federal and regional legislation concordance aspects are considered in the article.

Key words: *federation, regions of the federation, models of power distribution, subjects of the joint authority, statehood, legal standards.*

Gaydouk Vitaly Victorovich,

Doctor of Political Sciences, Candidate of Law, Professor of Constitutional Law Chair of the Bashkir State University, Member of the Eurasia Law Magazine's Editorial Council (Moscow)

THE CONCEPTION OF THE FEDERAL DEMOCRACY AND UNITARY AUTHOTARISM

Problems of democracy, a phantom character of federalism and the national problem is considered in the article.

Key words: *Russian constitution, federative democracy, unitary authoritarianism, Commonwealth of Independent States, political modernization, administrative reform, regions of the federation, regionalism.*

Aleksandrova Natalya Aleksandrovna,

Candidate of Law, Assistant Professor of the Constitutional and Administrative Law Chair of the South Ural State University

THEORETICAL PROBLEMS OF THE UNITY OF THE RUSSIAN FEDERATION'S CONSTITUTIONAL LEGISLATION SYSTEM

Theoretical problems of the unity of the Russian Federation's constitutional legislation system are considered in the article.

Key words: *Russian constitution, regions of the federation, inhouse legislations, outstrips legislations, constitutional criteria, delimitation of the authority subjects.*

Malikov Marat Faizelkadirovich,

Doctor of Law, Professor, Head of The Theory, History of State and Law and Constitutional Law Chair of the Bashkir Institute of Social Technologies (branch of) the Academy of Labour and Social Relations

Panshin Vladimir Yevgenyevich,

Instructor of The Theory, History of State and Law and Constitutional Law Chair of the Bashkir Institute of the Social Technologies (branch of) the Academy of Labour and Social Relations

INTERNATIONAL STANDARDS' INFLUENCE ON THE REALIZATION ON THE RUSSIAN STATE YOUTH POLICY

The main international normative legal acts and documents which determine the conception in the youth policy direction realization in the condition of the globalizing world.

Key words: *General Declaration of Human Rights, Lisbon Declaration, Brag plan of the youth activity, the Russian Federation, regions of the federation, Russian constitution, state youth policy.*

THE PROBLEMS OF THE CRIMINAL LAW AND PROCEEDINGS

Malikov Boris Zufarovich,

Doctor of Law, Professor, Head of The Criminal Law, Proceedings and Criministics Chair of the Bashkir Institute of Social Technologies (branch of) the Academy of Labour and Social Relations

COUNTERACTION TO THE CORRUPTION: THE CONDITIONS AND THE REALIZATION DEMANDS

The counteraction to the corruption problem, which is topical in the contemporary Russian legislation, is considered in the article; the reasons for corrupt distortions of the public relations in Russia are revealed; the effective measures of the citizens' corrupt behaviour are proposed.

Key words: *the corruption, counteraction to the corruption, anticorrupt activity, civic society, public relations.*

Nurkayeva Tatyana Nikolayevna,

Doctor of Law, Professor of The Criminal Law, Proceedings and Criminalistics Chair of the Bashkir Institute of Social Technologies (branch of) the Academy of Labour and Social Relations

Yusupov Niyaz Valeryevich,

Instructor of The Criminal Law Chair at the Ufa Institute of Law of the Russia's Ministry of the Internal Affairs

FOREIGN CRIMINAL LEGISLATION ON RESPONSIBILITY FOR LEGALIZATION (LAUNDERING) OF PROPERTY THAT WAS RECEIVED FROM ILLEGAL NARCOTIC DRUG CIRCULATION, PSYCHOTROPICS AND THEIR ANALOGUES

The comparative law analysis of the criminal legislation of the several near and distant foreign countries about responsibility for the legalization of property that was received from illegal narcotic drug circulation, psychotropics and their analogues. The features that are necessary, by the authors' opinion, to use expediently for the purpose of the home criminal legislation perfection, providing the responsibility for the similar activities, are revealed.

Key words: *legalization (laundering) of property that was received in a criminal way; narcotic drugs, psychotropics and their analogues; the criminal legislation of the near and distant foreign countries.*

Malikov Boris Zufarovich,

Doctor of Law, Professor, Chair of "Criminal Law, Procedure and Criminalistics" subdepartment at the Bashkir Institute of Social Technologies (branch of) "Academy of Labour and Social Relations"

Adylin Dmitry Mikhailovich

junior scientific assistant of subdepartment "Criminal Law and Criminology" Samara Institute of Law of the Federal Penitentiary Service of Russia

EXECUTION PROBLEMS OF IMPRISONMENT OF HIV-INFECTED CONVICTS

The article examines the legal issues of the execution of HIV-infected convicts' imprisonment.

Key words: *HIV-infected convicts, executive legislation, penal institution.*

Gromov Vladimir Gennadyevich,

Doctor of Law, Assistant Professor of The Criminal Law and Criminology Chair of the Saratov Institute of Law of the Russia's Ministry of Internal Affairs, Colonel of the Police

Danilova Svetlana Olegovna,

Competitor of The Criminal Law and Criminology Chair of the Saratov Institute of Law of the Russia's Ministry of Internal Affairs

SOME PROBLEMS OF THE `SOVIET` SYSTEM OF IMPRISONMENT INSTITUTIONS IN RUSSIA

The article presents topical questions of the penalty institution's activity perfection. The theoretical analysis of the criminal executive activity in Russia and foreign countries is presented. The authors argue the necessity of the reforms of the `Soviet` system of penalty institutions and formulate several positions and conclusions letting estimate the real situation in the topical questions of the reforms in the system of penalty imprisonment.

Key words: *imprisonment, a settlement colony, an educational colony, a medical penalty institution, penalty colony of the general \ severe \ special regime, a prison.*

Nurkayeva Tatyana Nikolaevna,

Doctor of the Law, Professor of Criminal Law, Process and Criminalistics Chair at Bashkir Institute of Social Technologies (branch of) the Academy of Labor and Social Relations

Poezhalov Vladimir Borisovich,

Candidate of the Law, associate professor of Criminal Law Chair at Ufa Law Institute of the Russia's Ministry of the Internal Affairs

ON THE QUESTION OF A VICTIM OF SLANDER AND INSULT: CRIMINAL-LEGAL AND PROCEDURAL ASPECTS

The article is devoted to problem questions connected with the definition of the people being victims of slander and insult. The authors analyze criminal-legal and procedural aspects of this problem, research the experience of foreign countries, state their own opinion on this topic.

Key words: *slander, insult, honor, dignity, reputation, victim of a crime, criminal law.*

YOUNG SCIENTISTS ABOUT URGENT LAW QUESTIONS

Ibatullina Elvira Azgatovna,

Senior lecturer of the Civil Law and Process Chair at Sterlitamak branch of Bashkir State University

ENTREPRENEURSHIP AS A FACTOR OF A LEGAL MODERNIZATION

The article is devoted to the definition of the entrepreneurship role in the market system of economic relations of the contemporary society oriented to the

modernization of all spheres of life. The author notes the increasing role of the state regulation of the entrepreneurial activity.

Key words: *governmental authorities, Russian entrepreneurship, financial-legal regulation, constitutional legislation, innovative business.*

Shakirova Marina Leonidovna,

Candidate of Law, associate professor of Civil Law Chair at the Bashkir Academy of the Government Service and Administration under the President of the Bashkortostan Republic

Bikkulova Alfiya Maskhutovna,

Senior lecturer of Criminal Law and Process Chair at Ufa Law Institute of the Russia's Ministry of the Internal Affairs

LEGAL REGULATION OF DETERMINATION OF CHILDREN'S PARENTAGE USING SUBSIDIARY REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES: URGENT QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

The article is devoted to the research of some urgent questions of legal regulation of determination of children's parentage. The practice of application of various subsidiary reproductive technologies and the basis of the origin of parental rights and duties are analyzed.

Key words: *subsidiary reproductive technologies, surrogate maternity and paternity, determination of a child's parentage.*

Titlova Darya Victorovna,

Junior scientific assistant of Criminal Law and Process Chair at Ufa Law Institute of the Russia's Ministry of the Internal Affairs

Lipatyeva Anna Victorovna,

Post-graduate student of Criminal Process and Law Chair at the Institute of Law of Bashkir State University

MOTIVE AND OBJECTIVE OF A CRIME, THEIR CORRELATION

The article is devoted to the questions of motivation of a criminal behavior, analysis of the existing points of view on the question of the definition of the motive and objective of a crime, their correlation.

Key words: *motive, objective, motivation of a criminal behavior, needs, interests, emotions, feelings.*

Ananicheva Natalya Andreevna,

*Lecturer of Civil Law and Process Chair at Bashkir Institute of Social Technologies
(branch of) the Academy of Labor and Social Relations*

**CONTRACT OF TRUST MANAGING OF CITIZEN'S PROPERTY CONSIDERED BY THE
RUSSIAN LEGISLATION AS OBSCURE ABSENTEE**

The formation of the market economy is impossible without its regulation by an appropriate normative legal basis. One of the leading places is occupied by the civil legislation and its institute, i.e. trust managing which will allow organizing more effective property managing in different spheres of life and providing the stability of civil relations.

Novelty of this contractual construction causes a row of both scientific and applied problems demanding the solutions.

Key words: *founder of the trust managing of citizen's property considered as obscure absentee; trust manager of citizen's property considered as obscure absentee, beneficiary.*

АВТОРАМ

Уважаемые коллеги!

Редакция научного журнала «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» приглашает к сотрудничеству на страницах журнала ведущих ученых, молодых исследователей, аспирантов, соискателей и всех заинтересованных лиц в качестве авторов статей, участников круглых столов, рецензентов и т. п.

Наш журнал новый в мире научной периодики Республики Башкортостан. Основную миссию журнала мы видим в консолидации усилий ученых России и Республики Башкортостан по формированию единого научного информационного пространства.

Целью нашего издания является широкое распространение информации о научной деятельности преподавателей и студентов БИСТ; публикация научных трудов, дискуссионных, аналитических и прогнозных статей

ученых и практиков по наиболее актуальным проблемам развития современного общества.

В «Вестнике БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» предполагается публикация научных исследований по следующим направлениям:

- Общественные науки;
- Экономика;
- Юриспруденция.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Мы заинтересованы в эффективном сотрудничестве с высококвалифицированными специалистами и будем благодарны всем, кто поможет нам сделать наш журнал ярким и интересным.

Стандарт представления статьи в журнал «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)»

1. Материалы представляются в электронном и распечатанном (1 экз.) вариантах, которые должны быть идентичны (либо только в электронном варианте для тех, кто высылает статью по e-mail: vestnikBIST@mail.ru).

2. Текст статьи набирается в текстовом редакторе Microsoft Word, шрифт Times New Roman, 14 кегль, через 1 интервал, без переносов, выравнивание по ширине. Размер бумаги – А4 (21 см х 29,7 см), ориентация – книжная. Поля: верхнее – 2,5 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое – 2 см.

3. Абзацный отступ устанавливается автоматически (Формат → Абзац → Первая строка – отступ 1 см.). **Внимание!** Не следует оформлять абзацный отступ с помощью многократных пробелов и табуляции.

4. Не используйте колонтитулы. Нумерация страниц производится внизу справа, начиная с 1-ой страницы.

5. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения должны быть раскрыты при первом появлении их в тексте.

6. Разделы и подразделы статьи нумеруются арабскими цифрами, выделяются полужирным шрифтом и на отдельную строку не выносятся.

7. Таблицы в тексте рекомендуется выполнить в редакторе Microsoft Word (не отсканированные и не в виде рисунка). Таблицы должны располагаться в пределах рабочего поля. Форматирование номера таблицы и ее названия: шрифт обычный, размер 11 пт, выравнивание по центру. **Обратите внимание**, что в конце названия таблицы точка не ставится! Содержимое таблицы – шрифт обычный, размер 11 пт, интервал – одинарный.

8. Рисунки размещаются в рамках рабочего поля. Допускается использование рисунков в форматах JPEG и GIF. Рисунки должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Используемое в тексте сканированное изображение должно иметь разрешение не менее 300 точек на дюйм. Подпись под рисунком. Форматирование названия и номера рисунка – шрифт обычный, размер – 11 пт, выравнивание по центру, интервал – одинарный.

Обратите внимание, что в конце названия рисунка точка не ставится!

9. Библиографические ссылки на литературу и источники в тексте оформляются в квадратных скобках [номер источника по списку, номера страниц], например, [1, с. 256].

10. Список литературы размещается в конце статьи. Размер шрифта 12 пт., форматирование выравниванием по ширине страницы, например: [1] *Аверьянов Л.Я.* Социология: что она знает и может. М., 1993. (Фамилия и инициалы автора/авторов (выделяется курсивом), название, выходные данные, включая название издательства).

11. В правом верхнем углу указываются сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, почетные степени и звания, место работы автора и занимаемая должность), например:

Иванов Иван Иванович

доктор экономических наук, профессор кафедры
«Экономика и менеджмент» Академии труда и социальных отношений,
действительный член Российской академии наук Российской Федерации

12. Ниже, через 1 интервал, прописными буквами 14 кеглем полужирным выделяется название статьи на русском и английском языках. Выравнивание – по центру. **Обратите внимание**, что в конце заголовка точка не ставится!

13. Через 1 интервал 12 кеглем курсивом приводится аннотация на русском и английском языках (по 500-700 знаков с пробелами). На следующей строке – ключевые слова (5-7 единиц).

14. Файл сохраняется в формате doc. Название файла – фамилия автора, например: Иванов.doc.

15. Объем материалов: максимальный объем статьи 15 полных страниц; минимальный – 5 полных страниц.

16. Работы аспирантов и соискателей должны сопровождаться отзывом научного руководителя и выпиской с заседания кафедры с рекомендацией.

17. Для контакта с автором к статье прикладываются почтовый адрес, контактный телефон и адрес электронной почты.

«Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)»
Серия «Юриспруденция». 2011. № 1 (9).

Редакторы: А.К. Сулейманова, Н.Н. Черкесова
Компьютерная верстка: К.В. Калинина

Формат 60x84 / 8 Усл. печ. л. 10,2
Гарнитура Times Заказ 9.
Тираж 1500 экз.

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-34653 от 02 декабря 2008 г.

Отпечатано в типографии БИСТ (филиал) АТиСО
450054, г. Уфа, проспект Октября, 74/2
+7 (347) 237-24-82

Отпечатано
в типографии БИСТ
Тираж 1500 экз.